ISSN 2560-3752 (Online)

АСПЕКТ

ЖУРНАЛ ЧАСОПИС
социальных и гуманитарных наук
друштвене и хуманистичке науке

Церковь и славянские идентичности

Црква и словенски идентитети

№ 4(4)
2017

БЕОГРАД - МИНСК

BELGRADE - MINSK

ASPECT

АСПЕКТ № 4(4) 2017

Журнал социальных и гуманитарных наук

Церковь и славянские идентичности / Црква и словенски идентитети

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИИ И РАБОТЫ ПО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКЕ

⇒ Зоран Милошевић «Извори румунске политике / Источники румынской политики» - стр. 3

⇒ Шевченко К.В. «Судебный процесс по делу православных русинов в Г. Мараморош-Сигет в 1913-1914 годах в освещении чешской прессы» - стр. 11

⇒ Зеленковский И.Ф. «К вопросу формирования ментального портрета и цивилизационного выбора постсоветских элит».—стр 15

⇒ Павлов В.И. « Православная традиция как фактор формирования идентичности восточнославянских правовых систем» - стр. 30

⇒ Миронович. А.В. «Ревиндикация православных церквей во II Речи Посполитой»— стр. 38

⇒ Гронский А.Д. « Польская конституция 1791 г. и отражение в ней этноконфессиональной проблематики»— стр. 51

⇒ Священник Алексий Хотеев. «Вероисповедание Франциска Скорины» - стр. 59

⇒ Казак О.Г. «Арнольд Дулишкович как свидетель обвинения на Втором Марамарош-Сиготском процессе: реальность и мифы».—стр. 63

⇒ Черепица. В.Н.«Последний год жизни Г.В. Плеханова в освещении журнала «Нива» (апрель 1917-июль 1918 года)» - стр. 67

⇒ Разгулов В.М. «По следам Грушевской типографии и Королевского Евангелия» - стр. 75

⇒ Криштапович Л.Е.. «Религиозная ситуация в БССР и Западной Белоруссии. 1921-1939 гг. (сравнительный анализ)» .—стр. 79

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

⇒ Воробьева Л.А. «Сергей Есенин и современная поэтическая традиция Беларуси». - стр. 84

СВЕДЕНИЯ О ЖУРНАЛЕ «АСПЕКТ» - стр. 102

Международное научное электронное издание

Издается совместно:
- Центар академске речи
(Београд-Шабац, Србија) www.carsa.rs
- Научно-просветительский проект
"Западная Русь"
(Минск) http:// apadrus.su

Редакционный совет:

Александр Гегальчий (Прага)
Александр Гронский (Минск)
Александр Киселев (Минск)
Анатолий Аврутин (Минск)
Валентина Теплова (Минск)
Всеволод Шимов (Минск)
Кирилл Шевченко (Минск)
Юрий Аверьянов (Москва)

Главные редакторы:

Др Зоран Милошевић (Београд)

Игорь Зеленковский (Минск)

Адрес редакции:

Војводе Мишича 1/5,

15000 Шабац, Србија
http: /aspects.su/

aspect.journal@gmail.com
ISSN **2560-3752** (Online)
Номер вышел в мае 2017 г.

ASPECT № 4(4) 2017

Humanities and Social science magazine

Church and Slavic Identities

MATERIALS OF SCIENTIFIC CONFERENCES AND WORKS OF SOCIAL, HUMANITARIAN AND HISTORICAL SUBJECTS

⇒ Zoran Miloshevich “Sources of romanian poli cs” - page 3

⇒ Kirill Shevchenko “Judicial process on the case of orthodox russians in Maramorosh-Siget in 1913-1914 in the lighti g of the czech press”- page 11

⇒ Igor Zelenkovsky. “On the issue of the formati n of a mental portrait and the civilizati nal choice of post-Soviet elites.”. - page 15

⇒ Vadim Pavlov "Orthodox traditi n as factor of identi y systems of legal east slavic" - page 15

⇒ Anton Mironovich “Revival of Orthodox Churches in the 2nd Rzeczpospolita". - page 38

⇒ Alexander D. Gronsky "The Polish Consti uti n of May 3, 1791 and the re ection in it of e hnoconfessional issues". - page 51

⇒ Pr. Aliaksei Khatseyev. “The Confession of Francis Skaryna” - page 59

⇒ Oleg Kazak. "Arnold Duliskovich as a witness for the prosecu on at the Second Maramarosh-Sigot process: reality and myths" - page 63

⇒ Valeriy Cherepitsa “The last year of his life G.V. Plekhanov in the coverage of the magazine Niva (April 1917-July 1918)”- page 67

⇒ Valery Razgulov "Following the footsteps of the Grushevsky printin house and the Royal Gospel" - page 75

⇒ Lev Krishtapovich "Religious situati n in the BSSR and Western Belorussia. 1921-1939 (compara ve analysis)" - page 79

LITERARY CRITICISM

⇒ Ludmila Vorobjova "Sergey Esenin and the modern poe c traditi n of Belarus" - page 84

ABOUT MAGAZINE - page 104.

International esearch electronic publishing

Published jointly by:

- "Center for Academic word" (Belgrade-Sabac, Serbia) www.carsa.rs

- Scien fic and educational p oject "Western Russia" (Minsk) http:// apadrus.su

Editorial Council::

Alexander Gegalchy (Prague);
Alexander Gronskii (Minsk);
Alexander Kiselev (Minsk);
Anatoly Avrutin (Min k);
Valentine Teplova (Minsk);
Vsevolod Shimov (Minsk);
Kirill Shevchenko (Minsk);
Yury Averyanov (Moscow)

Editor in Chief:

Zoran Milosevic (Belgrade)

Igor Zelenkovsky (Minsk)

Editorial address:

Војводе Мишича 1/5,

15000 Шабац, Сѐбија

http: /aspects.su/

aspect.journal@gmail.com

ISSN **2560-3752** (Online)

Issued in May 2017

Зоран Милошевић. Доктор социолошких наука, научни саветник, редовни професор теоријске социологије. Институт за политике студије Београд, Републике Србије.

Зоран Милошевич. Профессор, доктор социологии. Институт политических исследований. Белград, Сербия

Prof. Ph.D. Zoran Miloshevich Ins tute for Poli cal Studies . Belgrade, Serbia

ИЗВОРИ РУМУНСКЕ ПОЛИТИКЕ *

ИСТОЧНИКИ РУМЫНСКОЙ ПОЛИТИКИ**

SOURCES OF ROMANIAN POLITICS ***

УДК
UDC – 327.2

САЖЕТАК. Циљ румунске политике је стварање "Велике Румуније", и није одредио где се завршавају границе. Румунија непрекидно тргује својом геополитичким положајем, често мењајући своје савезнике. Међутим, скоро свака промена "савеза" довела је до проширења Румуније. Други извор румунске политике је асимилација становништва кроз идеологију румунизма. Трећи извор је постојано антисловенство, посебно русофобија, јер у Букурешту сматрају да је Русија главна препрека стварању «Велике Румуније».

КЉУЧНЕ РЕЧИ. Румунија, «Велика Румунија», геополитика, међународни односи, идентитет, асимилација, идеологија, румунизам.

РЕЗЮМЕ. Цель румынской политики - создание «Великой Румынии», при чем она не определила, где заканчиваются ее границы. Румыния постоянно торгует своим геополитическим положением, часто меняет союзников. Однако, почти каждая смена "союзов" приводила к расширению Румынии. Второй источник румынской политики – ассимиляция населения, через идеологию румынизма. Третий источник – это антиславянство, в частности русофобия, ибо в Бухаресте считают Россию главным препятствием создания «Великой Румынии».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Румыния, Великая Румыния, геополитика, международные отношения, идентичность, ассимиляция, румынизм

ABSTRACT. The goal of the Romanian policy is the creation of the "Great Romania", and it has not determined where its borders end. Romania constantly trades its geopoliti al position, o en changing its allies. However, almost every change of "alliances" led to the expansion of Romania. The second source of Romanian politics is the assimilation of the populatio , through the ideology of Romanism. The third source is an -Slavism, in particular Russophobia, for in Bucharest Russia is considered the main obstacle to the creatio of the "Great Romania".

KEY WORDS. Romania, Great Romania, geopolitics, international elati ns, identit , assimila on, Romanism.

Крим и догађаји око овог полуострва у неколико наврата определили су судбину и спољну политику становништва које живи на територији данашње Румуније. Кримски рат 1853-1856. године између Русије и Турске, као и недавни повратак Крима у састав Русије рефлектовао се на стварање румунске државе и њену спољну политику.[1] Наиме, ако су се крајем XIX века формирали обриси идеологије румунизма, данас је то већ политичка традиција, утврђена и недавним редефинисањем спољне политике Румуније.[2]

СУШТИНА ИДЕОЛОГИЈЕ РУМУНИЗМА

Суштина румунске спољне политике је у лаврирању између интереса великих европских држава, посебно Немачке и Француске, данас и САД, у циљу реализације свог идеала „Велике Румуније“. Због тог циља, прошла је мукотрпан пут уласка у НАТО и Европску унију, заузимајући у тим организацијама крајње румуноцентричне и јавно антируске позиције, јер се у Букурешту главном препреком реализације циља „уједињења“ са Молдавијом и неким деловима Украјине сматра Русија. Управо зато по низу питања Букурешт је ишао на отворену конфронтацију са Москвом, тежећи да у Северном прицрноморју подржи политичке снаге примењујући методе и технике

* Рад је настао у оквиру научног пројекта „Демократски и национални капацитети политичких институција Србије у процесу међународних интеграција“ (179009), који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

**Текст доклада на международной научной конференции «Церковь и славянские идентичности: проблемы формирования и развития». https://zapadrus.su/partnery/ceas/ceas-2012/1746-nauchnaya-konferentsiya-tserkov-i-slavyanskie-identichnosti.html

*** The text of the report at the scientific and practical conference "Church and slavic identities" https://zapadrus.su/partnery/ceas/ceas-2012/1746-nauchnaya-konferentsiya-tserkov-i-slavyanskie-identichnosti.html

[1] И. И. Пирожник, Геополитика в соременном мире, Учебное пособие, «ТетраСистемс», Минск, 2008, стр.169-171.

[2] Е. С. Хотькова (рук.), С. М. Ермаков, В. Б. Каширин, О. Е. Лушников, Д. А. Мальцев, С. А. Михайлов, Особенности возникновения румынской государственности и исторические корни её внешней политики, у зборнику: Румыния, Истоки и современное состояние внешнеполитического позиционирования государства, Москва, РИСИ, 2013, стр. 7-20.

које је применила Пољска у Украјини и Белорусији.

То значи да је идеологију румунизма ширила држава преко свог апарата.[3] Држава је обликовала латинску националну свест и идентитет, што су свесрдно подржале западне државе и Римокатоличка црква. Наиме, иделогија румунизма је градила „традицију“ славне цивилизације Римског Царства у своју политичку конструкцију националног идентитета, као и иредентистичку политику **доношења циивилазције Словенима**.

Идеал „Велике Румуније“ произвео је потребу асимиловања становништва на припојеним територијама, тј. њихову румунизацију. Због тога је Румунија држава која је током свог постојања фактички асимиловала све оне који се нису осећали припадницима нове нације – Румунима![4] Пракса румунизације није овим окончана. Напротив, пренета је на неке мање заједнице у суседству за које румунски шовинисти утврде да су Румуни који су изгубили свој идентитет, те је сада потребан повратак у румунску заједницу. Другим речима, Румунија је створила нацију на асимилацији и наставља да се шири овим путем.

Трећи извор румунске спољне политике је њен геополитички положај.[5] Наиме, стекавши независност румунска елита је схватила да може трговати својих геополитичким положајем – буквално нова дражва је затварала врата Балкана Русији и њен директни контакт са Србима. Осим тога, одвојивши православну цркву од руског и српског православља румунска елита је спречила формирање покрета оријентисаног на Русију, тако да је једина православна држава у коме становништво има индиферентан однос према Русији.[6] Судбина православља и православних на територији данашње Румуније је драматична прича о хеленизацији словенског становништва, затим румунизацији, иако је оно остало у вери предака захваљујући руској држави и цркви (на пример, према резултатима руско-турских ратова из друге половине 18. века, Русија је добила право покровитељства над православцима на тој територији, а било је и ранијих и других заслуга). Углавном, данас се у старим црквама у Румунији могу видети натписи на црквенословенском језику, што је само једно у низу сведочанства о прохујалој асимилацији.

Да подсетимо, румунски народ није аутохтон народ, већ заје-дница настала мешањем Словена (највише Срба) и других народа који су остали на подручју данашње Румуније после различитих војних инвазија. Идеологија румунизма (стварање румунске нације и државе) родила се у Трансилванији и Влашкој, где су тамошњи сељаци били изложени сваковрсној експлоатацији и угњетавању од стране Аустро-Угарске. Новостворена буржоазија је подигла барјак слободе, али није тежила обједињавању дунавских кнежевина, већ стицању привилегија на унутрашњем тржишту Аустро-угарске империје. Када је румунизам продро у Влашку ту је добио контекст уједињења дунавских кнежевина, чије становништво није било румунско. Наравно, идеологију су подржавале и европске околности, тј. бујање револуционарног духа 1848-1849. године и стварање претпоставки за бујање национализама.[7]

ИДЕОЛОГИЈА «НАЦИОНАЛНОГ» УЈЕДИЊЕЊА КАО ИНСТРУМЕНТ ЕКСПАНЗИЈЕ

Но, идеологија «националног уједињења» показала се само као инструмент даље експанзије на рачун Русије, Бугарске и Србије. Румунија претендује на Добруџу, иако тамо не живе Румуни, целу Бесарабију, Трансилванију и Буковину. Тако се формирала политичка позиција током XX века да је «главни циљ Румуније отимање територија од Русије». После Првог светског рата Румунији је то пошло за руком, када се увећала за више од два пута. Тако се у европској политици појавио «феномен Велике Румуније» који је реализован у оквиру Версајског система.

Но када је «Велика Румунија» створена народ није дочекао правду. Напротив! Идеологија румунизма претворила се у насиље над нерумунским становништвом, тј. националним мањинама, тако да је држава себи створила непријатељско окружење,

[3] Louis Althusser, O ideologiji in ideoloških aparattih države, u zborniku: Ideologija in estetski učinek, Ur. Zoja Skušek –Moćnik, Cankarjeva založba, Ljubljana, 1980, str. 35-99.

[4] Валентин Михайлов, Балканы как пространство проблемной наднациональной идентичности, http://www.perspektivy.info/oykumena/balkan/balkany_kak_prostranstvo_problemnoj_nadnacionalnoj_identichnosti_2014-02-21.htm

[5] Види: Александар Дугин, Основи геополитике, геополитичка будућност Русије 1, Екопрес, Зрењанин, 2004, стр. 334-335.

[6] Види: Зоран Милошевић, Источна (гео)политика Ватикана, у зборнику: Небеска геополитика, Центар академске речи, Међународна словенска академија, Шабац-Москва, 2016, стр. 44-64.

[7] Н. Аврейски Балканският геополитически възел и великите сили, Геополитика, №1, Москва, 2008, стр. 28-65.

а све је упропашћено пред и током Другог светског рата.

После окончања «хладног рата» идеја «Велике Румуније» до-била је нови ветар у леђа, са циљем присаједињења Молдавије. Резултат те борбе је и подела Молдавије, тј. стварање (проруске) Придњестровске Молдавске Републике, што је био и повод за кра-ткотрајни рат 1992. године, када се у конфликт активно укључила и сама Румунија (кадровски, војном техником, обавештајно итд). Успешном одбраном Придњестровске Републике Румунија је морала да заустави процес преузимања Молдавије, најмање из два разлога, без одвојене републике није био даљи продор до Јужног Бута, а онда је све губило смисао. Друго, отпор молдавског јавног мњења у том тренутку није било на страни Румуније.

Од тада Румунија мења стратегију и креће на финансирање различитих организација «Румуна из иностранства, а посебно у окружењу ради ширења румунизма». У ширењу румунизма посебно место је додељено образовним институцијама и медијима, а др-жава је стипендирала све оне младе из иностранства који се изјасне као Румуни. На тај начин тренутно у Румунији је окупљено око 10.000 студената из иностранства, углавном из Молдавије, Мађарске, Украјине, али и из Србије.

Особености појаве румунске државе и потом изградња њене спољне политике формиране су током политике уједињавања кнежевства Молдавије и Влашке у јединствену румунску државу. Управо појава румунске државе је главни резултат Источног рата (Кримски рат) 1853-1856, што је изменило однос снага у међународној арени. После овог догађаја створени су ослонци (извори) спољне политике нове државе, а којих се придржавала у свим фазама њеног постојања, посебно током Другог светског рата и током посткомунистичке демократије.

Ако се румунска спољна политика посматра у историјском контексту, онда се јасно сагледавају њене константе чији је циљ коришћења европских противуречности како би се „ујединило сво румунско становништво“.

Не мала помоћ у првој фази румунској политици стигла је управо од Русије. Наиме, према чл. 22 Париског мировног споразума од 18. марта 1856. године, којим је завршен Источни рат, Русија је уступила Молдавском кнежевству (формално Османској порти) неке територије Јужне Бесарабије (Измаилски и Кагулски округ) укључујући и Белгородски округ. Русија је тако изгубила више од 5000 km^2 и себе лишила излаза на Дунав. Ову руску жртву Румуни углавном нису доживели као поклон православној и саве-зничкој држави, већ као подстицај да траже нове територије. Због „кајања“ Русије и амбиција Букурешта питање Јужне Бесарабије је, уместо да постане тачка сарадње и разумевања преобраћено у вишедеценијски спор и болну тачку румунско-руских односа.

Када се, дакле, 1895. године појавила Румунија, уместо да се орјентише на Русију влада у Букурешту се окренула Француској, тако да је њен главни покровитељ постао Наполеон III Бонапарта. Савез је трајао до разбијања Француске у Француско -пруском рату 1870-1871. године. Потом се Румунија орјентише на Русију, како би добила пуни суверенитет од Османске империје. У оквиру руско-румунских преговора у Ливадии у септембру 1876. године постигнут је неформални договор о томе да ће Русија признати Ру-мунију као независну државу, а у случају територијалним промена у Османској империји да ће те територије припасти Румунији у замену за пролаз руске војске преко њене територије. Потом је то преточено у политичку конвенцију и војни уговор о условима про-ласка руске војске преко територије Румуније (4. априла 1877). Недељу дана касније Русија је објавила рат Турској. Резултат Руско-турског рата прво је дефинисан у прелиминарном Сан Стефанском уговору од 19. фебруара 1878. године, по коме Румунија стиче статус независне државе. Тако је било и после ревизије Сан Стефанског уговора на Берлинском конгресу 1878. године. Према члану 43, 45 и 46. Румунија је имала обавезу да Русији врати јужну Бесарабију, а као компезацију добија Северну Добруџу и острва делте Дунава, али и острво Змија у Црном мору.

Овде је интересантно, да иако у Јужној Бесарабији, становништво није било у већини румунско, да се влада сагласила са овом одлуком пре рата, владајући кругови у Букурешти су изразили буру негодовања, развијајући снажну антируску кампању. Да би Русија приморала Румунију да испуни договор морала је приме-нити доста претећу реторику, посебно напоменувши да ће разоружати румунску армију. Овај „инцидент“ оставио је видно трага у сећању оба народа, а код Румуна је зачетак русофобије и окретања Централним силама. На таласу русофобије, 18. октобра 1883. године Румунија, Немачка и Аустро-Угарска су закључили тајну политичку и војну кон-

венцију, коју су више пута продужавали (1892, 1896, 1902. и последњи пут 1913. године). Ова конвенција Румунију је претворила у сателит Немачке и Аустро-угарске и била је усмерена против Русије. Конвенцијом, немачки и аустроугарски генерали су добили право да користе румунску армију за деловање на јужном делу руског фронта у будућем рату. Осим тога, **овом конвенцијом Румунија је добила и антисрпски политички задатак да буде физичка препрека Русији до Србије**.

Нови преокрет у спољњој политици Букуреш је извео током Балканског рата 1912-1913. године. Током Првог балканског рата који је започео Балкански савез (Бугарска, Србија, Грчка и Црна гора) против Турске, Румунија је чувала неутралност, али је себи поставила циљ да не дозволи територијално увећање својих јужних суседа без властитог пропорционалног територијалног увећања. Тако је уценом и војном претњом Румунија од Бугарске добила град Силистриј и околне земље, као и територије на десној обали Дунава (Петербургшки протокол, од 26. априла 1913. године). Други балкански рат 1913. године дао је Румунији одличну прилику да прошири своје територије. Извршила је мобилиазцију армије (20. јуна 1913. године) и потом заузела северне пределе Бугарске, избацивши је тако из даље борбе. Према Букурештанском мировном уговору од 10. августа 1913. године којим је окончан Други балкански рат Румунија је добила не само Силистрију са околином, већ и земље Јужне Добруџе (око 7.695 km^2), те 286.000 нових становника (пре свега Бугара, Срба, Турака и Татара). После Букурештанског мира Румунија је имала 138.000 km^2 површине и 7.540.000 становника. Тако је Румунија стекла првенство на Балканском полуострву (по броју становника, територији и војном потенцијалу). Резултат Балканских ратова је био и тај да је Румунија стекла статус „балканског жандара“.

Речни статус Румуније променио је и однос Русије према овој земљи. Наиме, када је почео Први светски рат Румунија је одбила да испуни савезничке обавезе према Аустро-Угарској и Немачкој, а Русија јој је за узврат признала право да у одређеном моменту анексира одређене територије Аустро-Угарске, а да се у Буковини граница повуче према етничком принципу (споразум је потписан 18. септембра). До тада Румунија заузима неутралну позицију. Другим речима, Румунија је, заправо, била и миљеница историје, јер се ширила углавном мирним путем и политичком трговином. Познати руски историчар В. Н. Виноградов овај споразум Русије и Румуније означио је као „велику победу Букурешта“. Румунија је добила што је желела за обећање војне и политичке неутралности током рата Аустро-Угарске и Русије.

Овај моменат је важан јер је румунска елита створила успешан образац како да дође до жељеног циља без рата. Стратегија је сачињавала обећање неутралности, дипломатску игру „седења на две столице“, демонстративно показивање да ће ускоро ступити у рат против Аустро-Угарске и одлагање тог потеза, манипулација са јавним мњењем и на крају добијање гаранције на максимално територијално ширење, при том без чврстих властитих обавеза, ако ступи у рат на страни Антанте.

Крајем 1915. године користећи се тешким положајем руске армије у Галицији, Румунија је у оквиру политичке трговине добила чврста уверења од држава Атанте да ће ако уђе у рат против Аустро-Угарске добити максимално територијално проширење, осим Трансилваније, Буковину до реке Прут, Угоршчину до реке Тисе и цео темишварски Банат (насељен углавном Србима). Споразум је потписан 4. августа 1916. године у Букурешту. Румунија се обавезала да уђе у рат против Аустро-Угарске не касније од 15. августа 1916. године. Румунија је Аустро-Угарској објавила рат 14. августа и покренула армију преко Јужних Карпата ка Трансилванији. План није успео, румунска војска је разбијена у Трансилванији и у Добруџи. Румунија је 1916. поражена, при чему је Букурешт био заузет 6. децембра. Губици румунске армије износили су приближно 240.000 војника, тј. 29 одсто бројног стања. Русија је због тога морала послати у Румунију 15 корпуса (48 различитих дивизија), тј. приближно четвртину своје армије.[8]

Фебруарска револуција у Русији је све променила. Већ у пролеће 1917. године у руској војсци је почео пад дисциплине, док је обуку румунске војске преузела Француска војна мисија, преобраћајући је у значајну војну силу. У условима пуцања руског фронта и фактичког изласка Русије из рата у јесен 1917. године Румунија је решила да

[8] Владимир Ястребчак, Феномен "Великой Румынии" и румынская дипломатия в годы Первой мировой войны, у зборнику: Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX – начало XX вв, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченк, Москва, 2011, стр. 21-34.

[9] Види: Кирил Шевченко, Украјинска држава и њене перспективе у оценама Романа Дмовског, у зборнику: Украјинско питање данас, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2015, стр. 25 – 33.

ситуацију искористи и заузме Бесарабију, што је лако и учинила.[9]

ИСТОЧНА ПОЛИТИКА РУМУНИЈЕ

Источна политика Румуније у периоду 1917-1945. године карактеристична је по „Бесарабијском питању“. Да подсетимо у то време на овој територији било је у структури становника само 47 одсто Молдављана, не и Румуна. Иако је 1917. године румунска елита контролисала мање од 30 одсто своје територије, нису заборавили на територијалне претензије према Русији, при чему је распад Руске империје и заузимање власти од стране бољшевика помогао овим амбицијама.

Да би сачувао освојено од Русије, Букурешт је предложио Енглеској влади да румунска армија узме учешће у борби са совјетима. Уз подршку западних сила Румунија је заузела Бесарабију („при чему улазак војске не може утицати на будућност покрајине“). Тако је 13. јануара заузет Кишњев, а совјети су, због тога, прекинули дипломатске односе са Румунијом. У таквим условима 9. априла 1918. године донесена је декларација локалног парламента о „Молдавској демократској републици (Бесарабији) и границама које се крећу између реке Прут, Дњестра, Дунава и Црног мора и старим границама са Аустријом“. Совјетска дипломатија није прихватила анкесију Бесарабије.

На другој страни Немачка је решавање „бесарабијског питања“ наплатила одузимањем Румунији Добруџе и територија на Карпатима, а румунска трговина реком Дунавом прелазе под контролу Немаца и њених савезника. Румунска армија се разоружава и демобилизије. Поред овога, румунска држава је преузела обавезу да плати пет милијарди лева. То је била цена решавања „Бесарабијског питања“ и тежње стварања „Велике Румуније“. Потом је кренула насилна румунизација становништва Бесарабије, посебно преко образовних институција. Уведен је обавезни румунски језик, у програме је уведене румунска култура итд, иако је 92 одсто родитеља желело да им деца уче на руском језику. Већ тада је било јасно да формирани идентитет Молдављана није румунски (себе су доживљавали као „руске Молдављане“) и да су „према овим имали етничку дистанцу које су називали Циганима“.

Заузимање Бесарабије потврдило је други извор румунске спољне политике, а то је увећање броја становника на основу асимилације нерумунског становништва.

Присаједињем Бесарабије Румунији насилна румунизација проширила се са језика и у економску сферу (подржавани су издашним државним финансирањем они који су се јавно изјашњавали као Румуни), па чак и на религиозну. Пошто локално свештенство није са одушевљењем дочекало румунску војску, Букурешт је почео да доводи свештенике из Румуније са циљем одвајања верника од Руске цркве и њихове интеграције у Румунску православну цркву.

У међувремену се опет променила ситуацију на међународној арени. У јесен 1918. видео се крах Четворног савеза, па је Румунија опет променила страну, а потом је окупирала Буковину (где су живели Малоруси који нису хтели у Румунију), те је идеја о „Великој Румунији“ поново угледала светло дана. Румунија је у том тренутку поред окупиране Бесарабије и Буковине захтевала Трансилванију, Кришани, Марамореш, део Баната и јужну Добруџу, што ју је опет сукобило са Совјетском Русијом. Тек после придобијања свих ових земаља Румунија је, према замисли њених стратега, могла да се интегрише у европски систем међународних односа, тј. тек као велика држава.[10]

Иако су политичке основе стварања „Велике Румуније“ биле спорне, спорна је била и етничка компонента становника територија које је Румунија желела. На пример у Бесарабији је у том моменту живело 2.239.300 становника, од којих је 921.000 себе сматрала руским Молдављанима (47,6 одсто), 382.000 Малорусима (19,75), 228.000 Јеврејима (11,8) и 155.700 Русима (8 одсто). Било је и 103.200 Бугара, 60.000 Немаца и других. У другим окрузима већини су чинили Малоруси, Јевреји и Руси. Но, румунска елита је поступала слично као Хрвати током последња два века.[11] Територију коју су сматрали својом претходно су у медијима проглашавали „старом румунском територијом коју су потом населили Руси или неко други, односно на којој су Румуни асимиловани“. Сада је требало све исправити и становништво учинити оним

[10] Види: Рустем Вахитов, Балканско место развоја у учењу евроазијаца, у зборнику: Србија и Евроазијски савез, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Српско одељење Међународне словенске академије, Шабац -Београд, 2016, стр. 19-23.

[11] Зоран Милошевић, Евроазијски савез у програмима српских парламентарних политичких партија, у зборнику: Србија и Евроазијски савез, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Српско одељење Међународне словенске академије, Шабац-Београд, 2016, стр.

[12] Румыния как инструмент западной антироссийской политики, http://minaev.ucoz.net/news/umynija_kak_instrument_zapadnoj_antirossijskoj_politiki_video/2012-10-08-236

што јесте – Румунима.[12]

Да би сачувала окупирано Румунија је ушла у савез са По-љском, која је имала сличну „источну политику“. Таква политика је обе државе сукобила са Црвеном армијом.

Ипак, морамо нагласити да се од 1917. до 1920. године Румунија територијално проширила са 137.903 на 294.967 km^2, а у становништву са осам на 16 милиона становника. Ипак, може се рећи да је румунска политичка елита пројавила завидну упорност у изградњи и ширењу државе, али је при том манифестовала задовољујућу политичку слепоћу. Осим што није хтела да види јачање Совјетског Савеза, није хтела да прихвати да становници нових територија нису Румуни. Због тога „Бесарабијско питање“ није решено ни те 1920. године. Због тога се Румунија претворила у вишенационалну државу са свим последицама које из те чињенице проистичу. Букурешт је због тога све оне који нису прихватали да су Румуни лишила или политичких права или систематски изла-гала дискриминацији и асимилацији, без обзира на прихваћање међународне обавезе.

Година 1936. постала је преломна у спољној политици Румуније. Наиме, Хитлер је милитаризовао Рајнску област, што је ослабило позиције Француске у Европи, на шта је Париз реаговао стварањем бројних савеза. Букурешт се тада преорјентише на Велику Британију и нацистичку Немачку, што јој је омогућило да спроводи терор над нерумунским становништвом. Године 1938. Румунија је донела закон којим је извршена принудна румунизација презимена становника тадашње државе, а после формирања кра-љевске диктатуре забрањене су све новине и књиге, осим на румунском језику. Све новине и издања која су објављивана на руском, српском, немачком, јеврејском и другим језицима су угашена. У марту 1939. године Румунија је са Немачком закључила економски споразум који је значио крај њене независности.

Ипак, неколико месеци касније Совјетски Савез је уз прећутну сагласност Берлина повратио Северну Буковину и Бесарабију у свој састав, од чијих територија је створена Молдавска ССР. Тиме је био завршен процес стварања Молдављана као посебног народа, кога румунске власти нису признале. Потом је Румунија остала без Северне Трансилваније и јужне Добруџе. На тај начин крајем 1940. године „Велика Румунија“ је изгубила огромну територију и престала да постоји као геополитичка реалност.

Због ових губитака нацистичке и фашистичке румунске организације жељне „Велике Румуније“, а посебно „Гвоздена гарда“, приморавају краља да абдицира, а власт преузима Антонеску, који је државу претворио у „национал-легионарску државу“ и дефинитивно стао на страну нацистичке Немачке. Државна политика поново стаје на идеје стварања „Велике Румуније“, при чему су апе-тити порасли „до Урала“ („стварање румунске империје до врата Азије“). То је био мотив Румуна да узму учешће у нападу нацис-тичке Немачке на СССР. Тадашњи румунски патријарх Никодим пружио је подршку Антонескуу и кренуо са „активном мисиона-рском акцијом на југозападу Совјетског Савеза, са жељом да се продре што даље на Исток, грубо нарушивши канонску територију Руске православне цркве“. Патријарх је забрањивао црквенословенски језик у богослужењу и инсистирао да се литургија и молитве могу чинодејствовати само на румунском језику. Све ово помешано је и са агресивним антисловенством и русофобијом. Наиме, тадашња букурештанска новина „Акциун“ (децембар 1941. године) писала је да у Новом поретку „Све Словенске и словенизоване народе треба преселити у Сибир“.

Хитлер је дао сагласност да се Румунији припоје Бесарабија, Буковина и међуречје Дњестра и Јужног Буга. Румуни су, између осталог, том приликом починили књигоцид, попаливши и уништивши све руске књиге, па и оне на староруском језику. Настао је и други талас насилне румунизације и асимилације становништва, пре свега преко образовних институција. Наређена је чак и румунизација словенских имена и презимена.

Ослобођење је дошло у марту 1944. године, а августа исте године је ухапшен Антонеску, а Румунија поново мења страну, тако да је 1944-1945. године румунска копнена војска ратовала у саставу СССР-а. Сама Румунија се, потом, нашла у саставу Источног блока све до 1989. године, када се догодила „Децембарска револуција“ која је променила ход румунске историје, тј, одвела државу у руке евроатлантиста.[13]

[13] Види: Т. Г. Биткова, Румыния и Евросоюз: Идеология сближения и присоединения, Российская академия наук, Москва, 2003

У јануару 1994. године Румунија је као прва од бивших комунистичких држава ушла у НАТО „Партнерство за мир“, а у априлу 1997. је поднела захтев за улазак и у саму алијансу, што је услишено у фебруару 2004. године.

ПОЛИТИКА РУМУНИЈЕ ПРЕМА РЕПУБЛИЦИ МОЛДАВИЈИ

Нови спољнополитички курс Букурешта је убрзо постао ја-сан, а дао је приоритет евроатлантским интеграцијама, развој „посебних“ односа са Републиком Молдавијом до њене реинтеграције у Румунију, развој добрих односа са Мађарском (у оквиру НАТО и ЕУ) са циљем решавања проблема мађарске мањине у самој Румунији, неутрализација утицаја Руске Федерације у Румунији и региону. Данас је овај курс допуњен само инсистирањем на томе да се Румунија види као главни субјект решавања регионалних проблема (на Југу и Истоку Европе) и главни помоћник оним државама које желе у НАТО и ЕУ. Другим речима, Букурешт је пре-тендовао на улогу посредника између држава црноморског региона и држава ЕУ и НАТО, како би из посредништва извукао за себе велике добити. Запад је Румунији омогућио такву улогу, али је то плаћено прихватањем НАТО војних база, размештањем аме-ричке авијације и противракетног система, тајних затвора ЦИА, учешћем у америчким војним авантурама (у Авганистану Румунија има око 1.800 војника, што је осмо место од 50 држава које овде имају војску), итд.

Ипак, аналитичари сматрају да је Румунија превише дала, а добила тек обећања. Наиме, у политичким и војним круговима ЕУ и НАТО Румуне сматрају аутсајдером при доношењу одлука. Највећи доказ је „Стратегија ЕУ према Црном мору“, која је усвојена 20. јануара 2011. године, где Румунија није успела да наметне своје ставове и погледе.

На крају, може се рећи да је Румунија заиста вешто користила међународне противуречности да увећа своје територије и број становника, пре свега асимилацијом словенског, али и другог, становништва. За то никада није одговарала, чак је и после Другог светског рата вешто пребегла из нацистичкг табора у комунистички. Сада се поново очекују промене, а са тим се отвара и питање хоће ли Румунима успети да поново превари победнике?

ЛИТЕРАТУРА

- Аврейски Н. Балканският геополитически възел и великите сили, *Геополитика*, №1, Москва, 2008.
- Althusser, Louis: O ideologiji in ideoloških apara države, u zborniku: *Ideologija in estetski učinek*, Ur. Zoja Skušek –Moćnik, Cankarjeva založba, Ljubljana, 1980.
- Биткова Т. Г., *Румыния и Евросоюз*: Идеология сближения и присоеди-нения, Российская академия наук, Москва, 2003.
- Вахитов, Рустем: Балканско место развоја у учењу евроази-јаца, у зборнику: *Србија и Евроазијски савез*, приредио Зоран Милошевић, Цент ар академске речи, Српско одеље-ње Међународне словенске академије, Шабац – Београд, 2016.
- Дугин, Александар *Основи геополитике*, геополитичка буд-ућност Русије 1, Еко-прес, Зрењанин, 2004.
- Девятков, Андрей Контуры румынской политики в отношении Республики Молдова, http://w w.perspekti y.info/history/kontury_rumynskoj_poli ki_v_otnoshenii_respubliki_moldova_2012-07-08.htm
- Михайлов, Валентин: Балканы как пространство проблемной наднациональной идентичности,h p://www.perspektiv .info/oykumena/balkan/balkany_kak_prostranstvo_problemnoj_nadnacionalnoj_identic nosti_ 014-02-21.htm
- Милошевић, Зоран: Источна (гео)политика Ватикана, у збо-рнику: *Небеска геополитика*, приредио: Зоран Милошевић, Цент ар академске речи, Међународна словенска академија, Шабац-Москва, 2016.
- Милошевић, Зоран: Евроазијски савез у програмима српс-ких парламентарних политичких партија, у зборнику: *Срби-ја и Евроазијски савез*, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Српско одељење Међународне словенске академије, Шабац – Београд, 2016.
- Пирожник, И. И., *Геополитика в соременном мире*, Учеб-ное пособие, «ТетраСистемс», Минск, 2008.
- Румыния как инструмент западной антироссийской политики, http:/

minaev.ucoz.net/news/
rumynija_kak_instrument_zapadnoj_anti ossijskoj_politik _video/2012-10-08-236

• Хотькова Е. С. (рук.), Особенности возникновения румынской государственности и исторические корни её внешней политики, у зборнику: *Румыния*, Истоки и современное сос-тояние внешнеполитического позиционирования государ-ства, Москва, РИ-СИ, 2013.
• Ястребчак, Владимир: Феномен "Великой Румынии" и румынская дипломатия в го-ды Первой мировой войны, у зборнику: *Восточная политика Руыынии в прошлом и нас-тоящем (конец XIX – начало XX вв*, Приднест ровский госу-дарственный универ-ситет им. Т. Г. Шевченк, Москва, 2011.
• Шевченко, Кирил: Украјинска држава и њене перспективе у оценама Романа Дмовског, у зборнику: *Украјинско пита-ње данас*, приредио Зоран Милошевић, Цен-тар академске речи, Шабац, 2015.

REFERENCES

• Avrejski H. Balkanskiât geopoliti eski v"zel i velikite sili, Geopoli ka, №1, Moskva, 2008.
• Althusser, Louis: O ideologiji in ideoloških aparatti države, u zborniku: Ideologija in estetski učinek, Ur. Zoja Skušek –Moćnik, Cankarjeva založba, Ljubljana, 1980.
• Bitkova T. G., Rumyniâ i Evrosoûz: Ideologiâ sbliženiâ i prisoedi-neniâ, Rossijskaâ akademiâ nauk, Moskva, 2003.
• Vahitov, Rustem: Balkansko mesto razvoja u učenju evroazi-jaca, u zborniku: Srbija i Evroazijski savez, priredio Zoran Milošević, Centar akademske reči, Srpsko odelje-nje Međunarodne slovenske akademije, Šabac – Beograd, 2016.
• Dugin, Aleksandar Osnovi geopoliti e, geopoliti ka bud-ućnost Rusije 1, Ekopres, Zrenjanin, 2004.
• Devâtkov, Andrej Kontury rumynskoj politiki v otnošenii Respubliki Moldova, http:/ www.perspekti y.info/history/
kontury_rumynskoj_poli ki_v_otnoshenii_respubliki_moldova_2012-07-08.htm
• Mihajlov, Valen n: Balkany kak prostranstvo problemnoj nadnacional'noj identičn s-ti, http://w w.perspekti y.info/oykumena/balkan/
balkany_kak_prostranstvo_problemnoj_nadnacionalnoj_identic nosti_ 014-02-21.htm
• Milošević, Zoran: Istočna (geo)politi a Vati ana, u zbo-rniku: Nebeska geopoliti a, priredio: Zoran Milošević, Centar akademske reči, Međunarodna slovenska akademija, Šabac-Moskva, 2016.
• Milošević, Zoran: Evroazijski savez u programima srps-kih parlamentarnih političkih parti a, u zborniku: Srbi-ja i Evroazijski savez, priredio Zoran Milošević, Centar akad-emske reči, Srpsko odeljenje Međunarodne slovenske akademije, Šabac – Beograd, 2016.
• Pirožnik, I. I., Geopoli ka v soremennom mire, Učeb-noe posobie, «TetraSistems», Minsk,2008.
• Rumyniâ kak instrument zapadnoj anti ossijskoj politiki, http://mi aev.ucoz.net/ news/rumynija_kak_instrument_zapadnoj_anti ossijskoj_poli ki_video/2012-10-08-236
• Hot'kova E. S. (ruk.), Osobennosti vozniknoveniâ rumyns-koj gosudarstvennosti i is-toričeskie korni eë vnešnej politiki u zborniku: Rumyniâ, Istoki i sovremennoe sos-toânie vnešnepolitičes ogo pozicionirovaniâ gosudar-stva, Moskva, RISI, 2013.
• Âstrebčak, Vladimir: Fenomen "Velikoj Rumynii" i rumynskaâ diplomatiâ v gody Pervoj mirovoj vojny, u zborniku: Vostočnaâ politi a Ruuynii v prošlom i nas-toâšem (konec XIX – načalo XX vv, Pridnestrovskij gosu-darstvennyj universitet im. T. G. Ševčenk,Moskva,2011.
• Ševčenko, Kiril: Ukrajinska država i njene perspekti e u ocenama Romana Dmovskog, u zborniku: Ukrajinsko pita-nje danas, priredio Zoran Milošević, Centar akademske reči, Šabac, 2015.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ ПРАВОСЛАВНЫХ РУСИНОВ В Г. МАРАМОРОШ-СИГЕТ В 1913-1914 ГОДАХ В ОСВЕЩЕНИИ ЧЕШСКОЙ ПРЕССЫ *

JUDICIAL PROCESS ON THE CASE OF ORTHODOX RUSSIANS IN MARAMOROSH-SIGET IN 1913-1914 IN THE LIGHTING OF THE CZECH PRESS**

УДК
UDC – 81.374.22

Кирилл Владимирович Шевченко,
доктор исторических наук, профессор Минского филиала РГСУ (Минск, Белоруссия)

Kirill Shevchenko, Ph.D., Professor, RGSU Branch in Minsk (Minsk, Belarus)

РЕЗЮМЕ. Массовый переход к православию среди русинов греко-католиков в Австро-Венгрии в начале XX века вызвал негативную реакцию венгерских властей, которые боялись панславянской пропаганды, исходящей из России. В результате Будапешт инициировал судебное разбирательство по делу тех русинов, которые обратились в Православие. Чешская пресса, в том числе влиятельная пражская газета «Час», высказала критику в отношении этого процесса и решения суда, указав, что крестьяне были фактически невиновными жертвами политически мотивированных судебных разбирательств и раскрывали многочисленные злоупотребления властями во время судебного разбирательства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. греко-католическая церковь, Австро-Венгрия, русины, Мараморош-Сигет, судебные разбирательства

ABSTRACT . Mass transition to Orthodoxy among Greek-Catholic Rusyns in Austro-Hungary in early XX century aroused negati e reac on of Hungarian authorities, which were afraid of Pan-Slavist propaganda coming from Russia. As a result, Budapest initi ted a trial in the case of those Rusyns who converted to Orthodoxy. Czech press, including in uenti l Prague-based newspaper “Čas” voiced cri cism over that trial and the court’s decision, indicatin that Rusyn peasants were in fact innocent victims of poli cally moti ated li gation nd revealing numerous abuses of the authorities d ring the li gation

KEY WORDS. Greek-Catholic Church, Austro-Hungary, Rusyns, Maramarosh-Siget, liti ation

Массовый переход угорских русинов Австро-Венгрии из греко-католичества в православие, резко усилившийся в начале XX века в результате тяжелой экономической ситуации, протестных настроений и растущего разочарования населения в греко-католическом духовенстве, вызвал крайне болезненную реакцию австро-венгерских властей. Официальный Будапешт, усматривая в распространении православия в Угорской Руси панславистские интриги, коварную «руку Москву» и результат пророссийской агитации, воспринимал данную ситуацию как непосредственную угрозу национальной безопасности. Венгерские власти стремились положить конец нежелательным для них конфессиональным процессам путем открытого насилия и уголовных преследований русинского населения.

По мнению современного венгерского исследователя А. Гёнци, «главной причиной перехода в православие можно считать бедность населения, нехватку земли и отталкивающее поведение священников (греко-католических – К.Ш.). Однако правительство создало из социального движения политическое дело: выступив открыто против обратившихся в православие, оно хотело подчеркнуть опасный характер этого процесса для государства и церкви… В декабре 1913 года в Мараморош-Сигете правительство организовало показательный процесс, чтобы обвинить неграмотных крестьян, не говорящих по-венгерски, в измене родине и ведении панславянской агитации».[1]

В ходе судебного процесса, который начался в конце декабря 1913 г. в г. Мараморош-Сигет, 94 человека, в основном местные крестьяне-русины, были обвинены в распространении православия среди униатов с целью присоединить данные терри-

* Текст доклада на научно-практической конференции, «Церковь и славянские идентичности: проблемы формирования и развития» https://zapadrus.su/partnery/ceas/ceas-2012/1746-nauchnaya-konferentsiya-tserkov-i-slavyanskie-identichnosti.html

** The text of the report at the scientific and practical conference "Church and slavic identities" https://zapadrus.su/partnery/ceas/ceas-2012/1746-nauchnaya-konferentsiya-tserkov-i-slavyanskie-identichnosti.html

1 Гёнци, А. Марамарош-Сигетский русинский процесс // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы. Москва-Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. С. 304

тории к России и подчинить их скипетру русского царя. Поскольку формально-юридических препятствий для перехода русинов из унии в православие не существовало, власти использовали это как основание для более серьезного обвинения перешедших в православие русинов в государственной измене.

С самого начала судебный процесс в Мараморош-Сигете привлек к себе самое пристальное внимание австро-венгерской и международной общественности. Славянская пресса Австро-Венгрии освещала данный процесс довольно подробно и весьма сочувственно. Уже 1 января 1914 г. влиятельный в Чехии либеральный пражский «Час», близкий к будущему президенту Чехословакии Т.Г. Масарику, сообщал подробности политического процесса над угорскими русинами, информируя чешскую общественность о допросах обвиняемых Воробчука и Палкатинца. Пражские издание при этом подчеркивало, что главная деятельность обвиняемых заключалась лишь в том, что они распространяли церковную литературу.[2]

Чешскую прессу интересовали конкретные детали из жизни обвиняемых и их показания на судебном процессе. В заметке «Из зала суда. Политический процесс над угорскими русинами» пражский «Час» сообщал 6 января 1914 г. о допросе И. Пирчака, который работал писарем в местной адвокатской конторе и помогал некоторым из обвиняемых оформлять бумаги, необходимые для изменения вероисповедания. Сам Пирчак, по словам газеты, веру не менял; кроме того, «во львовской и будапештской прессе он опубликовал несколько статей об экономическом положении русинов в Венгрии…».[3] Второй из допрошенных, С. Кеменый, по словам «Часа», сам «заявил о своей виновности. К православному движению он присоединился потому, что, по его мнению, греко-католические священники служат литургию не полностью».[4] Кроме того, чешское издание информировало, что, по словам обвиняемого, его отец «тоже был православного вероисповедания».[5]

9 января 1914 г. «Час», ссылаясь на иностранных журналистов, сообщал о том, что официально назначенные защитники обвиняемых в основной своей массе «являются мадьярскими патриотами, не питающими к своим клиентам особого сочувствия».[6] По словам пражского издания, «защитник главного обвиняемого А. Кабалюка, доктор А. Кляйн, стремится будто бы убедить зарубежную и будапештскую прессу в вине своего клиента. Защитник обвиняемого Воробчука, доктор А. Батори, даже является юридическим консультантом греко-католической церкви в городе Марамарош-Сигет. Большинство обвиняемых своим защитникам не доверяет…»,[7] - констатировал пражский «Час».

После более чем двухмесячного судебного процесса 32 обвиняемых были признаны виновными. Главный обвиняемый, о. А. Кабалюк, был приговорен к 4 годам и 6 месяцам тюрьмы и 1000 крон штрафа; остальные фигуранты дела были приговорены к менее длительным срокам тюремного заключения и денежным штрафам. Символично, что данный приговор был вынесен накануне начала Первой мировой войны, став, по сути, трагическим предзнаменованием тех массовых репрессий, которые обрушились на угорских и галицких русинов в годы «Великой войны».

Решение суда в г. Мараморош-Сигет по делу угорских русинов было с негодованием воспринято славянской общественностью Австро-Венгрии и других стран. Комментируя решение венгерского суда, пражский «Час» эмоционально писал: «Почти три месяца в г. Мараморош-Сигет творилось что-то ужасное. Каждый день стражники приводили бедных и жалких людей в мрачный зал суда к строгим судьям… Эти люди – русины, которые по воле Бога оказались жителями Венгрии, а судьи – мадьярские надсмотрщики в судейских мундирах. Одни не понимали других. Лишь с помощью неумелого и надменного переводчика судьи выясняли у этих перепуганных людей сложные и запутанные вопросы церковного права, вопросы, касавшиеся Св. Синода и русского царя…».[8] С сарказмом и иронией «Час» писал о том, что «крестьяне русинские отвечали на вопросы, смысла которых не понимали… Они говорили, что недовольны своими греко-католическими священниками, которые являются вымогателями и требуют от них не только платить, но даже посылают экзекуторов выбивать деньги за простейшие церковные обряды. Везде священники выслушивают исповедь бесплатно. Русинский же поп берет за исповедь 4-10 крон. Поп жиреет, народ худеет

2 Čas. 1 ledna 1914. Číslo 1.
3 Čas. 6 ledna 1914. Číslo 6.
4 Там же.
5 Там же.
6 Čas. 9 ledna 1914. Číslo 9.
7 Там же.
8 Čas. 4 března 1914. Číslo 62.

и беднеет, - замечал «Час». – Кроме того, эти попы – мадьяроны, добровольная и оплачиваемая государством полиция…».[9]

Все указанные причины, по словам пражской газеты, привели к тому, что «угорские русины стали думать о том, что с переходом в православную веру их положение станет легче. Именно так зародилось православное движение в ужгородском, берегском, мармарошском и шаришском комитатах. В этом движении перепуганные венгерские глаза увидели государственную измену».[10]

Примечательно, что по итогам судебного процесса в Мараморош-Сигете известный русинский политик, депутат венгерского парламента А. Бескид подал интерпелляцию, в которой поднял вопрос о провокационной роли Дулишковича в организации суда над русинскими крестьянами, а также о жестокости венгерской пограничной полиции и жандармов по отношению к русинскому населению. Как сообщал пражский «Час» в своей публикации 5 марта 1914 г., посвященной последствиям судебного процесса в Мараморош-Сигете, в ответ на данную интерпелляцию венгерский премьер Тиса выступил с защитой провокатора Дулишковича, подчеркнув, что он в опасных условиях в России сумел собрать ценную информацию «о нитях панславистской агитации».[11] Кроме того, Тиса полностью оправдал жестокость венгерской полиции и жандармов.

Однако жанр судебной хроники, фигурантами которой были русины Австро-Венгрии, не был завершен с вынесением приговора угорским русинам в Мараморош-Сигете. Уже 10 марта 1914 г. «Час» опубликовал пространную заметку о политическом судебном процессе против галицких русинов во Львове. На сей раз на скамье подсудимых оказались известные галицко-русские деятели русофильского направления С. Бендасюк, М. Сандович, И. Гудыма и В. Колдра. «Обвинение доказывает, что Бендасюк выполнял распоряжения графа Бобринского… Обвиняемые стремились представить русинам положение в России в наиболее благоприятном свете и активно распространять пропаганду русско-православной веры, - сообщал на своих страницах «Час». – В результате этой агитации русинские крестьяне в областях Ясло, Горлице и Кросно начали заявлять о переходе из греко-католической в русско-православную веру… Обвинение указывает, что распространялась информация о том, что Россия освободит православных верующих и что приближается присоединение Галиции к России… Сообщая информацию о себе, обвиняемый Бендасюк хотел говорить по-русски, но председатель суда этого не допустил…».[12]

В следующей заметке о процессе над галицко-русскими деятелями «Час» знакомил читателей с позицией одного из главных обвиняемых – С. Бендасюка, который заявил, что «национальное единство русского народа от Тисы до Камчатки является для него незыблемым принципом… При этом речь не идет о государственном понятии политического значения. Обвинение не доказало, - подчеркивал «Час», - что обвиняемый стремился к политическому объединению русинов с русским государством. Сам Бендасюк заявил, что он стремился только к тому, чтобы свое убеждение о единстве русского народа распространять среди русинов; чтобы не делались различия между малорусами, великорусами и угро-русами… Он также заявлял, что русский язык является единственным литературным языком всего русского народа…».[13]

Таким образом, и в ходе суда над галицко-русскими деятелями австро-венгерские власти активно использовали факт распространения православия среди местных русинов для предъявления обвинений в совершении государственного преступления, направленного на присоединение Галиции к России.

Помимо чешской прессы, с резкой критикой судебных преследований угорских и галицких русинов выступила российская общественность и пресса. Один из корреспондентов влиятельной газеты «Новое время» Д. Вергун, уроженец Галиции и убежденный сторонник общерусского единства, в своих публикациях отстаивал мысль о том, что «стремление русинов к православию – это их естественное стремление вернуться к корням, ибо по сути они всегда были русскими и православными».[14] Однако

9 Там же.
10 Там же.
11 Čas. 5 března 1914. Číslo 63.
12 Čas. 10 března 1914. Číslo 68.
13 Čas. 11 března 1914. Číslo 69.
14 Клопова, М.Э. Этноконфессиональные аспекты Марамарош-Сигетского процесса 1913 г.: взгляд из России // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы. Москва-Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. С. 329.

судебные процессы над русинами «вынудили официальный Петербург проявлять большую, нежели обычно, осторожность» для сохранения «добрососедских отношений» с Австро-Венгрией.[15]

Судебный процесс в Мараморош-Сигете вызвал также критическую реакцию венгерской общественности и прессы, прежде всего левых политических сил и значительной части католической народной партии. Ряд венгерских газет трактовал судебный процесс в Мараморош-Сигете как «покушение на свободу совести и вероисповедания»; в венгерском журнале «Двадцатый век» известный публицист Й. Редеи, критически отзываясь об униатской церкви и духовенстве, писал о том, что «в унии переплетены империалистическая политика римско-католической церкви и материальные интересы священников. Уния превратила русинских священников в правящий класс и отделила их от народа… Преследование веры, организованное чиновниками вместе с греко-католическим клиром, создало благоприятную почву для русской религиозной пропаганды».[16]

***

Судебные процессы над православными русинами в г. Мараморош-Сигет и в Галиции, символично прошедшие накануне Первой мировой войны, в действительности стали судом над многолетней и систематической антирусинской политикой австро-венгерских властей, обнажив крайне неблагоприятное положение угорских и галицких русинов в Австро-Венгрии и вскрыв многочисленные изъяны местной греко-католической церкви. Именно это стало одной их важных причин массового движения за возвращение к православию, которое охватило широкие слои карпатских русинов после вхождения Подкарпатской Руси в состав Чехословакии после Первой мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

- Гёнци, А. Марамарош-Сигетский русинский процесс // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы. Москва-Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016.
- Клопова, М.Э. Этноконфессиональные аспекты Марамарош-Сигетского процесса 1913 г.: взгляд из России // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы. Москва-Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016.
- Пражская газета «Čas». №№ 1914.г.

REFERENCES

- Gjonci, A. Maramarosh-Sigetskij rusinskij process // Vzaimodejstvija i konfli ty na konfessional'no i jetnicheski smeshannyh territorijah Central'noj i Vostochnoj Evropy. Moskva-Sankt-Peterburg: Nestor-Istorija, 2016.
- Klopova, M.Je. Jetnokonfessional'nye aspekty Maramarosh-Sigetskogo processa 1913 g.: vzgljad iz Rossii // Vzaimodejstvija i konfli ty na konfessional'no i jetnicheski smeshannyh territorijah Central'noj i Vostochnoj Evropy. Moskva-Sankt-Peterburg: Nestor-Istorija, 2016.
- Prazhskaja gazeta «Čas». №№ 1914.g.

15 Там же. С. 330.

16 Гёнци, А. Марамарош-Сигетский русинский процесс // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы. Москва-Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. С. 315.

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОГО ПОРТРЕТА И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА ПОСТСОВЕТСКИХ ЭЛИТ*.

ON THE ISSUE OF THE FORMATION OF A MENTAL PORTRAIT AND THE CIVILIZATIONAL CHOICE OF POST-SOVIET ELITES.**

УДК
UDC –323.396

Игорь Федорович Зеленковский. Руководитель научно-просветительского проекта «Западная Русь» .Член Союза писателей России,

Igor F. Zelenkovsky. Head of the project "Western Russia". Member of the Union of Writers of Russia,

РЕЗЮМЕ. В статье рассматриваются вопросы ментального портрета правящих элит постсоветских государств в исторической ретроспективе. Как отражается цивилизационный выбор политического класса на развитии постсоветских стран. Дается характеристика информационным войнам между постсоветскими странами. Вводятся термины рерусификации, контрусификация, криптополонизация и уточняются понятия белорусизация и украинизация. Рассматривается вопрос о процессах национализации и денационализации населения в постсоветских государствах.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Русская православная цивилизация, Российская Федерация, Республика Беларусь, Украина, информационная война, русификация, рерусификация, украинизация, белорусизация, денационализация, политический класс, элиты.

SUMMARY. TThe article de ls with the mental portrait of the ruling elites of the post-Soviet states in historical retrospect. How is the civilizational c oice of the poli cal class reflec ed in the development of the post-Soviet countries. Characteris cs of informati n wars between the post-Soviet countries are given. The terms of re -i cation, ounter-control, cryptopolitanization re introduced and the concepts of Belarusisation nd Ukrainization re clari ed. The questio of the processes of nationali a on and denationalization f the population in the p st-Soviet states is considered.
KEY WORDS. Russian Orthodox civilizatio , the Russian Federation, he Republic of Belarus, Ukraine, information ar, russi cation erussifi ation Ukrainization, elarusianization, den tionali a on, poli cal class, elites.

Не прекращающаяся карусель событий на Украине, а также их реальное влияние на обстановку у соседей, заставляет задуматься о природе происходящего там. И в самом начале анализа возникает вопрос - что общего между украинскими, российскими и белорусскими элитами и их «политическими классами».

Спустя несколько лет после очередного «Майдана» конца 2013 года, даже большинству из тех, кто там мёрз, стало ясно, что это была вовсе не революция гидности (достоинства).

Революция – это резкая смена социального строя с участием больших масс людей и полной сменой доминирующего политического класса. На территории Исторической России последний раз такая революция произошла в 1917 году. Крах Советского Союза в 1991 году был всего лишь очередным этапом революционного процесса, начавшегося сто лет назад. Смены правящего класса в 1991 году не произошло, только партийная организация, структурирующая этот класс, перестала быть единственной, существовавшие же ранее внутрипартийные фракции и группировки выделились в самостоятельные партии. Последние годы многие историки, исследуя Великую Октябрьскую революцию, всё чаще обращаются к оценкам её Львом Троцким[1,2,3,4,5,6]. И действительно, приходиться признать, что определения Октябрьской революции Троцким, и его прогнозы по развитию его же детища, во многом оказались верными.

*Текст доклада на научно-практической конференции, «Церковь и славянские идентичности: проблемы формирования и развития» https://zapadrus.su/partnery/ceas/ceas-2012/1746-nauchnaya-konferentsiya-tserkov-i-slavyanskie-identichnosti.html

** The text of the report at the scientific and practical conference "Church and slavic identities" https://zapadrus.su/partnery/ceas/ceas-2012/1746-nauchnaya-konferentsiya-tserkov-i-slavyanskie-identichnosti.html

1. "Октябрьский переворот и декреты, принятые большевиками в первые месяцы после прихода к власти, были лишь завершением буржуазно-демократической революции, осуществлением того, за что восставший народ боролся в феврале". Лев Д. Троцкий. История русской революции (1930 г.) // Марксистский интернет архив. URL: https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1930/trotl007.htm (дата обращения: 12.11.2017).
2. "Диктатура пролетариата станет орудием разрешения задач исторически запоздалой буржуазной революции. Однако установление диктатуры пролетариата в России не означает, что Россия способна к переходу к социализму". Лев Д. Троцкий. Перманентная революция (1930 г.) // Марксистский интернет архив. URL: https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1930/perm-rev/index.htm (дата обращения: 12.10.2017).

За 70 лет существования Советский Союз претерпел несколько изменений своей социально-экономической модели. Это связанно с тем, что Октябрьский переворот на самом деле был радикальным продолжением буржуазной революции в феврале, только с использованием популистских коммунистических лозунгов, за которыми пошла значительная часть населения, в общем, ещё аграрной страны. По сути, все годы «советской» власти правящей псевдопролетарской бюрократии приходилось приспосабливать идеи социального равенства к совершенно иной, далекой от социализма реальности. Это было причиной перманентного кризиса системы и нескольких смен социально-экономической модели. Вначале, после Октября, в целях удержания власти, был объявлен Военный коммунизм. После окончания горячей фазы Гражданской войны (противостояние в латентной форме продолжалось всё время) и частичного успокоения страны, стала проводиться совершенно буржуазная Новая экономическая политика (НЭП). Затем, во время обострения внутрипартийной борьбы, в условиях подготовки к мировой войне установлен типичный тоталитарный строй с соответствующей мобилизационной экономикой. И под конец, в позднем СССР утвердился плановый госкапитализм с устоявшейся и почти наследственной властью партийной номенклатуры, с элементарным набором «социального пакета» для рядовых граждан. При этом надо отметить, что страна была всё-таки жизнеспособной. Даже проблемы с пресловутым централизованным планированием, из-за трудности обработки огромнейшего массива информации, могли бы успешно решиться, и даже обеспечить некоторое преимущество, при своевременном внедрении компьютеризации. Большинство граждан, как показал референдум 1991 года, было за сохранение СССР. Не то, чтобы народ был счастлив, он просто устал сопротивляться, да еще обескровел за годы войны. Соответственно, утихли репрессии, и ужасы массового террора стали забываться. Исходили из принципа – «как бы не было хуже» и «только бы не было войны». Поэтому скудный «социальный пакет» с небольшим «социальным лифтом» вполне устраивал, а «колбасные очереди» с дефицитом большинством воспринимались как плата за спокойную стабильность застоя. Другими словами, хотя народ и желал, чтобы закончилась эта советская серость, но не ценой же всей страны. А вот советская бюрократия «за ценой не постояла».

Только в Прибалтике и в западных областях Белоруссии и Украины была ещё свежа память о послевоенном сопротивлении советизации. Особенно неблагоприятная ситуация была на Западной Украине. Там еще с XIX века австрийцы заложили очаг русофобского украинства, расчистив ему дорогу массовыми репрессиями против русинов-русофилов в годы Первой мировой войны. При этом необходимо помнить, что подкарпатские русины Галиции, на протяжении почти тысячи лет находясь под иноземным и иноверным гнетом, твердо держались своей русской идентичности. И если в 1915 году, несмотря на длительную австрийскую политику украинизации, русскую армию в Галиции все же встречали как свою освободительную, то уже Советы в 1939 году и в послевоенные годы умудрились всех против себя настроить. В сентябре 1939 года западно-украинское население поначалу тоже встретило Красную армию с энтузиазмом в надежде, что она освободит их от польской кабалы. Но

3. "Революция выродилась в тоталитарную диктатуру, которая поддерживается, как полагал Троцкий, благодаря усилиям нового класса советской бюрократии. Причиной этого вырождения, по его мнению, стало противоречие между низким уровнем развития производительных сил и насильственно навязанными им передовыми социалистическими формами. В условиях нищеты и дефицита продуктов бюрократия превратилась в верховного арбитра". Белых А. А. Введение; Л.Д.Троцкий и возможность построения социализма // Лев Троцкий и политика экономической изоляции = Leon Trotsky and the poli cs of economic isola on / Р. Б. Дэй; науч. ред. А. А. Белых; пер. с англ. А. В. Белых. — М.: Дело, 2013. — 469.

4 ."Аппарат рабочего государства подвергся тем временем полному перерождению, превратившись из орудия рабочего класса в орудие бюрократических насилий над рабочим классом и, чем дальше, тем больше, в орудие саботажа хозяйства. Бюрократизация отсталого и изолированного рабочего государства и превращение бюрократии во всесильную привилегированную касту является самым убедительным — не теоретическим, а практическим — опровержением социализма в отдельной стране". Антология позднего Троцкого. Сост. М. Васильев, И. Будрайтскис. — М.: Алгоритм, 2007. — Агония капитализма и задачи Четвёртого интернационала. — С. 338

5. "Режим СССР заключает в себе ... ужасающие противоречия. Но он продолжает оставаться режимом переродившегося рабочего государства. Таков социальный диагноз. Политический прогноз имеет альтернативный характер: либо бюрократия, все более становящаяся органом мировой буржуазии в рабочем государстве, опрокинет новые формы собственности и отбросит страну к капитализму". Антология позднего Троцкого. Сост. М. Васильев, И. Будрайтскис. — М.: Алгоритм, 2007. — Агония капитализма и задачи Четвёртого интернационала. — С. 338

6. "Говоря о будущем Советского Союза, Троцкий предрекал возможность перерождения советской бюрократии в новый имущий класс, в котором бывшие управленцы (экспроприировав государство), станут новым «владельцами-акционерами трестов и концернов" Васецкий Н. А. Возвращающийся пророк (послесловие) // Троцкий в изгнании: пер. с англ. / И. Дойчер. — М.: Политиздат, 1991. — 590 с.

это не была русская армия образца 1915 года - пришли комиссары и сразу же взялись за дело, репрессировав и остатки русофилов как русских шовинистов, и западно-украинских коммунистов, как возможных фракционистов, и, естественно, радикальных националистов, как потенциальных коллаборантов. Они настроили против себя и основную часть крестьянского населения, отобрав землю и загнав всех в колхозы, да еще и церкви закрыли. Там хорошо это помнят. Большая трагедия для всего Русского мира, что эта рана так и осталась незалеченной, и в своих обидах галичане винят не большевиков, а русских, увы, не видя между ними разницы. Российские же пропагандисты на многочисленных ток-шоу в основном продолжают бередить эту рану, огульно обвиняя галичан во всех страшных грехах без попытки разобраться в причинах произошедшего на Западной Украине. Почему-то, они уходят в сторону от критической оценки большевизма, а также колониальной политики Польши. В межвоенной II Речи Посполитой установился полуфашистский режим, проводивший политику полонизации Восточных Кресов (Западной Украины и Белоруссии) в ходе которой изымались земли украинских и белорусских крестьян в пользу польских военных колонистов-осадников, массово разрушались церкви с передачей их собственности костелам, закрывались русские, украинские и белорусские школы в целях «культурного подавления», широко развернулись репрессии против политических и общественных деятелей с отправкой в концлагерь в Березе-Картузской, где в невыносимых условиях издевательств по программе «санации» содержались тысячи украинских, белорусских и русских активистов. В итоге эта политика Польши и привела к Волынской трагедии, в которой сейчас обвиняют только украинцев, обходя молчанием причины её вызвавшие. Во многом поэтому сегодня, галичане, многократно всеми обманутые, начиная ещё с австрийцев с поляками, уже никому не верят и всех ненавидят. И как пишет Кирилл Шевченко «нынешние галичане не только не хотят, но и не могут вспомнить своих русских предков, поскольку русское прошлое Галиции основательно проутюжил каток украинской политической и околонаучной цензуры»[7]. Поэтому эти западные области уже при «Нэзалежной» стали основным поставщиком участников киевских майданов и боевиков для внутри элитных разборок и переворотов. Только галицкие провинциалы оказались наивными, полагая, что если они сражаются против «москалей», то это значит за Украину.

Единственный, но главный вопрос, поставленный в 1917году, и не решенный за 70 лет приведший к распаду СССР - был с легализацией буржуазной сути страны, в легетимации наследственной власти номенклатуры и ее прав собственности на «народное достояние». Другими словами, правящая бюрократия, так и не решилась признаться народу, что тот живет не при «развитом социализме», а в госкапитализме, и что кризисные явления в стране можно преодолеть не реформой эфемерного социализма, а либерализацией существующей командной капиталистической системы, с вытекающей из этой либерализации - номенклатурной приватизации целых секторов экономики. Решение этого главного вопроса постоянно откладывалось из-за опасности всенародного гнева. Во многом поэтому к концу существования СССР значительная часть экономики ушла в рискованную, но свободную от «социалистических ограничений» серую зону, так называемых «цеховиков» (как правило в лице руководителей высокого уровня), расцвел чёрный рынок товаров, услуг и социальных благ.

С конца 60-х годов в партийных кругах активизировалась работа над обоснованием трансформации социализма. Одной из наиболее известных таких концепций была теория конвергенции капитализма и социализма, изначально выдвинутой на Западе, но ставшей весьма популярной в партийной среде. Официально партия критиковала теорию конвергенции как идеологическую диверсию Запада, тем не менее, она проявилась в политике международной разрядки и подписании Хельсинкского соглашения. Позже, именно она послужила основой для возникших в 1980-е годы концепции «социализма с человеческим лицом» и социал-демократической идеологии[8,9].

7 . К.В. Шевченко "Фальсификации как инструмент конструирования идентичности: галицко-русские деятели об украинском движении в Галиции в XIX в" // "Западная Русь" URL: https:/ zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2014-g/instrumenty-tsivilizatsionnoj-vojny/1170-falsifikatsi -kak-instrument-konstruirovaniya-identich os -galitsko-russkie-deyateli-ob-ukrainskom-dvizhenii-v-galitsii-v-xix-v.html (дата обращения: 10.09.2017).

8. В.И. Добреньков, А.И. Кравченко. История зарубежной социологии. Теория конвергенции //"Библиотека "Полка букиниста" URL: http:/ society.polbu.ru/dobrenkov_histsociology/ch82_all.html (дата обращения: 15.09.2017).

9. С 1984 года Гайдар вместе с Чубайсом были привлечены к подготовке программы экономических реформ для Комиссии Политбюро. С 1987 по 1990 годы Гайдар занимал должность редактора и заведующего отделом

Однако, реальное воплощение теория конвергенции получила не в СССР, а в деле сближения США и Китая в семидесятых годах прошлого века, давшего толчок последующему развитию Китая. Сегодняшние успехи Китая, могут быть подтверждением того, что при кризисе советской системы, были возможности её реформирования без развала страны. Советский Союз имел все шансы дальнейшего существования и успешного развития, не меньшие чем у Китая, сумевшего решить свои постреволюционные противоречия.

Однако, Москва не справилась со сложностями управления огромной псевдосоциалистической страной. Центральная партийная бюрократия, выдвигавшаяся не по деловым, интеллектуальным или волевым качествам, а по принципу «отрицательного отбора», основывавшегося на верности групповым интересам, оказалась в массе своей малообразованной и не способной к решительным реформам.

В 80-х годах ситуация стала критической. Но, запоздалая политика «перестройки», с её робкими и, опять же неясными, и даже лживыми социально-экономическими преобразованиями, пошла наперекосяк. Дабы полностью не утерять контроль над населением и вожделенной госсобственностью, парт-номенклатура выбрала наиболее простой путь по сдаче позиций геополитическим противникам и по разделу страны. СССР уже был подготовлен к такому сценарию, предыдущей искусственной нарезкой территории Исторической России на «союзные государства», и выращенными за 70 лет местными кадрами. С раздроблением целого, парт-элиты получили возможность резко взять курс на построение капитализма в «отдельно взятых» республиках уже без оглядки на марксистско-ленинское «отягощение» полученных уделов, и без всяких заумностей о какой-то конвергенции систем. Красные директора стали хозяевами, а некоторые даже олигархами. В каждой, уже независимой стране, этот стремительный рывок к капитализму был осуществлён с некоторыми региональными особенностями. Если в Российской Федерации и на Украине «капитализация» проходила с подобием на «романтику» Дикого Запада, то, например, в Республике Беларусь, после нескольких первых лет первоначального шока, «социалистическая» модель была законсервирована, а потом продолжилась постепенная реализация курса на государство-корпорацию с социальным минимумом, и с оглядкой на пример Китая.

Все остальные постсоветские страны, включая Российскую Федерацию, в 90-х годах присягнули новому сюзерену в лице США, с попутным принятием «прогрессивных» конституций. К внутриэлитной борьбе за власть и ресурсы смогли свободно подключаться внешние кураторы. Почти везде прошла череда, смен первых лиц, сопровождавшихся массовыми выступлениями, возбужденными популистскими призывами и внешней информационной накачкой. Однако, эти «цветные революции» не отражались на социально-экономическом укладе, и при всей своей громкости, являлись всего лишь дворцовыми переворотами.

Майдан 2013 года в Киеве был очередным дворцовым переворотом, организованный одной из группировок внутри правящей элиты, имеющей корни в бывшей советской номенклатуре. Этот майдан (как предыдущий и последующий), вписывается в логику последствий Февральской/Октябрьской революции в России. Масштабность трагедии 1917 года, потрясшей огромную континентальную империю, была подобна разрушительному землетрясению, после которого еще долго идёт эхо социальных афтершоков в различных частях былой империи. Все Цветные революции на постсоветском пространстве - это афтершоки Великого Октября. Новообразованные, условно независимые государства, и новорожденные нации, сейчас продолжают существовать в парадигме, заложенной «злыми гениями» Ленина и Троцкого, и в ближайшем будущем вряд ли смогут собраться с силами свернуть в сторону с этой роковой тропы, ведущей к всевластию глобальной олигархии. Пока не появилась идея суверенного социально-экономического устройства одинаково привлекательная для народов Исторической России, а также, дающую местным элитам приемлемую альтернативу, или относительно безболезненный способ смены этих элит.

Нас конечно интересует прежде всего судьба трех славянских, или вернее рус-

экономической политики в журнале ЦК КПСС «Коммунист», в 1990 году он стал заведовать отделом экономики газеты «Правда». Гайдар таким образом «институционально был связан с двумя самыми важными идеологическими органами КПСС, действующими при её Центральном комитете». В 1988 году группой Гайдара, впервые была ясно сформулирована идея неизбежного краха Советского Союза. В июле 1990 года в городе Шопроне (Венгрия) состоялся закрытый экономический семинар с участием Евгения Ясина, Гайдара, Чубайса, Авена и ведущих американских экономистов (Нордхаус, Дорнбуш и др.). На этом семинаре обсуждалась программа радикальных реформ с переходом к капитализму через шоковую терапию и либерализацию цен.

ских государств - РФ, РБ и Украины, поскольку они были ядром Российской империи и Советского Союза, и основная интрига в судьбе всего постсоветского геополитического пространства развивается вокруг их взаимоотношений. Следует отметить, что термин «русские государства» вполне корректный, поскольку они составляют Историческую Россию, и входят в каноническую территорию Русской Православной Церкви. В пользу этого термина, говорит и то, что даже на нынешней Украине порой предлагают назвать страну «Украина-Русь»[10]. Однако, о настоящей русскости трех этих государств пока приходится говорить в прошедшем времени.

Сейчас во всех без исключения странах СНГ у власти находятся выходцы из советской партийно-комсомольской номенклатуры. И если в азиатских и кавказских республиках, с их традиционализмом и частичным возвратом к феодальному укладу, местная элита восстановила свою этническую самоидентификацию, то в Российской Федерации, на Украине и в меньшей мере в Республике Беларусь, «политический класс», как и в СССР, по-прежнему в основном интернациональный, и по духу космополитский.

После относительно мирного раздела СССР, между постсоветскими странами постепенно начала возрастать конфликтность, чаще всего провоцируемая внешними силами, с целью дальнейшего и безвозвратного дробления евроазиатского геополитического пространства. Также замечено, что как только напряженность на постсоветском пространстве утихает, то, извне сразу стараются подогреть «евразийскую жаровню», в том числе через смену элитных группировок. Эта карусель бесконечная, так как у власти тот же сорт людей, которые сначала уничтожили Российскую империю, а потом развалили СССР, и остается большая вероятность дальнейшего дробления. Поэтому, не имея иных мотиваций кроме дележки ресурсов и вывоза украденного подальше в офшоры, постсоветские элиты легко контролируются и при необходимости стравливаются.

На искусственность противостояния между постсоветскими странами указывает, например, поверхностность и неясность идеологем, ставшими клише в информационной перепалке. Например, обвинения Республики Беларусь российскими экспертами в ее ненадежности как союзника из-за непризнания Крыма российским, выглядят довольно странно в то время, как российские же государственные учреждения, такие как Сбербанк и Аэрофлот, в Крыму не присутствуют из-за боязни западных санкций. Здесь следует отметить удачный ответ белорусского историка Игоря Марзалюка на традиционный вопрос россиян о принадлежности Крыма на одном из ток-шоу ТВЦ Руслана Бабаяна, сказавшем, что «Крым не украинский и не российский, а был и остается русским». Ошибаются и белорусские эксперты, и спикеры на ток-шоу, когда во время очередных молочно-нефтяных конфликтов обвиняют РФ в ее великодержавных амбициях. Это избитые с советских времен штампы. Нет там никаких амбиций. Какие великодержавные амбиции были у российского экс-министра экономического развития Улюкаева кроме сумки с деньгами? Кстати, Улюкаев в 80-х годах входил в группу Гайдара и Чубайса «Перестройка», готовившей программу по сворачиванию советского проекта. Или какие амбиции у Керимова, развалившего совместную Белорусскую калийную компанию, которого арестовали за не уплату налогов, притом не в Российской Федерации, а во Франции? На самом деле российский политический класс мало интересуются судьбой Большой России. Для имперских амбиций у него нет никакой исторической преемственности, или какого-то долга, как у былых царей перед династией. Московскую бюрократию совершенно устраивает кормление с нынешней территории в одну шестую суши. Здесь самим россиянам надо беспокоится, и не о великодержавных амбициях своей элиты, а о том, что она и Российскую Федерацию легко может поделить, также, как ради сохранения доходов от Олимпиады легко согласилась выставить олимпийскую сборную под привычным для нее «офшорным» флагом.

Если белорусско-российские ссоры притормаживаются и не перерастают во что-то большее чем «семейные», то противостояние между Украиной и Россией развернулось в настоящую информационную войну, которую можно ежедневно наблюдать онлайн на телевизионных ток-шоу. На них также выкрикиваются, заезженные штампы с взаимными обвинениями в фашизме и национализме вплоть до нацизма. При этом легко убедиться, что в правительствах и в парламентах обеих стран, в процентном отношении, сидит такой же набор этносов, как в советские времена - со своими

10 . "Порошенко предложили переименовать Украину в Украину-Русь" // Лента.Ру URL: lenta.ru http ://lenta.ru/news/2015/07/30/ukrorus/ (дата обращения: 17.09.2017).

армянами, грузинами, русскими, белорусами, украинцами и т.д. Более того, ни в Москве, ни в Киеве в составе элит нет преобладания титульного этноса. Правящий класс одинаково интернациональный, а в правительствах, и там, и там сидят министры-капиталисты. И те, и другие осуждают советское прошлое. Правда, украинская сторона взялась за десоветизацию раньше и решительнее, но в силу южного темперамента увлеклась и зашла слишком далеко, вплоть до восхваления коллаборантов и бандеровцев, чем дало московским пропагандистам некоторую фору. Но это преимущество тоже не совсем успешно используется, когда на московских ток-шоу одновременно клеймят и Бандеру и Сталина. Или, когда какая- ни будь публичная личность сначала спорит с украинским экспертом на ток-шоу, а на следующий день сидит на кинофестивале, на котором фильм об украинском националистическом батальоне «Айдар» награждается призом «Лавр», и заодно наблюдает как ОМОН арестовывает активистов, пытающихся сорвать это награждение[11].

При внимательном наблюдении за украинско-российской информационной войной, просматривается постановочность, как национализма, так и патриотизма у многих ее участников с обеих сторон. Более того, обнаруживается, что по своей сути украинская и российская элиты почти идентичны - у них схожая ментальность и, судя по тому, что те и другие держат накопления в офшорах, а детей на Западе, то, и одинаковый цивилизационный выбор. Для того чтобы выявить природу ментального портрета постсоветских элит, необходим небольшой исторический экскурс.

В средние века Западная Русь (территория современной Украины и Республики Беларусь) после татаро-монгольского нашествия попала под власть сначала литовских князей, а затем католической Польши. Это положило начало формированию из древнерусской народности трех ветвей – великороссов, малороссов и белорусов. Отметим, что этничность мы определяем не по «фактору крови». Между поляками, украинцами, белорусами и великорусами центральных областей в расовом отношении нет никакой разницы, и, как сейчас подтвердила генетика, эти народы - родные братья. На границе между западной римско-католической и русско-православной цивилизациями, разделившей славян, этничность - это принадлежность к культуре, языку, традиции и вере. На территории Малой и Белой Руси определение этнической принадлежности всегда было по вере - католик, значит поляк, православный – это русский. Западнорусское дворянство могло сохранить свои права только присягнув новым сюзеренам, сменив православие на католицизм, и перейдя на польский язык. Часть дворянства ушла в Московское княжество, а оставшаяся, сменив веру, стала польской шляхтой. Эта новая шляхта оказалось вдвойне враждебной собственному народу, и по вере, и в силу специфического социального расизма - идеологии сарматизма, в которой утверждается, что шляхта - это потомки сарматов, покоривших славян. Польским народом в Речи Посполитой считалась только шляхта, а прочий люд - быдлом. Так население Малой и Белой Руси оказалось без собственной элиты.

Сначала в процесс добровольно-принудительной полонизации с прозелитизмом была вовлечена незначительная часть населения Западной Руси - дворянство и горожане. Вопрос веры и языка бесправного крестьянского большинства римско-католическую церковь и шляхту стал интересовать только в Новое время с началом формирования наций, и особенно после поражения польских восстаний 1830 и 1863 г.г. Во время этих восстаний польское шляхетство неожиданно для себя столкнулось с тем, что православные крестьяне малорусских и белорусских губерний поддержали власти Российской империи. Тогда из православного большинства белорусских и украинских земель началось оформление самобытных частей триединого русского народа уже как части русской политической нации. Этому процессу способствовал целый ряд очень значимых исторических событий: возвращение белорусских и украинских униатов в лоно Русской православной церкви после Полоцкого собора 1839 года; освобождение крестьян в 1862 г.; правовые и образовательные реформы Александра II; решительные действия по так называемой «русификации» Северо-Западного края графом Муравьевым–Виленским и его приемниками. В комплексе эти события составили процесс рерусификации и возвращения к корням, который в конце XIX века стал называться «западнорусским возрождением». В белорусском случае это была подлинная белорусизация, в ходе которой из среды священничества и простого православного крестьянства стала образовываться новая западнорусская интеллигенция и чиновничество.

11 . Фильм "Полет пули", вызвавший скандал на "Артдокфесте", получил приз "Лавр" // РИА-Новости URL: http ://ria.ru/society/20171212/1510781287.html (дата обращения: 15.12.2017).

Несколько слов о вводимом в статье термине «рерусификация». Население Белой и Малой Руси всегда называло себя русским, а веру свою русской, поэтому термин русификация не совсем корректно звучит по отношению к русским. Однако, к моменту вхождения Западной Руси в состав Российской империи во время разделов Речи Посполитой эти территории были подвержены полонизации, в том смысле, что вся политическая, экономическая и культурная жизнь была сосредоточена в руках польской шляхты, а русское большинство и православная церковь пребывали в угнетенном и жалком состоянии. Русификацией края было возвращение к экономической и политической жизни, просвещение русского православного населения белорусских и малороссийских губерний, а не русификация русских. В этом и заключалась политика генерал губернатора Михаила Муравьева-Виленского в царствование Александра II Освободителя. Поэтому на наш взгляд правильнее употреблять «рерусификация» Белой Руси, которая являлась ее истинной белорусизацией.

Тогда же с середины XIX века началась реакция на западнорусское возрождение со стороны представителей польской шляхты и католического духовенства, ответившей политикой контрусификации, в виде хлопоманской белорусизации и украинизации, что на самом деле являлось криптополонизацией. [12] Хлопоманская криптополонизация польских по происхождению «украинофилов» и белорусофилов» заключалась в конструировании исторической мифологии об отдельности белорусов, украинцев и русских, а также созданием новоязов с обилием полонизмов, и как можно более далеких от общерусского литературного языка. Эта «гуманитарная» деятельность по контрусификации малороссов и белорусов была составной часть политического плана польско-католического лагеря по отрыву Украины и Белоруссии от России. В этом деле польская сторона нашла политическую и финансовую поддержку со стороны Австро-Венгрии и Германии, увидевших собственные интересы в ослаблении единства России.

Обратимся к некоторым документам того времени.

«Gazeta Narodowa», орган польской шляхетской партии, выходившей в Кракове в статье от 8 и 9 августа 1866 г. писала: «С тем фактом (пробуждением Руси) мы справиться сегодня уже не в состоянии, —зато мы должны позаботиться о таком направлении и повороте к полной отдельности души. Такая антирусская Русь, связанная унией с поляками, будет для Австрии крепким валом против России».[13]

Польский историк литературы Станислав Тарновский в те же годы говорил: «Всё -таки лучше самостоятельная Русь, чем Русь российская. Если Гриць не может быть моим, говорит известная думка, пускай по крайней мере не будет он ни мой, ни твой. Галицкая Русь играет в том отношении наиболее важную, решительную роль, так как она одна имеет ещё средство их национальной отдельности, — унию. Но этой ненависти к москалям, которой именно нужно, как гарантии и основы настоящей и отдельной Руси, до сих пор не видно нигде».[14]

Польский историк и политический деятель Франтишек Духинский, родом из-под Киева, эмигрировав во Францию разрабатывал туранскую теорию о неславянском происхождении великороссов. Во время польско-шляхетского мятежа 1863 г. Духинский направил повстанческому Национальному правительству обращение, в котором указывал на необходимость издать постановление правительства, предписывающее в официальных документах называть «москалей» исключительно «москалями». Это свое послание Духинский начинал следующими словами: «Занимаюсь вопросами, касающимися единства отчизны нашей над Вислой, над Двиной и над Днепром... К

12. Параллельно с так называемой «русификацией», в среде польской шляхты в малороссийских и белорусских губерниях появилось движение «хлопоманство». После поражения польского мятежа его участники задались целью начать контррусификацию через пропаганду якобы настоящего украинского и белорусского языков, далеко стоящих от русского. Хлопоманы активно занимались изучением этнографии и истории с целью обоснования отдельности трех ветвей русского народа. Также они активно занимались литературной деятельность на смеси польского с малороссийским или белорусским наречиями, и зачастую на польской или чешской латинице. Это было такое заигрывание с бывшими холопами и отсюда получило название «хлопоманство». Под видом развития белоруской и укранской культуры, шла явная подмена скрытной полонизацией - криптополонизация, какой на самом деле является «хлопоманская» белорусизация как в литературе, так и в гуманитарных науках. Подробнее о хлопоманской белорусизации и украинизации с криптополонизацией - Зеленковский И.Ф. "Граф Михаил Муравьев-Виленский как один из первых истинных «белорусизаторов» Белой Руси". // Журнал "Аспект" № 3.3. 2017 г. стр. -65. URL: http:/ aspects.su/attac ments/Aspect_2017_3_3.pdf (дата обращения: 17.10.2017)

13 ."Галицкая Русь прежде и ныне. Историческій очеркъ и взглядъ на современное состояніе очевидца" С. - ПЕТЕРБУРГЪ.1907. стр. – 35 // Западная Русь URL: http ://zapadrus.su/attach ents/rusiny/1907-% 20Galicka_Russ.pdf (дата обращения: 16.10.2017)

14 .Там же.

несчастью, сомнения относительно этого единства стали основой рассуждений о Польше даже для наших иноземных приятелей. Да и у самих поляков чувство этого единства ослабело. Поэтому вмешательство высокого правительства облегчит трудности приказанием, чтобы не Россиянами, не Русскими, не Русинами, а только Москалями называть Москалей в официальных актах...».[15] «Иноземцы, наверное, удивятся такому приказу нашего правительства, ибо не знают, что Москва употребляет названия Россиян, Русинов, Русских, как одно из главных орудий против Польши. Поэтому следует отобрать у «москалей» часть их силы, приказав называть Москалей Москалями, а не признавать за ними названий, которые они себе присвоили, и которыми обосновывают свои мнимые права на большую часть Польши, на Русь».[16]

Здесь требуется уточнение. Выступая против России, польская шляхта преследовала только собственные интересы, обычно не вспоминая собственный простой люд, держа его за быдло, и который поэтому не только не поддерживал шляхетские восстания, но, как и белорусские и украинские крестьяне, помогал Российским властям против своих панов. И в конечном итоге гонорливая польская элита всегда оказывалась инструментом в руках Папского престола и поочередно Франции, Германии, Англии и других держав, в зависимости от исторического периода. Как, впрочем, и сейчас. Такова судьба Польши - быть тараном против восточного славянства в руках Ватикана и Запада, так же как Хорватия против южного славянства.

Выдающийся польский философ XIX века Бронислав Трентовский, кстати, введший термин кибернетика, писал, что «Польша со времени крещения по латинскому обряду уже никогда не была сама собой и была игрушкой в чужих руках». Он приводит цитату из немецкой энциклопедии 19 века Универсального Лексикона: «Польша чуть ли не единственная страна, которая не заслужила почти никакого уважения в течении своего тысячелетнего существования. Она представляет обширную равнину в Европе, на которой живут 12 миллионов невольников; стенающих под игом 100 тысяч мелких тиранов. Плеть шляхтича составляет душу народного хозяйства». [17] Трентовский пишет в своей книге «Система народной педагогики как навыков преподавания», вышедший в 1842 году: «Могущество папы и власть церковной иерархии везде падали, а у нас, со введения иезуитов, возвышались. Везде, как на дрожжах, выросталo просвещение, а у нас невежество. Везде развивалась народная литература, а у нас еще более начала господствовать латынь... Наши отцы не имели сознания о собственном состоянии, не знали самих себя. Зато знали их хорошо соседние монархи и умели этим воспользоваться...Иезуиты правили польскою церковью и были врагами просвещения... Даже Барская конфедерация сражалась не за отечество, но за интересы императора Иосифа. Она оттягала для Австрии Галицию»[18].

Однако, все труды польской партии по конррусификации Западной Руси в общем провалились. В Белоруссии основанную ими газету «Наша Нива», так же, как и книги на мове практически никто не читал, в Малороссии тоже народ тянулся к грамоте на русском языке. Не очень они успешны были даже в Галиции бывшей под властью Австро-Венгрии. Там продолжали деятельность сторонники русского единства русины-твердорусы.

Да, были созданы, сначала на латинице, а потом на кириллице, литературные украинский и белорусский языки на базе сильно полонизированных диалектов. Да, было написано некоторое количество псевдоисторических трудов, и в университетах появились отдельные профессора украинофилы и белорусофилы – «хлопоманы» польского происхождения. Активно работала польско-католическая пропаганда в силу того, что имела политическую и финансовую поддержку Ватикана с Австрией и польских землевладельцев. Однако народ этих стараний почти не замечал, он четко определял себя русским.

К началу XX века в Великороссии, Малороссии и Белоруссии уже образовалась русская триединая нация, и начала оформляться новая национальная буржуазия, интеллигенция и чиновничество, вышедшие из разночинной среды мещанства, священничества и православного крестьянства. Подтверждением тому являются результаты деятельности русских национальных и монархических партий, и итоги выборов в Гос-

15. Соколов Л. «Осторожно: "украинство"!» Издательство: ФондИВ 2009 г. Стр.177

16. Там же

17 Взгляд на состояние Польши польского философа XIX в. Бронислава Трентовского // "Западная Русь" URL: http ://zapadrus.su/bibli/arhbib/1189-vzglyad-na-sostoyanie-polshi-polskogo-fil sofa-xix-v-bronislava-trentovskogo-chast-i.html (дата обращения: 16.10.2017)

18 Там же

ударственную Думу Российской империи. Именно в белорусских и малороссийских губерниях, и как не удивительно сегодня слышать, на Волыни, русские национальные партии уверенно побеждали. И по всей видимости, польская интрига с украинским и прочими сепаратизмами к 20-30-м годам XX века ушли бы в небытие.

Но на смену империям на мировую арену в XIX веке вышли новые силы, нацеленные на транснациональную глобализацию. Для установления нового мирового порядка предварительно требовалось разрушение существовавших империй. Инструментом для достижения этих целей стали различные либеральные течения и революционные теории. С середины XIX века на первый план вышел марксизм. Российская империя как самая большая традиционалистская континентальная держава, являлась наибольшим препятствием глобализации и стала одной из основных целей марксизма. Карл Маркс с Фридрихом Энгельсом в этом вопросе не прошли мимо цивилизационного конфликта между славянами и обратили внимание на традиции шляхетских вольностей с их правом на рокош (восстание), на активность польского легиона во французских революционных войнах и участие поляков в походе Великой армии Бонапарта в Россию.

Из письма Карла Маркса Фридриху Энгельсу: «Выводы, к которым приходит Духинский: Название Русь узурпировано московитами. Они не славяне и вообще не принадлежат к индогерманской расе, они intrus, [19] которых требуется опять прогнать за Днепр и т. д. Панславизм в русском смысле, это — измышление кабинета и т. д. ... Я бы хотел, чтобы Духинский оказался прав, и чтобы по крайней мере этот взгляд стал господствовать среди славян». [20]

Как только Карл Маркс перешел от теории к действиям, то сразу же был привлечен «польский ресурс». Политическому марксизму положил начало митинг в Лондоне, собравшийся 28 сентября 1864 года в поддержку польского восстания. Как ни странно, польскую шляхту, потерпевшую поражение в восстании 1863 года во многом потому, что против них выступили собственные крестьяне, на этом митинге поддержали представители революционных рабочих движений. Здесь были революционеры из Англии, Франции, Германии и других стран. Участники митинга приняли решение создать международную рабочую организацию, названную вскоре Международным товариществом рабочих. На митинге присутствовал Карл Маркс. Он был избран в состав руководства провозглашённой организации и подготовил Учредительный манифест, который, как и «Манифест коммунистической партии», заканчивался лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим, —
Кто был ничем, тот станет всем.
...
Никто не даст нам избавленья:
Ни Бог, ни Царь и ни герой.[21]

Так в Лондоне во время митинга в поддержку польского шляхетского мятежа в Российской империи был основан I Интернационал – по сути международная антироссийская координационная организация революционеров и террористов.

В 1865 г., предлагая Лондонской конференции набросок программы для Женевского конгресса I Интернационала (Международного Товарищества рабочих), Карл Маркс в разделе «Международная политика» оставил всего один вопрос: «О необходимости уничтожения московитского влияния в Европе путем осуществления права наций на самоопределение и восстановление Польши на демократических и социальных основах. Таким образом, право наций на самоопределение - только для Польши, и не ради неё, а как средство уничтожения московитского влияния в Европе». [22]

19. Intrus (франц) - незаконно вторгшиеся, неправильные, примазавшиеся, злоумышленники.
20 . К. Маркс и Ф. Энгельс сочинения Том 31 стр. 107 // Институт марксизма — ленинизма при ЦК КПСС Москва. 1963. URL: http:/ www.informaxinc.ru/lib/marx/31.html (дата обращения: 16.10.2017).
21. Интернационал. Слова: Эжен Потье (1871), русский перевод: Аркадий Яковлевич Коц (1902) - международный пролетарский гимн; гимн коммунистических партий, социалистов и анархистов, официальный гимн РСФСР (1918—1944), СССР (1922—1944), Дальневосточной Республики (1920—1922), Украинской ССР (1918—1949), Белорусской ССР (1919—1952).
22 Документы Первого Интернационала. Лондонская конференция Первого Интернационала, 17-23 сентября 1871 г.: Протоколы и документы. Москва: Политиздат, 1988. - // Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Стр. 409. URL: http:/ publ.lib.ru/ARCHIVES/I/Internacional-1/_Internacional-1.html (дата обращения: 16.10.2017).

Из речи Карла Маркса на польском митинге 1867: «Я спрашиваю вас, что же изменилось? Уменьшилась ли опасность со стороны России? Нет! Итак, для Европы существует только одна альтернатива: либо возглавляемое московитами азиатское варварство обрушится, как лавина, на её голову, либо она должна восстановить Польшу, оградив себя таким образом от Азии двадцатью миллионами героев».[23]

Фридрих Энгельс (из статьи «Демократический панславизм»): «Тогда борьба, беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть со славянством, предающим революцию, борьба на уничтожение и беспощадный терроризм».[24]

Российское дворянство, желая послабления государевой службы, издавна симпатизировало шляхетским вольностям, и аристократия традиционно была настроена полонофильски, порой даже в ущерб интересам Российской империи (мягкие наказания польским повстанцам, невнимание к эксплуатации православного крестьянства в Западной Руси и т.д.). Эта симпатия к свободолюбивой Польше потом перешла и к российским либералам западникам, а потом к народовольцам и марксистам, что во многом способствовало распространению революционных идей в России. Например, призыв советских диссидентов «За нашу и Вашу свободу» на самом деле польский девиз «Za naszą i waszą wolność», впервые прозвучавший на демонстрации в Варшаве в поддержку восстания декабристов 1825 г. Затем этот девиз широко использовался во время польских восстаний 1830 и 1863 г.г. и в последующей пропаганде среди русского населения и особенно других народов Российской империи для возбуждения их к «национально-освободительным» восстаниям и привлечению к революционной деятельности.

Военная организация первой народнической организации «Земли и воли» была представлена «Комитетом русских офицеров в Польше» под руководством подпоручика А. А. Потебни, принявшем участие в Польском восстании 1863.

Известная песня российских террористов-революционеров "Варшавянка" ни что иное как перевод с польского «Марша зуавов» который распевали во время польского восстания 1863 года зуавы-кинжальщики, когда вешали православных священников и непокорных белорусских крестьян.

Марш, марш, зуавы,
На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, зуавы, марш.
«Зуавы смерти»[25]

Первое удавшееся покушение на царственную особу совершил революционер-террорист из «Народной воли» польский шляхтич из Бобруйского уезда Игнатий Гриневицкий. 13 марта 1881 г. от брошенной им бомбы был смертельно ранен Александр II Освободитель. Примечательно, что те, кто боролся за народную волю убили царя, который, несмотря на сопротивление помещиков смог провести крестьянскую реформу с отменой крепостного права, которое большевики потом вернули в виде колхозов. Также, Александр II провёл широкую экономическую, образовательную и правовую реформы, в частности, введя институт независимых судебных присяжных заседателей - ликвидированный большевиками, и заменённый трибуналами ВЧК и «сталинскими тройками». Правовая практика этого института пока лишь частично восстановлена в РФ. «Борцами за свободу»- убит император, которому были воз-

23. Том 16 ПСС К.Маркса и Ф.Энгельса. Стр. 206. // "Карл Маркс и Фридрих Энгельс Полное собрание сочинений" URL: http:/ www.informaxinc.ru/lib/marx/16.html (дата обращения: 16.10.2017).

24 . Демократический панславизм. Том 6 ПСС К.Маркса и Ф.Энгельса Стр. 306. // "Карл Маркс и Фридрих Энгельс Полное собрание сочинений. URL: http://www.informaxinc.ru/ ib/marx/06.html (дата обращения: 16.10.2017).

25. Кинжальщики (польск. Sztyletnicy) — убийцы, действовавшие по приказаниям руководства повстанцев во время польского восстания 1863 года. Кинжальщики были организованы и одевались наподобие зуавов - наемников из североафриканского племени кабилов, служивших в легкой пехоте французских колониальных войск. Кинжальщики казнили белорусских православных священников и крестьян, отказывавшихся помогать польскому восстанию. Есть веские основания предполагать, что автором музыки "Марша зуавов" и соответственно "Варшавянки" был польский композитор Станислав Монюшко, написавший также музыку к комедийной-опере «Сялянка» своего друга - польского шляхтича Винцента Дунина Марцинкевича, косвенно участвовавшего в польском восстании 1863 г., занимавшимся белорусским "хлопоманством" и которого считают основоположником белорусской драматургии. 3 сентября 2016 г. в центре Минска на площади Свободы председателем Компартии Беларуси И.В. Карпенко был открыт памятник Монюшко и Дунину Марцинкевичу на месте где до 1917 года стоял памятник Александру II Освободителю.

двигнуты благодарственные памятники от крестьян за их личные средства по всей империи, и до сих пор бережно охраняемые как русскому царю-освободителю в столицах Финляндии и Болгарии.

В результате деятельности многочисленных марксистских кружков и террористических народовольческих организаций, в которых активно участвовали и поляки шляхетского происхождения, была подготовлена база для революции 1917 года, уничтожившей Российскую империю в трудный для неё военный период. Слом государственности облегчило то обстоятельство, что к тому времени русская нация, имела ещё не до конца оформившуюся национальную элиту. То есть, русская интеллигенция и чиновничество были только в процессе отхода от безоговорочно европейской ориентации, а соответствующая вызовам времени русская идея была на начальном этапе создания. В силу этого русская интеллигенция не имела полного понимания интересов своей нации, и в своих идейных поисках во многом была под влиянием марксизма. Это обстоятельство и привело русский народ к катастрофе Февраля/Октября 1917 года, в результате которой изначально пострадала прежде всего русская национальная элита в Великороссии и, возрождавшаяся западнорусская на Украине и в Белоруссии. Русская национальная элита или вынуждена была эмигрировать (до 2 миллионов), но в основном была уничтожена несколькими волнами государственного террора.

Руководил государственным террористическим органом ЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем) представитель родовитой польской шляхты Феликс Эдмундович Дзержинский, чьи ближайшие родственники участвовали в шляхетских мятежах. В 1922 году он вспоминал о своих детских годах: «Ещё мальчиком я мечтал о шапке-невидимке и уничтожении всех москалей».[26]

Сразу после октябрьского переворота основным направлением большевистского террора стала русская интеллигенция и духовенство под надуманным лозунгом борьбы с «великорусским шовинизмом». Этот термин вошёл в государственный обиход и стал одним из самых негативно окрашенных идеологических клише. Великодержавный шовинизм был противопоставлен интернационализму. Ленин заявлял в письме Каменеву: «Т. Каменев! Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами.» [27]

Во всех речах Сталина по национальному вопросу на съездах партии с X по XVI «великорусский шовинизм» объявлялся главной опасностью для государства. Сталин провозгласил: «Решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первой очередной задачей нашей партии».[28]

В новообразованных советских республиках Украине и Белоруссии, под лозунгом борьбы с «великорусским шовинизмом» шла чистка всех учреждений от представителей западнорусской интеллигенции и чиновничества, с заменой их, в духе политики коренизации, на «национальные» кадры зачастую из представителей дореволюционных нацдемов, польско-католического происхождения. Эта дерусификация сопровождалась жесткой украинизацией и белорусизацией по программам, разработанным еще польскими «хлопоманами» с максимальным отрывом белорусов и украинцев от русского народа.

В заключение исторического экскурса приведём один из последних эпизодов борьбы большевизма с русским самосознанием в послевоенное время. 17 ноября 1944 года в Мукачеве состоялось общее собрание делегатов местных комитетов. В его работе в полном составе приняли участие делегаты Православного съезда. Георгий Геровский (1886—1959) был председателем этого собрания. Затем делегация во главе с Геровским отправилась в Москву донести правительству СССР решение представительного собрания о вхождении Подкарпатской Руси как автономной единицы в состав Советского Союза. Просьба подкарпатских русинов не была удовлетворена Сталиным. Закарпатье было включено в состав Украины и началась усиленная украи-

26. Александр Плеханов. Кто Вы, "Железный Феликс"? Издательство «Аква-Терм» Москва.2013. Стр. 29

27. Записка Л. Б. Каменеву о борьбе с великодержавным шовинизмом. Ленин В.И. Полное собрание сочинений Том 45. // Ленин URL: http ://leninism.su/works/84-tom-45/490-o-borbe-s-shovenizmom-45.html (дата обращения: 16.10.2017).

28. И.В. Сталин. Национальные моменты в партийном и государственном строительстве: Тезисы к XII съезду РКП (б), одобренные ЦК партии. // Макрсистский интернет архив. URL: h ps://www.marxists.org/russkij/stalin/t5/na onal_moments.htm (дата обращения: 16.10.2017).

низация с репрессиями против русофильской интеллигенции.

Таким образом, итогом 70-летнего правления советской интернациональной бюрократии, стало то, что разделенный русский народ в РСФСР, БССР и УССР к моменту развала Советского Союза оказался без национальной элиты. Русская нация была низведена в подчиненное состояние с постоянным преследованием каких-либо проявлений русских начал и особенно традиций, основанных на православии. Триединый русский народ (великороссы, малороссы, белорусы) был разделен на три «братских», но отдельных народа, с заложенным потенциалом их дальнейшего расхождения. Все годы проводилась жесткая дерусификация, а значит денафикация русского народа, и не только его украинской и белорусской частей, которых впервые за тысячелетнюю историю лишили даже права называться русскими, но и великороссов в самой РСФСР. Дерусификация/денационализация малороссов и белорусов проводилась через навязывание идеи отдельности этих народов, с отрывом их от общерусского литературного языка, высокой классической русской культуры и общей истории, с навязыванием псевдоукраинского и псевдобелорусского языков с обилием полонизмов, разработанных еще польскими хлопоманами, и потому далеких от природных народных говоров.

Денационализация великоросов, хотя и сохранивших свое русское самоназвание проводилась не менее решительно через запрет развития русской культуры, православной духовности и навязывание идей безликого интернационализма. Денационализация великороссов хорошо проиллюстрирована на советских плакатах, посвящённых дружбе народов, на которых представители всех 15 республик изображаются в «праздничных» национальных одеждах (тоже далеких от настоящих и сконструированных советскими этнографами), а русские всегда в нейтральной и простой рабочей спецовке. Партийная номенклатура этнически везде была одинаково смешанной. Но если в РСФСР бюрократия была без каких - либо проявлений национальных черт, то в УССР и БССР такие же по составу номенклатуры надевали маску коренной конструируемой нации, но по сути были тоже вненациональными.

К концу существования советского проекта, с его истинной, но недоразвитой капиталистической сущностью, когда номенклатуре стала очевидна бесперспективность потуг по реформированию огромной страны, был взят курс на интеграцию с Западом. Иными словами, парт-номенклатура стала искать пути к занятию боле менее удобного места в рядах глобального капитала, даже на условиях развала СССР с обязательством дальнейшей денационализации русского народа. В российской Федерации эта денационализация проявляется в том, что русский народ так и не получил статуса государствообразущего. Русских там как бы и нет, как официально и самой России – в армии присягают не России, а Российской Федерации. Восемьдесят процентов населения Российской Федерации являются русскими, и по всем международным нормам такая страна считается мононациональной, но по конституции она многонациональная федерация с «республиканской нарезкой» дальнейших ее разделов. Как в 20-30-х годах прошлого века белорусов и малороссов, так сейчас и русских убеждают отказаться от своего имени и стать «россиянами», влиться в конструируемую «российскую нацию». Из государственного бюджета регулярно финансируются представители творческого бомонда, обсуживающего вкусы российской бюрократии и олигархов. Их произведения - от художественных выставок, до театральных постановок и фильмов безнаказанно оскорбляют национальные и религиозные чувства русских. Даже право русских детей на изучение родного языка оспаривается не только в национальных республиках таких как Татарстан, но в Екатеринбурге [29]. По поводу поднятого вопроса об обязательном изучении русского языка на всей территории Российской Федерации первый зампред Духовного управления мусульман России Дамир Мухетдинов 27 ноября 2017 года выразил логичное, вытекающее из конституции, недоумение: «Почему во всей стране изучение русского языка должно быть обязательным. Российская Федерация - это не русское государство, она федерация»[30].

Когда на ток-шоу спорят российские и украинские эксперты о том, кто больший из них фашист, шовинист, реваншист или большевик, многие ли из них сами себе признаются, что по сути их элиты идентичны: по происхождению, по степени космополитизма, по общему для них западному цивилизационному выбору, по воровато-

29. Учителям на Урале запретили с 1 декабря называть русский язык родным. // URA.RU URL: http ://ura.news/news/1052313882 (дата обращения: 14.12.2017).

30. «В руководстве ДУМ РФ считают изучение русского необязательным в Татарстане» //"Интерфакс- религия" URL: http:/ www.interfax-religion.ru/?act=news&div=68690 (дата обращения: 10.12.2017).

сти, игнорированию национальных интересов, и самое главное - в деле денационализации народа. Разница - что в России денационализация протекает в виде постепенного обезличивания, а на Украине - в бандеровской форме агрессивной украинизации.

Если, вернувшись к историческому обзору, еще раз вспомнить, что в Российской империи к началу 20 века сформировалась триединая русская нация, а западнорусская интеллигенция Белой и Малой Руси выражала и отстаивала на политической площадке Государственной Думы, как общерусские, так и местные национальные интересы, то из этого вытекает, что после 1917 года, с последовавшим уничтожением великорусской и западнорусской интеллигенции и политических деятелей, не стало подлинно национальных элит. Уже сто лет продолжается процесс, запущенный большевиками по отрыву белорусов и украинцев от достижений общерусской культуры, и её общенационального литературного языка, созданного общими усилиями лучших представителей трёх ветвей русского народа. Отрыв от достижений высокой и самобытной Русской православной цивилизации – заведомо ведёт к национальной деградации, а не к прогрессу. Сегодняшнее агрессивное украинство вовсе не национализация, а денационализация, возглавляемая вненациональной элитой с марксистским прошлым. Результаты этой жесткой и лживой денационализации на Украине уже очевидны – разрушение государственности и стремительная депопуляция. Народ, потерявший своё лицо, под чужой маской - умирает.

Если на Украине сегодня уже отчётливо видно к чему привела псевдоукраинизация, то в Республике Беларусь белорусизация гораздо более «мягкая», как и все остальные процессы, описанные выше - они как бы и есть, но всё-таки удерживаются руководством от крайностей и потому топчутся на месте. И есть надежда, что, видя пример Украины, на Белой Руси возможно новое западнорусское возрождение с подлинной белорусизацией (с очищением языка и истории от чужеродной польскости, и без отрицания общерусской культуры), а не в виде криптополонизации, постоянно навязываемой белорусским «свядомым колам».

В Российской Федерации после того как Запад поставил перед ее элитами неприемлемые условия, вроде бы начался процесс «национализации» элит, но очень пока неуверенный и с оглядкой. Тем не менее, последнее время стала появляться надежда, что Москва вновь станет цивилизационным ядром Русского мира и в экономическом, и в политическом, и в культурном отношениях.

Также еще не потеряна возможность умиротворения Украины и вхождение её в «Русское союзное государство» вместе с Российской Федерацией и Республикой Беларусь.

Здесь заметим, что следует умерить мечтания отдельных российских урапатриотов и страхи украинских/белорусских свідомих/свядомых – ни Российскую империю, ни Советский Союз никогда не воскресить, и на этот счет никто не строит серьёзных планов - эти политические образования ушли в прошлое как и Древняя Киевская Русь. Три русских суверенных государства — это состоявшаяся реальность. Пытаться разрушать эту данность могут только безумцы. А вот строить новые дееспособные политические конфигурации из союзов и федераций с одновременным укреплением каждого русского государства с развитием их самобытности и своеобразия – это и есть позитивная программа на будущее. Как раз такое политическое объединение будет иметь необходимые ресурсы для вхождения в следующий технологический уклад и шансы добиться достойного места в глобальном мире.

В заключение отметим, что, как и в определении нации, под национальной элитой подразумевается не этническая, а ее гражданская принадлежность. Это национальная элита, которая взамен получаемых благ, несёт ответственность за государство, и служит её народам, и что важно обязательно в равной и пропорциональной степени представленных, как в политике, так и в экономике. Это национальная элита, не законсервированная, а себе же на пользу, дабы не деградировать, обеспечивающая социальную лестницу для всех слоев населения. Это национальная элита, прочно связанная с государством и народом, будет вынуждена заботься о приумножении и сохранении собственности не только личной и всех членов общества, а также о поступательном развитии страны. Такая элита неизбежно возвращается к традиционным ценностям. Как тогда эта национальная элита может быть организована – или в партийные структуры демократического государства, или в вертикаль власти монархии - не будет иметь решающего значения. То, что к такому согласию может прийти наше общество, пережившее столетие непрерывных социальных экспериментов и, испробовавшее все возможные формы «измов» - вполне возможно. Тогда закончатся

афтершоки революционного землетрясения 1917 года. Тогда ненапрасными будут огромные потери, понесенные за сто лет поиска социальной справедливости и гармоничной организации общества. Могут сказать, что это в чем-то напоминает критикуемый в статье марксизм. Но это не так – это христианская модель, к которой человечество всё никак не придёт, но она более реальна, нежели какая-либо утопия о построении рая на земле в виде коммунизма.

Пока единственным институтом, реально работающим на ниве национального возрождения, является Русская Православная Церковь. Ее возрастающий авторитет и мудрая умиротворяющая политика вселяют надежду, что русская жизнь возродиться во всей полноте и многообразии на просторе от Карпат до Тихого океана. При ином ходе событий - неминуемо исчезновение трёх русских государств с гибелью даже тех элит, которые есть.

ЛИТЕРАТУРА:

- Лев Д. Троцкий. История русской революции (1930 г.) // Марксистский интернет архив. URL: htt s://www.marxists.org/russkij/trotsky/1930/trotl007.htm
- Лев Д. Троцкий. Перманентная революция (1930 г.) // Марксистский интернет архив. URL: htt s://www.marxists.org/russkij/trotsky/1930/perm-rev/index.htm.
- Белых А. А. Введение; Л.Д.Троцкий и возможность построения социализма // Лев Троцкий и политика экономической изоляции = Leon Trotsky and the politics of economic isolati n / Р. Б. Дэй; науч. ред. А. А. Белых; пер. с англ. А. В. Белых. — М.: Дело, 2013.
- Антология позднего Троцкого. Сост. М. Васильев, И. Будрайтскис. — М.: Алгоритм, 2007.
- Троцкий в изгнании: пер. с англ. / И. Дойчер. — М.: Политиздат, 1991. — 590 с.
- В.И. Добреньков, А.И. Кравченко. История зарубежной социологии. Теория конвергенции //"Библиотека "Полка букиниста" URL: http:/ society.polbu.ru/ dobrenkov_histsociology/ch82_all.html
- Зеленковский И.Ф. "Граф Михаил Муравьев-Виленский как один из первых истинных «белорусизаторов» Белой Руси". // Журнал "Аспект" № 3.3. 2017 г. стр. - 65. URL: http:/ aspects.su/a achments/Aspect_2017_3_3.pdf
- "Галицкая Русь прежде и ныне. Историческій очеркъ и взглядъ на современное состояніе очевидца" С. -ПЕТЕРБУРГЪ.1907. стр. – 35 // Западная Русь URL: htt s:// zapadrus.su/a achments/rusiny/1907-%20Galicka_Russ.pdf
- Соколов Л. «Осторожно: "украинство"!» Издательство: ФондИВ 2009 г.
- Взгляд на состояние Польши польского философа XIX в. Бронислава Трентовского // "Западная Русь" URL: htt s://zapadrus.su/bibli/arhbib/1189-vzglyad-na-sostoyanie-polshi-polskogo-filos fa-xix-v-bronislava-trentovskogo-chast-i.html
- К. Маркс и Ф. Энгельс сочинения Том 31 стр. 107 // Институт марксизма — ленинизма при ЦК КПСС Москва. 1963.
- Документы Первого Интернационала. Лондонская конференция Первого Интернационала, 17-23 сентября 1871 г.: Протоколы и документы. Москва: Политиздат, 1988. - // Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС URL: http:/ www.informaxinc.ru/lib/marx/16.html
- Том 16 ПСС К.Маркса и Ф.Энгельса. Стр. 206. // "Карл Маркс и Фридрих Энгельс Полное собрание сочинений" URL: http://w w.informaxinc.ru/lib/marx/16.html
- Демократический панславизм. Том 6 ПСС К.Маркса и Ф.Энгельса Стр. 306. // "Карл Маркс и Фридрих Энгельс Полное собрание сочинений. URL: http:/ www.informaxinc.ru/lib/marx/06.html (дата обращения: 16.10.2017).
- Александр Плеханов. Кто Вы, "Железный Феликс"? Издательство «Аква-Терм» Москва.2013.
- Записка Л. Б. Каменеву о борьбе с великодержавным шовинизмом. Ленин В.И. Полное собрание сочинений Том 45. // Ленин URL: htt s://leninism.su/works/84-tom-45/490-o-borbe-s-shovenizmom-45.html
- И.В. Сталин. Национальные моменты в партийном и государственном строи-

тельстве: Тезисы к XII съезду РКП(б), одобренные ЦК партии. // Марксистский интернет архив. URL: htt s://www.marxists.org/russkij/stalin/t5/nati nal_moments.htm

REFERENCES

- Lev D. Trotskiy. Istoriya russkoy revolyutsii (1930 g.) // Marksistskiy internet arkhiv. URL: htt s://www.marxists.org/russkij/trotsky/1930/trotl007.htm
- Lev D. Trotskiy. Permanentnaya revolyutsiya (1930 g.) // Marksistskiy internet arkhiv. URL: htt s://www.marxists.org/russkij/trotsky/1930/perm-rev/index.htm.
- Belykh A. A. Vvedeniye; L.D.Trotskiy i vozmozhnost' postroyeniya sotsializma // Lev Trotskiy i poli ka ekonomicheskoy izolyatsii = Leon Trotsky and the politics of economic isolati n / R. B. Dey; nauch. red. A. A. Belykh; per. s angl. A. V. Belykh. — M.: Delo, 2013.
- Antologiya pozdnego Trotskogo. Sost. M. Vasil'yev, I. Budraytskis. — M.: Algoritm, 2007.
- Trotskiy v izgnanii: per. s angl. / I. Doycher. — M.: Poli zdat, 1991. — 590 s.
- V.I. Dobren'kov, A.I. Kravchenko. Istoriya zarubezhnoy sotsiologii. Teoriya konvergentsii //"Biblioteka "Polka bukinista" URL: h p://society.polbu.ru/dobrenkov_histsociology/ch82_all.html
- Zelenkovskiy I.F. "Graf Mikhail Murav'yev-Vilenskiy kak odin iz pervykh isti nykh «belorusizatorov» Beloy Rusi". // Zhurnal "Aspekt" № 3.3. 2017 g. str. -65. URL: http:/aspects.su/a achments/Aspect_2017_3_3.pdf
- "Galitskaya Rus' prezhde i nyne. Istoricheskíy ocherk" i vzglyad" na sovremennoye sostoyaníe ochevidtsa" S. -PETERBURG".1907. str. – 35 // Zapadnaya Rus' URL: htt s://zapadrus.su/a achments/rusiny/1907-%20Galicka_Russ.pdf
- Sokolov L. «Ostorozhno: "ukrainstvo"!» Izdatel'stvo: FondIV 2009 g.
- Vzglyad na sostoyaniye Pol'shi pol'skogo filoso a XIX v. Bronislava Trentovskogo // "Zapadnaya Rus'" URL: htt s://zapadrus.su/bibli/arhbib/1189-vzglyad-na-sostoyanie-polshi-polskogo-filos fa-xix-v-bronislava-trentovskogo-chast-i.html
- K. Marks i F. Engel's sochineniya Tom 31 str. 107 // Insti ut marksizma — leninizma pri TSK KPSS Moskva. 1963.
- Dokumenty Pervogo Internatsionala. Londonskaya konferentsiya Pervogo Internatsionala, 17-23 sentyabrya 1871 g.: Protokoly i dokumenty. Moskva: Politi dat, 1988. - // Institut marksizma-leninizma pri TSK KPSS URL: http://ww .informaxinc.ru/lib/marx/16.html
- Tom 16 PSS K.Marksa i F.Engel'sa. Str. 206. // "Karl Marks i Fridrikh Engel's Polnoye sobraniye sochineniy" URL: http://ww .informaxinc.ru/lib/marx/16.html
- Demokratichesk y panslavizm. Tom 6 PSS K.Marksa i F.Engel'sa Str. 306. // "Karl Marks i Fridrikh Engel's Polnoye sobraniye sochineniy. URL: http:/ www.informaxinc.ru/lib/marx/06.html (data obrashcheniya: 16.10.2017).
- Aleksandr Plekhanov. Kto Vy, "Zheleznyy Feliks"? Izdatel'stvo «Akva-Term» Moskva.2013.
- Zapiska L. B. Kamenevu o bor'be s velikoderzhavnym shovinizmom. Lenin V.I. Polnoye sobraniye sochineniy Tom 45. // Lenin URL: htt s://leninism.su/works/84-tom-45/490-o-borbe-s-shovenizmom-45.html
- I.V. Stalin. Natsional'nyye momenty v partiyn m i gosudarstvennom stroitel'stve: Tezisy k XII s"yezdu RKP(b), odobrennyye TSK partii. // Marksistskiy internet arkhiv. URL: htt s://www.marxists.org/russkij/stalin/t5/national_ oments.htm

ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ (АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)*

ORTHODOX TRADITION AS FACTOR OF IDENTITY SYSTEMS OF LEGAL EAST SLAVIC (ANTHROPOLOGICAL LEGAL ASPECTS)**

УДК
UDC – 340.111.53

Павлов Вадим Иванович, Кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Беларуси.

Vadim Pavlov . Candidate of Juridical Sciences, docent, The chief of chair of the theory state and law history Academies of the MIA of the Belarus

РЕЗЮМЕ. В статье излагается авторский подход относительно понимания правовой системы с позиции обеспечения ее правовой идентичности. Утверждается, что идентичность правовой системы с антрополого-правовой точки зрения складывается из личностных практик правового существования, в которых воспроизводятся ценности, присущие тому или иному правовому сообществу. Дается не формально-догматическое а антрополого-правовое понятие личности, а также излагаются отличительные особенности такого понимания от традиционного новоевропейского понятия личности в праве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Православная традиция, субъект права, личность, правовая идентичность, правовая система.

ABSTRACT . The artic e presents the author's approach with respect to the understanding of the legal system from the perspec ve of ensuring its legal identit . It is alleged that the identity of the legal system with the anthropological and legal point of view, the sum of the personal existence of legal practices, which reproduced the values inherent in a particular legal community. It is not given formal dogmatic and anthropological-legal concept of the individual, as well as outlines the distin guishing features of the traditi nal understanding of the concept of modern European identi y in law.

KEY WORDS. Orthodox traditi n, legal entit , a person, a legal identit , legal system.

1.

В традиционной общеправовой теории вопрос о соотношении религии и права, как правило, решается отрицательно, поскольку в основе большинства мировых правопорядков сегодня лежат новоевропейские принципы государственности и права. Формирование новоевропейских правовых идей в Западной Европе происходило на достаточно специфических социокультурных основаниях: ниспровергая монархические формы правления, прежнее, средневековое право и прежние правовые идеи, новая элита, названная К. Марксом буржуазией, отказывалась и от религиозных оснований ценностного обеспечения данных правопорядков. Известный английский мыслитель второй половины XVIII столетия Э. Берк, оценивая итоги французской буржуазной революции, полагал, что отрицая старое монархическое государство, правовую систему, церковь, новый класс «...закладывает мину, которая разом взорвет все древние образцы, все обычаи, хартии, парламентские акты. Эта мина – права человека»[1]. Подобную же оценку новой идеологии эпохи Просвещения давал и известный русский консервативный мыслитель К.П. Победоносцев. «Много зла наделали человечеству философы школы Ж.Ж. Руссо, – отмечал русский правовед, – Философия эта завладела умами, а между тем вся она построена на одном должно представлении о совершенстве человеческой природы и о полнейшей способности всех и каждого уразуметь и осуществить те начала общественного устройства, которые эта философия исповедовала»[2]. К.П. Победоносцев здесь точно подмечает одну из главных особенностей новых государственно-правовых идей – это

* Текст доклада на научно-практической конференции, «Церковь и славянские идентичности: проблемы формирования и развития» https://zapadrus.su/partnery/ceas/ceas-2012/1746-nauchnaya-konferentsiya-tserkov-i-slavyanskie-identichnosti.html

** The text of the report at the scientific and practical conference "Church and slavic identities" https://zapadrus.su/partnery/ceas/ceas-2012/1746-nauchnaya-konferentsiya-tserkov-i-slavyanskie-identichnosti.html

1 Гёнци, А. Марамарош-Сигетский русинский процесс // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы. Москва-Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. С. 304

1 Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993. – С. 70.

2 Победоносцев К.П. Московский сборник // Победоносцев К.П. Сочинения / Вступ. ст. и примеч. А.И. Пешкова. – СПб. : 1996. – С. 291

«представление о совершенстве человеческой природы». В современных правовых исследованиях эта особенность просветительских правовых воззрений акцентируется весьма редко несмотря на то, что на самом деле именно антропологический фактор является одним из ключевых в реальной оценке той или иной правовой концепции.

Учение о правах человека, новоевропейская концепция естественного права, теория гражданского общества и другие просветительские концепции – все они основываются на определенной антропологической модели. В основе этой модели лежат методологические новоевропейского идеи рационализма, положения о разумности человеческой природы, его сознания и т.д. «Cogito ergo sum» – говорит Р. Декарт, т.е. именно мышление, основанное на правильном, геометрическом методе, а не вера, традиция, ценности, опыт существования, делает человека базовой точкой и критерием познания, удостоверением реальности как таковой. Отсюда и явное или неявное исключение религиозных оснований человеческого существования. Идея разумности человеческой природы, идея Природы и ее законов – а не Бог и опыт духовной жизни становятся ядром антропологических практик.

Обоснование такой идеи в эпоху Нового времени привело к тому, что в новой правовой идеологии постепенно происходит изменение ценностных оснований правового развития – постепенно формируется, по сути, атеистическая конституционно-правовая доктрина о правах и свободах человека как первичной онтологической и аксиологической данности. Однако в религиозных правовых воззрениях Средневековья, которые на Западе аккумулировались в курсах схоластического образования с учетом идей аристотелизма, также была выработана и существовала вполне определенная антропологическая модель. Содержательно в основе этой модели находились идеи об упречности, греховности человеческой природы и всех природных свойств человека. Для права это, прежде всего, воля и сознание как юридические понятия. По форме же католические богословы, начиная с XIII века, использовали вполне светские научные понятия из словаря Аристотеля – это понятия «сущности», «субстанции», «субъекта», в основном, правда, в интерпретации Фомы Аквинского. В частности, этот крупнейший систематизатор средневековой римско-католической мысли, формулируя понятие лица, отмечал, что «лицо есть то же самое, что ипостась, субсистенция и сущность… <…> …в определение лица следует включать не «природу», но скорее “сущность”» (Вопрос 29)[3].

Наряду с западной религиозной традицией формировалась и византийская, православная традиция, которая была пресечена в середине XV столетия. Византийская антропология также исходила из общей посылки об упречном состоянии человеческой природы, однако формы выражения а, соответственно, и понимания антропологических практик были иными. Богословским основанием этих практик стала энергийная антропология, окончательно сформулированная в учении свт. Григория Паламы о Божественных энергиях и исихазме. Акцент в византийской антропологии делался не на понятии сущности, субстанции и субъекта, а на понятии личности и ипостаси. Так, свт. Григорий, обосновывая приоритет понятия «личность» перед понятием «сущность», отмечает: «беседуя с Моисеем, Бог сказал не “Я есмь сущность”, а “Я есмь сущий”, не от сущности ведь Сущий, а от Сущего сущность: Сущий объял в Себе все бытие»[4].

Вместе с тем по объективным историческим причинам в авангарде правового развития оказалась именно западная цивилизация, которая на момент формирования новоевропейской правовой идеологии вобрала в себя, с одной стороны, инструментарий реципированной и подвергшейся схоластическо-метафизическому воздействию римской правовой традиции, с другой – новые гуманистические идеи, которые и составили содержание этой идеологии. Право стало светским, антропологическая модель – картезианско-кантианской, религиозный фактор, соответственно, был исключен из правового регулирования.

2.

Исключение религиозного фактора из права является не универсальной общемировой, а локальной особенностью развития – особенностью западноевропейской цивилизации. Хотя формально восточнославянские правовые системы и относятся к

3 Аквинский, Ф.. Сумма против язычников. Книга первая. Перевод и примечания Т.Ю. Бородай. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. – С. 379–380.

4 Палама, Григорий, свт. Триады в защиту священно-безмолвствующих / Перевод, послесловие и комментарии В. Вениаминова. – М. : Канон+, 2005. – С. 316.

романо-германской правовой семье, тем не менее, такое отнесение будет верным, если ориентироваться только на такой критерий правовой системы, как действующие источники права. Если же анализировать юридически значимые антропологические практики, то, что мы называем практиками правового существования, или, что нередко в юридической науке выражается через такие понятия, как правовое поведение, правовое сознание, правовой менталитет, правовые ценности и др., – то такой вывод не окажется очевидным. Помимо понятия «правовая система», «правовая семья», существует еще и категория «правовая традиция», которая как раз и включает в себя наряду с источниками права и поведенческий компонент в праве. Как отмечается в литературе, содержание правовой традиции составляют «практики людей – носителей статуса субъектов права, которые представляют собой массовые многократно повторяющиеся юридически значимые действия, складывающиеся на основе социальных представлений о типичных правовых ситуациях»[5]. В связи с этим интересно наблюдение В.П. Малахова, который относит западноевропейские государства и общества к таким типам правопорядков, в которых как таковые правовые традиции отсутствуют[6]. Хотя сам Валерий Петрович скептически относится к значимости обычая, установок социальной, духовной жизни в современных незападных, в том числе восточнославянских государствах, тем не менее, мы полагаем возможным признать наличие правовой традиции в данных странах по линии духовных ценностей, а точнее – ценностей, так или иначе связанных, основанных на базе, обусловленных Православием как религиозной традицией.

На данную особенность было обращено внимание научного сообщества Республики Беларусь. В частности, в «Рекомендациях по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь», одобренных Решением ученого совета государственного научного учреждения «Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь» №5 от 23 апреля 2013 года[7], отмечается, что «Развитие национального законодательства необходимо осуществлять на основе ценностно-мировоззренческого, историко-цивилизационного и инструментального подходов, которые могут использоваться как отдельно, так и в комплексе. Любое законодательство отражает определенные модели поведения, сложившиеся между отдельными субъектами. При этом государство закрепляет в законодательстве морально-нравственные нормы»[8]. Кроме того, в статье 16 Конституции Республики Беларусь признается и принимается факт влияния религиозных организаций на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа.

Значимость ценностно-мировоззренческих, морально-нравственных факторов развития права для восточнославянского региона очевидна, однако юридическая доктрина в процессе учета и внедрения в жизнь данных факторов испытывает определенные сложности. Прежде всего, необходимо констатировать, что в современной русскоязычной юриспруденции отсутствует концептуальный аппарат, юридический свод специальных категорий, понятий и терминов, а также юридических средств, которые бы давали возможность учитывать морально-нравственные, ценностные факторы в процессе правового регулирования. И это вполне понятно, поскольку современная правовая доктрина основана на принципе светскости, который и явился основанием новоевропейской правовой методологии. Вместе с тем учет ценностно-мировоззренческих, морально-нравственных факторов развития права, формируемых в том числе под влиянием религиозной традиции, еще не означает противоре-

5 Честнов И.Л. Правовая традиция в контексте постклассической методологии / И.Л. Честнов // Правовые традиции. Жидковские чтения = Legal Traditi n. Zhidkov's readings : материалы Международной научной конференции. Москва, 29–30 марта 2013 г. / под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. – Москва : РУДН, 2014. – С. 43.

6 Малахов В.П. Правовые традиции в нетрадиционном обществе: проблема совместимости / В.П. Малахов // Правовые традиции. Жидковские чтения = Legal Traditi n. Zhidkov's readings : материалы Международной научной конференции. Москва, 29–30 марта 2013 г. / под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. – Москва : РУДН, 2014. – С. 36.

7 Рекомендации по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь // Национальный правовой интернет портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http:/ pravo.by/pravovaya-informatsiya/normotvorcheskaya-deyatelnost/poleznaya-informatsiya/rekomendatsii-po-teoretik -metodologicheskim-osnovam-sovershenstvovaniya-pravovoy-sistemy-respubliki. – Дата доступа : 29.11.2017.

8 П. 15-16 Рекомендаций по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь // Национальный правовой интернет портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://pravo.by pravovaya-informatsiya/normotvorcheskaya-deyatelnost/poleznaya-informatsiya/rekomendatsii-po-teoretik -metodologicheskim-osnovam-sovershenstvovaniya-pravovoy-sistemy-respubliki. – Дата доступа : 29.11.2017.

чия принципу светскости. Напротив, мы видим, что повсеместная легализация соматических прав человека на Западе, которая для нашей правовой традиции является явной девиацией, стала возможной именно ввиду отсутствия учета таких религиозно фундируемых антрополого-правовых ценностей, выраженных через понятия человека и его природы, личности, ребенка, семьи, материнства, отцовства, детства.

Каким образом сегодня возможно осуществить формирование концептуального языка правовой доктрины, учитывающего ценностно-мировоззренческие, морально-нравственные факторы развития права? На наш взгляд, работа в данном направлении должна осуществляться по двум исследовательским линиям: *во-первых*, по линии историко-правовых генеалогических исследований, которые были бы посвящены вскрытию особенностей правового регулирования в христианизированных правовых системах прошлого (например, Византии), например, в части изучения опыта применения отдельных правовых институтов. *Во-вторых*, по линии концепт уального, философско-правового, антрополого-правового исследования, что даст возможность по -иному взглянуть на традиционные проблемы и институты общеправовой теории, рассмотреть их не с формально-догматической, а с ценностной позиции. При этом отметим, что прямая интервенция религиозного дискурса в право недопустима и непродуктивна, поскольку в таком случае происходит смешение принципов познания двух различных областей знания (религии и юриспруденции, веры и права). Нередко такие исследования лишь подрывают доверие к возможностям конструктивного использования религиозной традиции для решения проблем правового регулирования.

3.

Одним из направлений исследования, которое проводится нами на протяжении последних десяти лет, является постклассическая антропология права, которая как раз и ставит своей целью пересмотреть традиционное понятие субъекта права путем пересмотра концептуализации человека в правовой реальности. Для этого нами используются несколько методологических подходов: а) восточно-христианское учение о личности, б) синергийная антропология, в) формально-догматическое учение о субъекте права[9]. Инициирование данного направления исследования, как и в целом всего направления антрополого-правовой научной программы, было связано с осмыслением кризиса современного учения о правах человека, в целом с ситуацией кризиса ценностей на Западе (кризис идентичности, кризис учения о толерантности, равенстве и др.)[10].

В наименовании настоящей статьи мы ведем речь об идентичности правовых систем. Что понимать под этим термином? Под *идентичностью правовой системы* мы понимаем сугубо антропологическое понятие, которое характеризует не совокупность источников права, систему права в целом, а совокупность практик правового существования, которые являются традиционно значимыми и ценными для сообщества, составляющего пространство того или иного государства, а также способствуют его сохранению и воспроизводству. Отсюда становится понятным, что ядром идентичности правовой системы как обобщающего понятия является *личностная правовая идентичность* как практ ика правового сущест вования лица, в кот орой пост оянно воспроизводится и реализуется устойчивая совокупность личностных юридически значимых ценностей, наиболее часто в конкретном факте правовой жизни,.

Таким образом, наиболее эффективное влияние православной традиции на правовое регулирование осуществляется именно через антрополого-правовые механизмы, т.е. в практике повседневного правового существования.

Кратко рассмотрим, что же нового по сравнению с традиционной концепцией личности в праве может предложить такой подход.

Во-первых, отметим, что восточно-христианская антропологическая модель основывается на различении личности и сущности человека[11]. В рамках антропологии права это позволяет решить следующие методологические задачи:

9 Павлов В.И. К вопросу об антропологическом типе правопонимания / В.И. Павлов // Правоведение. – 2015. – №4. – С. 71–97; Павлов В.И. Антропологическая концепция права / В.И. Павлов // Постклассическая онтология права: монография / под общ. ред. И.Л. Честнова. – СПб. : Алетейя, 2016. – С. 325–376; Павлов, В.И. Проблемы теории государства и права : учебное пособие / В.И. Павлов ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2017. – 262, [2] с.

10 Кризис права: история и современность: монография / под общ. ред. В.В. Денисенко, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. – СПб. : Алетейя, 2018. – 514 с.

11 См.: Павлов, В.И. Проблемы теории государства и права : учебное пособие / В.И. Павлов ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2017. – С. 123–137.

преодолеть новоевропейское положение о признании неограниченности человеческой природы и ее притязаний на абсолютный произвол, т.е. отказаться от признания природных свойств человека как высших личностных свойств и как главной правовой ценности;

указать на главную правовую ценность, которой выступает не сама по себе «разумность человеческой природы», а личностный способ правового существования человека в смысле совершенной личности. Именно такой способ правового существования и должен выступать критерием и ориентиром правового регулирования общественных отношений;

дать возможность определить эмпирическую личность, человека как такового в качестве конституционно-правовой ценности, не рассматриваемой, однако, в качестве главной правовой ценности и идеально заданного критерия правового регулирования, но при этом обеспечиваемого правопорядком в качестве одной из основополагающих правовых ценностей.

Справедливости ради следует сказать, что предлагаемая нами концепция личности для построения правового дискурса в отношении классического новоевропейского понимания личностности не является единственно высказанной альтернативой классическому дискурсу правовой личности. Отличную от классической трактовку личности давали уже правоведы русского зарубежья XX века, в частности, представители петербургской школы философии права, разработки которых справедливо можно отнести к зарождающимся постклассическим правовым концепциям.

Так, можно привести пример концепции Г.Д. Гурвича, который в качестве источника правового – «первичного источника права» – рассматривал специальное образование – «нормативные факты» (не путать с традиционным понятием юридических фактов), среди которых наряду с «нормативными фактами союза» выделял «нормативные факты отношения к Другому»[12]. Нормативные факты отношения к Другому – это, по сути, юридический опыт, или, переживание человека в праве в юридически значимой ситуации в его отношении к другому субъекту права, можно сказать – в правоотношении. Такие нормативные факты, по Г.Д. Гурвичу, являются факторами и источником правогенеза (порождают «индивидуальное право») и содержат в себе юридический опыт правового существования человека в праве (Н.С. Тимашев называет этот опыт правовым переживанием[13]), вырабатывающий персональные ценности, а также порождающий интуитивное позитивное право. Кроме того, в отношении к Другому в правовой действительности выявляются и нравственные ценности личности[14].

Таким образом, Г.Д. Гурвич помещал в право личностные содержания субъектов права, в том числе и персональные, личностные ценности, в том числе и юридический опыт правового существования человека в праве, что буквально можно трактовать как присутствие личности в праве в правопонимании ученого.

Во-вторых, следует указать характерные особенности представленного понимания личности в праве, которые отличают это понимание от новоевропейского. В новой теоретической модели личности на основании ее сопоставления с классической концепцией личности в праве можно указать на ее характерные признаки:

1) личность не тождественна сущности, или, природе человека: личность представляет собой способ существования человеческой природы;

2) личность, следовательно, не может быть задана нормативно в силу ее неэссенциальной, энергийной формы бытия;

3) личность в силу ее денормативности, следовательно, не может быть задана как формализованный точный критерий истины-достоверности бытия;

4) личность в силу особой формы ее бытия не может корениться в социальности, скорее социальность является принадлежностью личности (социальность складывается из нее (но не только);

12 Антонов М.В. Мир права Г.Д. Гурвича // Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избр. соч. / Пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. ун-та, Изд-во юр. фак-та С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – С. 35.

13 Тимашев Н.С. Сущность права: по поводу новой книги профессора Г.Д. Гурвича // Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избр. соч. / Пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. Ун-та, 2004. – С. 811.

14 Гурвич Г.Д. Идея социального права // Он же. Философия и социология права: Избр. соч. / Пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. Ун-та, 2004. – С. 171.

5) человек по отношению к личностной форме бытия в ее идеальном значении, следовательно, изначально неполон, неличностен, хотя всякий человек потенциально является носителем личностных свойств;

6) ситуация личностной неполноты человека является не данностью, а экзистенциальным заданием по обретению личностной формы бытия;

7) обретение личного бытия, преодоление изначальной неполноты достигается энергийным со-бытием с Другим, которое обладает полнотой бытия.

Основываясь на таком общеантропологическом понятии личности человека, следует сформулировать и антрополого-правовое понятие *личности в праве* – это *несводимая к природе, свободная, сознательная, открытая, творческая, уникальная, целостная в смысле как неделимости, так и нерушимой идентичности, онтологическая основа человека, определяющая такой способ бытия его индивидуализированной природы, при котором правовое существование человека направляется к справедливости как высшему правовому благу.*

Подводя итог, следует отметить, что идентичность восточнославянских правовых систем в первую очередь связана именно с практиками правового существования, а не с какими-либо внешними, институциональными механизмами (например, определенными правовыми институтами, структурой государственного аппарата и т.п.). Вопросы же о том, каким образом в рамках правовой системы воспроизводить желаемые практики, отражающие социокультурные ценности того или иного сообщества, имеет ли возможность Церковь участвовать в этом процессе и при каких условиях это возможно, каковы пределы государства в конструировании этих желаемых практик и нужно ли ему взаимодействовать в этом плане с Церковью – являются актуальными и требуют дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993.
- Победоносцев К.П. Московский сборник // Победоносцев К.П. Сочинения / Вступ. ст. и примеч. А.И. Пешкова. – СПб. : 1996.
- Аквинский, Ф.. Сумма против язычников. Книга первая. Перевод и примечания Т.Ю. Бородай. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004.
- Палама, Григорий, свт. Триады в защиту священно-безмолвствующих / Перевод, послесловие и комментарии В. Вениаминова. – М. : Канон+, 2005.
- Честнов И.Л. Правовая традиция в контексте постклассической методологии / И.Л. Честнов // Правовые традиции. Жидковские чтения = Legal Tradition Zhidkov's readings : материалы Международной научной конференции. Москва, 29–30 марта 2013 г. / под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. – Москва : РУДН, 2014.
- Малахов В.П. Правовые традиции в нетрадиционном обществе: проблема совместимости / В.П. Малахов // Правовые традиции. Жидковские чтения = Legal Traditi n. Zhidkov's readings : материалы Международной научной конференции. Москва, 29–30 марта 2013 г. / под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. – Москва : РУДН, 2014.
- Рекомендации по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь // Национальный правовой интернет портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http: / pravo.by/pravovaya-informatsiya/normotvorcheskaya-deyatelnost/poleznaya-informatsiya/rekomendatsii-po-teoreti o-metodologicheskim-osnovam-sovershenstvovaniya-pravovoy-sistemy-respubliki. – Дата доступа : 29.11.2017.
- П. 15-16 Рекомендаций по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь // Национальный правовой интернет портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http:/ pravo.by/pravovaya-informatsiya/normotvorcheskaya-deyatelnost/poleznaya-informatsiya/rekomendatsii-po-teoreti o-metodologicheskim-osnovam-sovershenstvovaniya-pravovoy-sistemy-respubliki. – Дата доступа : 29.11.2017.
- Павлов В.И. К вопросу об антропологическом типе правопонимания / В.И. Пав-

лов // Правоведение. – 2015. – №4.

- Павлов В.И. Антропологическая концепция права / В.И. Павлов // Постклассическая онтология права: монография / под общ. ред. И.Л. Честнова. – СПб. : Алетейя, 2016.
- Павлов, В.И. Проблемы теории государства и права : учебное пособие / В.И. Павлов ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2017.
- Кризис права: история и современность: монография / под общ. ред. В.В. Денисенко, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. – СПб. : Алетейя, 2018.
- Антонов М.В. Мир права Г.Д. Гурвича // Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избр. соч. / Пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. ун-та, Изд-во юр. фак-та С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – С. 35.
- Тимашев Н.С. Сущность права: по поводу новой книги профессора Г.Д. Гурвича // Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избр. соч. / Пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. Ун-та, 2004. – С. 811.
- Гурвич Г.Д. Идея социального права // Он же. Философия и социология права: Избр. соч. / Пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. Ун-та, 2004. – С. 171.

REFERENCES

- Berk Je. Razmyshlenija o revoljucii vo Francii i zasedanijah nekotoryh obshhestv v Londone, otnosjashhihsja k jetomu sobytiju. 1993.
- Pobedonoscev K.P. Moskovskij sbornik // Pobedonoscev K.P. Sochinenija / Vstup. st. i primech. A.I. Peshkova. – SPb. : 1996.
- Akvinskij, F.. Summa proti jazychnikov. Kniga pervaja. Perevod i primechanija T.Ju. Borodaj. – M.: Insti ut filoso i, teologii i istorii sv. Fomy, 2004.
- Palama, Grigorij, svt. Triady v zashhitu svjashhenno-bezmolvstvujushhih / Perevod, posleslovie i kommentarii V. Veniaminova. – M. : Kanon+, 2005.
- Chestnov I.L. Pravovaja tradicija v kontekste postklassicheskoj metodologii / I.L. Chestnov // Pravovye tradicii. Zhidkovskie chtenija = Legal Traditi n. Zhidkov's readings : materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 29–30 marta 2013 g. / pod red. G.I. Muromceva, M.V. Nemyti oj. – Moskva : RUDN, 2014.
- Malahov V.P. Pravovye tradicii v netradicionnom obshhestve: problema sovmesti mosti / V.P. Malahov // Pravovye tradicii. Zhidkovskie chtenija = Legal Traditi n. Zhidkov's readings : materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 29–30 marta 2013 g. / pod red. G.I. Muromceva, M.V. Nemytino . – Moskva : RUDN, 2014.
- Rekomendacii po teoreti o-metodologicheskim osnovam sovershenstvovanija pravovoj sistemy Respubliki Belarus' // Nacional'nyj pravovoj internet portal Respubliki Belarus' [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : h p://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normotvorcheskaya-deyatelnost/poleznaya-informatsiya/rekomendatsii-po-teoreti o-metodologicheskim-osnovam-sovershenstvovaniya-pravovoy-sistemy-respubliki. – Data dostupa : 29.11.2017.
- 15-16 Rekomendacij po teoreti o-metodologicheskim osnovam sovershenstvovanija pravovoj sistemy Respubliki Belarus' // Nacional'nyj pravovoj internet portal Respubliki Belarus' [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : h p://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normotvorcheskaya-deyatelnost/poleznaya-informatsiya/rekomendatsii-po-teoreti o-metodologicheskim-osnovam-sovershenstvovaniya-pravovoy-sistemy-respubliki. – Data dostupa : 29.11.2017.
- Pavlov V.I. K voprosu ob antropologicheskom tipe pravoponimanija / V.I. Pavlov // Pravovedenie. – 2015. – №4.
- Pavlov V.I. Antropologicheskaja koncepcija prava / V.I. Pavlov // Postklassicheskaja ontologija prava: monografija / pod obshh. red. I.L. Chestnova. – SPb. : Aletejja, 2016.
- Pavlov, V.I. Problemy teorii gosudarstva i prava : uchebnoe posobie / V.I. Pavlov ; uchrezhdenie obrazovanija «Akad. M-va vnutr. del Resp. Belarus'». – Minsk : Akademija MVD, 2017.

- Krizis prava: istorija i sovremennost': monografija / pod obshh. red. V.V. Denisenko, M.A. Beljaeva, E.N. Tonkova. – SPb. : Aletejja, 2018.
- Antonov M.V. Mir prava G.D. Gurvicha // Gurvich G.D. Filosofija i sociologija prava: Izbr. soch. / Per. M.V. Antonova, L.V. Voroninoj. SPb.: Izd. dom S.-Peterb. un-ta, Izd-vo jur. fak-ta S.-Peterb. gos. un-ta, 2004. – S. 35.
- Timashev N.S. Sushhnost' prava: po povodu novoj knigi professora G.D. Gurvicha // Gurvich G.D. Filosofija i sociologija prava: Izbr. soch. / Per. M.V. Antonova, L.V. Voroninoj. SPb.: Izd. dom S.-Peterb. Un-ta, 2004. – S. 811.
- Gurvich G.D. Ideja social'nogo prava // On zhe. Filosofija i sociologija prava: Izbr. soch. / Per. M.V. Antonova, L.V. Voroninoj. : Izd. dom S.-Peterb. Un-ta, 2004. – S. 171.

РЕВИНДИКАЦИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ ВО II РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

RECOVERY OF ORTHODOX CHURCHES IN THE SECOND POLISH REPUBLIC

УДК
UDC – 94 (476)

Антон Васильевич Миронович,
доктор исторических наук, профессор исторического факультета Белостокского университета(Белосток, Польша).

Anton Mironovich,
Ph.D., Professor, Belostok University, (Belostok, Poland)

РЕЗЮМЕ. В статье описывается положение Православной Церкви в межвоенный период во Второй Речи Посполитой. В условиях государственной политики полонизации белорусского и украинского населения восточных воеводств Православная церковь подвергалась притеснениям с изъятием собственности в пользу католиков и униатов, разрушением церквей и ревиндикацией церковных земель.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Ревиндикация, Польская Православная Церковь, Русская Православная Церковь, Греко-католическая Церковь, Римско-католическая Церковь, Вторая Речь Посполитая, Польша.

ABSTRACT. The article describes the position of the Orthodox Church during the interwar period in the Second Polish Republic. Under the state policy of polonization of the Belarusian and Ukrainian population of the eastern lands, the Orthodox Church was subjected to harassment with the seizure of property in favor of Catholics and Greek Catholic, the destruction of churches and the revocation of church lands.
KEY WORDS. Reindeer, Polish Orthodox Church, Russian Orthodox Church, Greek Catholic Church, Roman Catholic Church, Second Polish Republic, Poland.

Вопрос о ревиндикации православных церквей носил политический и религиозный характер. Осуществляя политику русификации на польских землях, царские власти построили множество церквей как символ господства Российской Империи. Именно таким образом следует воспринимать строительство собора на Сасской площади в Варшаве. Ввиду этого не вызывает удивления, что в первые послевоенные годы в католической среде доминировали неблагоприятные настроения в отношении православия. Среди политиков, духовенства и населения появились требования ревиндикации православных церквей и постулаты уничтожения церквей-символов. Государственные власти с одной стороны были вынуждены поддаться политическому давлению верующих католической церкви, с другой стороны – взять во внимание фундаментальные правовые нормы и нужды православной церкви.

До момента урегулирования имущественных вопросов в период межвоенного двадцатилетия обязывали нижеперечисленные нормы: декрет правительства Енджея Морачевского от 16 декабря 1918 г. о принудительном администрировании церковным имуществом и закон от 17 декабря 1920 г. о принятии в собственность государства земель в некоторых повятах Польши, распоряжение Министра Сельского Хозяйства и Государственного Имущества от 16 июня 1919 г. об установлении государственного управления над церковными имуществами и хозяйством, находящимися на территории бывшего Царства Польского, распоряжение Совета Министров от 9 августа 1921 г. о распространении декрета от 16 декабря 1918 г. на территории Новогрудского, Полесского и Волынского Воеводств и Белостоцкого, Гродненского и Волковысского Повятов Белостоцкого Воеводства, распоряжение от 24 августа 1922 г. распространяющее этот декрет на Виленскую землю и закон от 19 февраля 1925 г. расширяющая силу закона от 17 декабря 1920 г. на новые повяты. Все вышеперечисленные правовые акты преследовали целью ограничение и уменьшение имуществ православной Церкви. Церковная земля была основой содержания духовенства. Конфискация церковных земель на цели сельскохозяйственной реформы и нужд военных поселенцев (осадников) отражалась на материальном обеспечении духовенства. Оставление для духовенства 36 гектаров земли было недостаточно для содержания настоятеля и его семьи. Надо отметить, что вышеперечисленные правовые акты, сокращающие содержание православного духовенства, не были реализуемы на всей территории восточных областей Второй Речи Посполитой.

Православная Церковь приняла точку зрения согласно которой она является правообладателем того имущества, с которым вошла в границы Второй Речи Посполитой. Эту точку зрения отвергала Римско-католическая Церковь, которая стремилась вернуть конфискованное во времена российского господства униатское имуще-

ство, часть которого была передана Православной Церкви. Правительство со своей стороны стремилось принять недвижимое имущество в государственную собственность. Земли планировалось распределить для содержания католического и православного духовенства, а также предназначить на цели военных поселенцев и сельскохозяйственной реформы. В 1919 г. Министерство Вероисповеданий и Просвещения выдало распоряжение, согласно которому церкви не переданные для проведения богослужений должны быть закрыты, а ключи переданы в полицейские участки. Таким образом значительная часть православных церквей была закрыта.

Эта политика совпала с выселением духовенства из тех мест, где церкви были закрыты, так как их присутствие активизировало старания православного населения по созданию прихода. Население требовало открытия прихода, либо, как минимум, открытие церкви в период великих праздников. Министерство Вероисповеданий и Просвещения в 1919 г. после проверки вероисповедальной структуры населения позволило открыть в Холмщине и на Подласье 29 приходов, принимая за норму для каждого прихода 5 000 верующих. Руководствуясь таким принципом в 1921 г. было открыто множество приходов в Белостоцком, Новогрудском, Виленском и Волынском Воеводствах. Министерство предвидело там функционирование 1 193 прихода, в то время как до 1918 г. приходов на этой территории было 1 475. При выражении согласия на открытие прихода бралось во внимание несколько критериев: число верующих, расстояние до ближайшей церкви, вероисповедальное происхождение приходского храма и земли, на которой он стоял, а также интересы католического населения. Насколько в двадцатых годах разрешалось открытие и закрытой церкви в период великих праздников, настолько позднее эту практику прекратили. Люблинский воевода объяснял своё несогласие с этой практикой тем, что временное открытие церкви «вызывает побуждение населения и нежелательные рефлексии». Большинство церквей на этнически польских землях было в первые годы Второй Речи Посполитой закрыто, а затем передано в собственность Католической Церкви, либо разобрано.

Оценка ревиндикацийных актов появилась в мемориале правительства Белорусской Народной Республики к патриарху Тихону в 1921 г. По мнению белорусских властей, ревиндикация православных церквей была связана с политикой полонизации белорусского населения. «Забираются православные храмы, даже те, которые никогда не были униатские или католические. Духовенству не позволяют совершать свои пастырские обязанности. Польские власти заставляют духовенству жить вместе с крестьянами, а их дома конфискуются властью и передаются для польских школ, помещения для жандармерии и т.п. Закрыты белорусские школы, а в каждом, практически, селе открываются польские школы с учителями националистами, прибывшими из Галиции. В документах административные власти вписывают белорусов как поляков и исходят из того, что все граждане Польши должны быть поляками».

Дальнейшее ослабление имущественного состояния Православной Церкви было следствием инструкции для повятовых надзирательных комитетов выданной 16 апреля 1921 г. Министерством Сельского Хозяйства относительно земель, которые должны были быть оставлены в имуществе каждого прихода или монастыря. Акция порциллирования была проведена без согласования с церковными властями, оставляя только по 36 гектаров в качестве натуроплаты. Более всего проблем вызвала попытка принять на цели сельскохозяйственной реформы земли Почаевской Лавры. Правительство хотело принять на цели сельскохозяйственной реформы 1 489 гектаров вместе с лесом Лавры, оставляя ей только 36 гектаров земли. Только обращение архиепископа Георгия к министру Антонию Пониковскому привело к отзыву решения о парцеллировании, а другие недоразумения и трудности в реализации реформы сельского хозяйства привели к принятию сеймом 24 марта 1923 г. резолюции призывающей к согласованию исполнительных действий и предписаний, касающихся реализации сельскохозяйственной реформы. 25 апреля 1923 г. межминистерская комиссия по вопросам военных поселений своим распоряжением задержала передачу церковных земель, проводимую согласно предписаниям от 17 декабря 1920 г.

В свою очередь положение о проведении сельскохозяйственной реформы от 28 декабря 1925 г. сохранила законность 1 параграфа положения от 17 декабря 1920 г. Таким образом возникла законная основа для принятия церковной земли государством. На практике государство воздерживалось от всяких действий в этом направлении по причине проводимых переговоров с церковными властями по вопросу урегулирования правового статуса Православной Церкви в Польше. После 1919 г. правительство приняло в своё администрирование всё церковное имущество, которое было затем распределено преимущественно между военными поселенцами.

Католическое население, подстрекаемое приходским духовенством, силой выгоняло парцеллянтов в районе Окружного Земского Управления в Щедльцах. Эта противоправная акция привела к принятию Католической Церковью около 5 000 гектаров земли, в результате чего только в Люблинском Воеводстве более десяти православных приходов осталось без земли. Обеспокоенное волной парламентских выступлений и протестов правительство решилось на приостановлении парцеллирования. Распоряжением Главного Земского Управления от 25 июня 1922 г. до момента окончательного урегулирования правового статуса собственности «поповок» постановлено завершить начатые работы по измерению земли, но участков не распределять, а там, где работы не начаты – приостановить всяческие действия.

Ревиндикация православных храмов и церковных земель была частью государственной политики, у основ которой стояла концепция строительства государственного и национального единства на базе римско-католического вероисповедания. Результатом этой политики было спланированное уменьшение числа православных приходов и монастырей, принятие в собственность государства, либо передача Католической Церкви церковного имущества, закрытие храмов и прозилитические действия в отношении православных по привлечению их в католицизм[1].

Первый раз акция ревиндикации в отношении Православной Церкви была проведена в 1918-1924 гг. Люблинский воевода Станислав Москалевский объяснял те шаги правительства необходимостью польских интересов. «Исходным пунктом польских интересов при регулировании православного вероисповедания в бывших Холмщине и Подлясье должно быть, кроме приверженности принципам справедливости, одновременное стремление ликвидации видимых результатов искусственно и с применением варварских методов, используемых от 1864 г., политики, которая предвоенное положение основывалось на нескольких десятилетиях дискриминации Католической Церкви в бывшей Холмщине и Подлясье, политики, которая выражалась в конфискацией ряда униатских храмов в пользу православия, либо строительстве православных храмов на месте храмов униатских. Настоящее регулирование должно быть только дополнением и приспособлением к реальному раскладу сил и необходимостями акта религиозной толерантности и последствий войны». Политика воеводы встретилась с акцептацией римско-католической иерархии, но не всегда иерархии униатской.

О масштабе этого явления свидетельствовала ситуация в люблинском воеводстве. До I мировой войны там было около 400 церквей, из которых до 1922 г. 154 освящены как костёлы, 7 были конфискованы и предназначены для культурных целей, 35 было разрушено во время войны, 164 оставалось закрытыми, и лишь 40 было действующих как приходские или филиальные храмы. Только в первые годы восстановленной польской государственности у православных было забрано около 400 храмов. Часть храмов передано униатом, остальные оказались в собственности Католической Церкви. Польские власти также распорядились относительно ликвидации православных храмов в главных городах Польши. Так были разрушены церкви, например, в Августове (1926 г.), Александрове Куявским, Янове Любельским (1922 г.), Ендреове (1921 г.), Граеве, Калише (1920 г.), Колне, Коженицах, Любартове, Люблине (1924 г.), Ласку, Ломжи, Млаве, Модлине, Опочне (1924 г.), Осовцу, Острови Мазовецкой, Пинчове, Плонску (1918 г.), Праснышу (1918 г.), Пултуску, Рачках, Радомске, Радуче, Раве Мазовецкой, Ружане, Рыпине, Серадзе, Серпце, Скерневицах, Слупцах, Сосновце, Станиславове, Сташове, Сувалках, Томашове Мазовецким (1925 г.), шесть храмов в Варшаве, в том числе собор св. Александра Невского на Сасской площади (1920-1926 гг.), Влоцлавке и многих других городах[2]. Большинство церквей в центральных воеводствах было передано Католической Церкви. Эти церкви преимущественно были заменены на католические гарнизонные костёлы[3]. Это имело место в Белостоке, где у православных конфисковали гарнизонные церкви Казанскую и св. Серафима Саровского и заменили их на гарнизонные костёлы[4]. По решению воеводских властей только на Белосточине были ликвидированы православные приходы в Ходышеве, Колне, Липске, Лапах, Ломже, Остролейце, Покровске, Ружаномстоке, Ри-

1 Waszkiewicz Z., Neounia – nieudany eksperyment?, [в:] Czterechsetlecie zawarcia unii brzeskiej 1596–1996, ред. Alexandrowicz St. и Kempa T., Toruń 1998, c.128–129; Rzemieniuk F., Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego. Neounia, Lublin 1999, c.57; Mironowicz A., Neounia w II Rzeczypospolitej, [в:] Kościół Greckokatolicki na Warmii i Mazurach, ред. Melnyk M., Olsztyn 2006, c.11–16; Свитич А., Православная Церковь в Польше и её автокефалия, Буэнос-Айрес 1959, c.194; Mironowicz A., Неоуния во Второй Речи посполитой, „Seminarium Hortus Humanitatis" 2008, т.XV, , c.64–66.

2 K. Sokol, Russkaia Varshava,(Moscow, 2002), c. 26-72; K. Sokoł, A. Sosna, Kopuły nad Wisłą. Prawosławne cerkwie w centralnej Polsce w latach 1815-1915 (Moscow, 2003)., c. 28-98.

галовце, Сейнах, Шудзялове и в Высоким Мазовецким. Самой болезненной утратой для всей Православной Церкви была конфискация Благовещенского монастыря в Супрасле. Некоторые закрытые церкви предназначались для целей далёких от религиозного культа. В Остролейце в храме открыли склад металлолома, в Скерневицах – склад зерна, а в Сташове – кинотеатр. В большинстве церквей не была вынесена утварь, оставались алтари и иконы. Этот факт является дополнительным свидетельством профанации Церкви и оскорбления религиозных чувств местного православного населения. На территории с большинством населения православного вероисповедания было ограниченно число приходов. Были конфискованы православные церкви в Лиде, Шнипишках под Вильнюсом, Кривичах, Новом Дворе, Святкове, Волковыссе, Ялове, Самогроде и во многих других местах[5].

На решения властей влияли не столько реваншистские тенденции в польском обществе, сколько положения продуманной политики в отношении восточных земель Второй Речи Посполитой. Эта политика стремилась к тому, чтобы интегрировать непольское население с остальной частью государства через национальную, культурную и религиозную ассимиляцию. Первоначально православное население не сопротивлялось активно при конфискации их храмов, которые были когда-то униатскими или католическими. Эти храмы были пустыми, не хватало духовенства и организованной церковной структуры. Только в тот момент, когда ревиндикацийная акция перенеслась на территории, населённые преимущественно православным населением и затронула храмы, которые были построены как православные, усилились протесты в отношении политики государства. Всё чаще в глазах православных решения государственной администрации относительно Церкви выглядели как притесняющие православное население и несправедливые с правовой точки зрения. Особенно протесты вызвали ревиндикацийные действия люблинского епископа Мариана Л. Фульмана и подлясского Генриха Преждецкого. В условиях усиливающихся конфликтов вокруг ревиндикации православных церквей 8 февраля 1924 г. Сейм принял резолюцию, в которой призвал правительство, чтобы «в течении двух месяцев представило законопроект об урегулировании права собственности спорных между католическим и православным населением костёлов и церквей». Последовавшие конфликты на Люблинщине, в том числе вокруг церквей в Спасе, Холме, Убродовицах и в Стужицах, а также протесты международной общественности привели к принятию решения Политического Комитета Совета Министров от 24 мая 1924 г. о приостановлении акции ревиндикации и передачи католикам тех объектов, на которые Министерство Вероисповеданий и Просвещения уже выразило согласие. Не смотря на приостановление акции ревиндикации имели место отдельные случаи передачи католикам православных храмов и монастырей. Примером может служить занятие католиками монастыря в Захорове. Этот монастырь не удалось вернуть в межвоенный период.

Акцию ревиндикации критически оценил Константин Сроковский, автор рапорта составленного по предложению премьера Владислава Сикорского. «На какие-нибудь 500 совершившихся ревиндикаций или просто ликвидаций православных церквей, около 400 имело место в этот период помрачения в первый год свободы и государственного строительства. Остальные 100 ревиндикаций, однако, совершено уже в последующие годы, либо они всё ещё продолжают совершаться. (...) В меру того, как ревиндикации перемещаются всё более на восток от Буга, как входят в границы исторического и несомненно православного большинства, их исторически-правовая оправданность становится всё более хрупкая и сомнительная». Советник министра протестовал против уменьшения численности православных приходов. Численность около 2 000 приходов местные власти хотели значительно уменьшить, исходя из тезиса, что каждый приход должен иметь как минимум 4 000 верующих. Уменьшение численности приходов привело бы к тому, что значительное число верующих было бы лишено возможности удовлетворения своих духовных потребностей.

Вопрос ревиндикации поднимался на заседании Президиума Совета Министров в январе 1925 г. Тогда было принято решение, что следует сохранить имуще-

3 A. Mironowicz, „Świątynie prawosławne na terenie miasta Białegostoku,” Białostocki Przegląd Kresowy, 6 (Białystok , 1998), c. 103-110.

4 A. Mironowicz, „Rewindykacja prawosławnych obiektów sakralnych w II Rzeczypospolitej,” Białoruskie Zeszyty Historyczne, 21, (Białystok, 2004), c. 86-87.

5 A. Svitich, Pravoslavnaia Tserkov v Polshe i ieia avtokefalia (Buenos Aires, 1959), c. 92-96; M. Lenczewski, „Z historii świątyń prawosławnych w Warszawie,” Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego”, 1976, no. 3-4, c. 102-106; A. Mironowicz, Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku (Białystok, 2005), c. 127-129.

ства обоих Церквей. Поступающие претензии относительно имущества Церквей должны были быть рассматриваемы только в исключительных случаях. Церковные (православные и католические) здания закрытые и недействующие после рассмотрения религиозных нужд обоих вероисповеданий должны были перейти в распоряжение правительства. Принято, также, решение, что при регулировании имущественных вопросов будет принята во внимание необходимость в храме для совершения богослужений, которая будет устанавливаема согласно численности данного вероисповедания, расстояния до ближайшего храма и т.д. Не смотря на протесты подлясского епископа Генриха Преждецкого, решения правительства были соблюдаемы Министерством Вероисповеданий и Просвещения.

Первая волна ревиндикации лежала в интересах Католической Церкви, но противоречила интересам государства, так как вызвала многочисленные волнения в обществе. Административно-полицейский метод ревиндикации противоречил принципам демократического государства и принуждал к правовому урегулированию проблемы. В результате стихийной акции ревиндикации сформировалось новое положение имущественных отношений обоих Церквей, что не успокоило общественные конфликты, но напротив, их усилило. Согласно анализам Министерства Вероисповеданий и Просвещения, в 1914 г. Православная Церковь насчитывала 640 бывших униатских (поуниатских) и 240 бывших католических храмов (полатинских). Однако не все указанные объекты были в действительности собственностью католиков. Некоторые из них были изначально построены как православные храмы, иные были выкуплены у Католической Церкви. В 1918-1924 гг. Католическая Церковь приняла 315 объектов, в том числе 175 поуниатских и 140 полатинских. В собственности православных по-прежнему оставалось 350 объектов поуниатских и 80 полатинских. Остальные храмы были недействующими, разрушены, разобраны или предназначены на иные цели. К числу утраченных Православной Церковью храмов следует добавить те объекты, которые были ликвидированы в главных городах Польши как символы российского господства. Также в отношении многих существующих церквей, построенных как православные, были представляемы претензии, что на практике затрудняло их нормальное функционирование.

Второй период ревиндикации начался в 1929 г. Формальным поводом для начала ревиндикационных процессов польским римско-католическим епископатом было постановление Верховного Суда в Варшаве по вопросу прекращения представления претензий по возвращению утраченного во время раздела Польши имущества. Латинские епископы (виленский – Ромуальд Ялбжиковски, луцкий – Адольф Шелажек и пинский – Зигмунд Лозински) внесли в суд 614 исков против институтов представляющих Православную Церковь; преимущественно православным консисториям в Кременьце, Пинске, Вильне и Гродне. Одновременно представлено 32 иска против Государства и 109 исков против институтов и частных лиц. Латинские епископы требовали возвращения храмов, приходских зданий и земельных имуществ, которые были собственностью католиков обоих обрядов. Множество исков касалось церквей в тех местностях, в которых не было католиков. Иски касались также возвращения православных монастырей в Почаеве, Вильне, Жировицах, Дермане, Зимном, Корце, Кременьце и Мельце, а также кафедральных соборов в Луцке, Кременьце и Пинске. Претензии католической стороны охватили практически одну треть всего церковного имущества[6].

Наибольшее количество исков в отношении православных церквей внёс епископ подлясский Генрих Преждецки, который потребовал передачи ему 248 храмов. Латинское духовенство требовало более 100 церквей, которые были построены после 1839 г. и никогда не находились в юрисдикции католических епископов. Чтобы вполне представить себе весь драматизм ситуации, в которой оказалась Православная Церковь следует ещё вспомнить проблему недействующих церквей, которых, согласно данным Министерства Вероисповеданий и Просвещения от 1928 г. было 171. Наибольшее количество закрытых православных храмов находилось в люблинском и белостоцком воеводствах. Большая часть закрытых храмов требовала немедленного ремонта. Воеводы предлагали эти храмы передать Католической Церкви или же разобрать, а только 26 объектов передать Православной Церкви. Только в белостоцком воеводстве из 17 недействующих храмов власти решили 8 передать Католиче-

6 S. Kiryłowicz, Z dziejów prawosławia w II Rzeczypospolitej Polskiej. Niektóre problemy na tle polityki wyznaniowej państwa 1918-1939 (Warsaw, 1985), c. 54; A. Svitich, Pravoslavnaia Tserkov v Polshe, c. 161-162; M. Papierzyńska-Turek, Między tradycją a rzeczywistością, Państwo wobec prawosławia 1918-1939 (Warsaw, 1989), c. 344; W. Mysłek, Przedmurze. Szkice z dziejów Kościoła katolickiego w II Rzeczypospolitej, (Warsaw, 1987), c. 166.

ской Церкви, по одной – православным и старообрядцам, а остальные разобрать. Требования открытия и возвращения церквей со стороны духовенства и верующих православного вероисповедания не принесли результатов в связи с решительно негативным отношением со стороны государственной администрации. Власти не позволили завершить строительство церкви в Берестечке и восстановления собора в Холме. В обоих случаях храмы трактовались как символ украинского национализма.

Новая волна ревиндикации, которая приобрела форму массового представления исков, била в основу функционирования Православной Церкви на значительных территориях государства. Католические епископы осознавали всю опасность последствий, какую эта акция принесёт для Православной Церкви и государства. Агентство Католической Прессы писало: «Приговор суда, признающий возвращение около 500 костёлов будет страшным ударом для Православной Церкви. Быть может не один приход останется без храма, а что за тем следует – без возможности удовлетворения своих религиозных нужд, появится глубокое недовольство сотен тысяч православных граждан Польши, посыпятся многочисленные протесты, начнётся агитация в стране и за границей, которая станет диться водой для мельницы элементам вражеским по отношению к польской государственности[7].

В среде православной общественности новая акция ревиндикации вызвала чувство угрозы. Требования латинского епископата оценивались как лишённые исторических и правовых оснований и понимались как атака на православие. В ответ на иски латинского епископата защита имущественных прав в судах была доверена комиссии созванной непосредственно при митрополии. Митрополит Дионисий 26 октября 1929 г. выдал специальное послание, призывающее верующих к «защите своей Матери – Православной Церкви», а также ожидал справедливых решений «покладая надежду на проверенную справедливость законов нашей Отчизны и беспристрастность её судей». Собор епископов, созванный в 1930 г., созвал епархиальные комитеты, состоящие из духовенства и светских, которые должны были собирать материалы и доказательства необходимые для судебных процессов. Произошла консолидация верующих и духовенства вокруг иерархии. Многие православные сообщества высылали многочисленные мемориалы в защиту собственности Православной Церкви высшим государственным властям.

Решительную поддержку иерархии оказали русские организации, действующие в границах Второй Речи Посполитой. Сообщества белорусские и украинские восприняли ревиндикацийные действия как политический акт, направленный против национальных меньшинств. Протесты православной общественности дошли до Лиги Наций и правительств многих государств мира. В декабре 1929 г. жалобу в Лигу Наций написал бывший архимандрит Почаевской Лавры, Виталий, в тот момент епископ Русской Православной Церкви в эмиграции. Иерарх обращал внимание руководства Лиги Наций «на религиозные преследования, которые имеют место в Польской Республике с самого начала её существования. (...) Разрушение православных храмов – пишет епископ Виталий – ликвидация православных кладбищ, изгнание православных епископов из их епархий, **отнятие права юрисдикции над Православной Церковью у патриарха Тихона**, **смена названия Православной Церкви на «Польская Церковь»** - всё это факты, нарушающие основные **права православного русского меньшинства** в Польше, права, которые гарантированы в упомянутом выше версальском трактате от 28 июня 1919 г. Православное население имело надежду, что на этом преследования закончатся. Однако в то же время, уже после 10 лет существования новой Польши, началась генеральная атака на православие. Польские католические епископы требуют передачи им всех православных монастырей, в числе которых находится также Почаевская Лавра (...). Требуют также, чтобы им было передано около 5000 православных приходских храмов и всё имущество этих приходов». Епископ Виталий указывал также на пристрастность судов, рассматривающих вопросы церковного имущества и фаворизование претензий латинских епископов государственными властями. Подобную петицию в Лигу Наций выслали депутаты Сейма Второй Речи Посполитой из Белорусского клуба[8].

Акция ревиндикации нашла широкий отклик в польской и зарубежной прессе. В прессе появились голоса протеста против действий Римско-католической Церкви в отношении православных в Польше. Заявления виленского митрополита Ромуальда

7 M. Papierzyńska -Turek, Między tradycją a rzeczywistością, c. 344; A. Mironowicz, Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku, c. 132.

Яблжиковского, о том, что «не хочу ревиндикации для католиков ни одной православной церкви, стремлюсь единственно к тому, чтобы во имя принципа справедливости, костёлы, забранные насильно царским правительством, вернулись к легальным владельцам», никого не убеждали. Подобным образом было оценено послание к «братьям православным» выданное 6 декабря 1929 г. пинским епископом Зигмундом Лозинским. В свою очередь, греко-католический митрополит Андрей Щептицки в интервью, опубликованным 2 ноября 1930 г. на страницах периодика «День Польский» объявил, что «греко-католическое духовенство не будет принимать никакого участия в ревиндикации». Греко-католический иерарх утверждал, что действия латинских епископов являются «ликвидацией унии, с другой стороны». Одновременно позицию поддерживающую латинских епископов принял апостольский нунций Франческо Мармагги[9].

В трудной ситуации оказалось правительство Польши. С одной стороны, оно поддерживало ревиндикационные действия латинских епископов, тем самым стремясь решить проблему поуниатского имущества, с другой стороны правительство опасалось общественных волнений в восточных воеводствах государства и протестов со стороны международного сообщества. Власти понимали, что без нормализации вопросов, связанных с реализацией конкордата с Апостольской Столицей, не было возможным правовое урегулирование положения Православной Церкви. Судебные решения по вопросам отдельных храмов не смягчали конфликтов, напротив – усиливали. Усиление антигосударственных настроений привело к тому, что правительство стремилось к задержке судебных решений, чтобы Министерство Вероисповеданий и Просвещения могло полюбовно привести к разделению объектов.

Кроме акции ревиндикации Министерство Вероисповеданий и Просвещения приготовило собственный проект по ограничению недвижимости Православной Церкви. Он предполагал увеличение на 44 числа штатных приходов и ликвидацию 191 нештатных приходов. Кроме этого предполагалось закрытие 8 монастырей, конфискация 32 328 гектаров приходской земли, в том числе 250 гектаров земли, принадлежащей монастырям. Православная Церковь должна была быть полностью лишена лесов и другой необрабатываемой земли Ревиндикационные процессы продолжались в судах до конца 1933 г. Окончательно Верховный Суд 16 января 1934 г. выдал приговор относительно 69 храмов, признавая судебное разбирательство для ревиндикации за неподходящее, так как эти объекты находятся в ведении государственной администрации. Вслед за решение Верховного Суда пошли постановления судов низших инстанций, которые отвергли рассмотрение в судебном процессе ревиндикационных вопросов и запретили выполнение решения Генерального Комиссара Восточных Земель от 1919 г. по вопросу передачи бывших католических храмов, находящихся в ведении православных. В связи с такой правовой ситуацией правительство начало переговоры с Папской Комиссией[10].

Переговоры правительства с Папской Комиссией привели к подписанию 20 июня 1938 г. договора между Апостольской Столицей и Польшей относительно «поуниатской земли». Апостольская Столица отказалась от претензий на все поуниатские земли в пользу польского государства. Государство, в свою очередь, предназначило на дотации епископских менс, капитул епархиальных семинарий и настоятельских бенефиций упомянутых выше римско-католических епархий 12 000 гектаров земли. В состав этого круга вошло около 9 120 гектаров, которые на тот момент были в собственности или администрировании юридических лиц Католической Церкви в вышеупомянутых епархиях. За оставшийся ареал земель государство приняло на себя обязательство выплатить в течение двух месяцев после подписания договора 2 500 000 злотых в облигациях консолидационного займа. Имущественное положение Православной Церкви, согласно данным реестра сельского хозяйства от 1933 г., со 146 000 гектаров церковной земли перед принятием декрета от 16 декабря 1918 г. и постановления от 17 декабря 1920 г., снизилось до 85 000 гектаров. Ревиндикационные действия Католической Церкви значительно ослабили имущественное положение Православной Церкви. Более того, значительная часть церковной земли находилась под фактическим администрированием государства. Только в белостоцком, полесском и новогрудском воеводствах в 1938 г. власти администрировали около

8 Archiwum Akt Nowych, Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego, no. 1010, c. 96-99; A. Mironowicz, Rewindykacja prawosławnych obiektów sakralnych...,c. 92-93.
9 S. Kiryłowicz, Z dziejów..., c. 55; S. Piotrowski, Wojna religijna na kresach, (Warsaw, 1930), c. 5.
10 M. Papierzyńska-Turek, Między tradycją a rzeczywistością, c. 351-352; A. Mironowicz, Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku, c. 134.

884 гектаров церковной земли.

Только 20 июня 1939 г. дошло до соглашения между правительством и Ватиканом по вопросу «бывших униатских имуществ, церквей и часовен, которые были забраны Россией у Католической Церкви». Польское государство признало за Католической Церковью право собственности поуниатские храмы и часовни с приходскими домами, садами и кладбищами, которые в день подписания соглашения находились в её распоряжении или управлении. Таким образом самовольное присвоение православных объектов, произведённое Католической Церковью в первые годы независимости и занятые правовым или неправовым путём во время второй волны ревиндикации получило правовую санкцию. Католическая Церковь отказалась от претензий на те храмы, которыми пользовалась Православная Церковь. В случае других поуниатских храмов, которые были в собственности государства и не использовались Православной Церковью, правительство распорядилось проводить дальнейшие правовые и имущественные урегулирования.

В результате двух ревиндикационных акций Православная Церковь утратила значительную часть приходов. Не взирая на утрату множества храмов, в 1936 г. варшавско-холмская епархия насчитывала 155 приходов, которые были окормляемы 155 настоятелями, 21 викарным священником, 19 диаконами и 176 псаломщиками. Гродненско-новогрудская епархия насчитывала 192 прихода, окормляемых 192 настоятелями, 27 викарными священниками, 46 диаконами и 220 псаломщиками. Пинско-полесская епархия насчитывала 339 приходов, окормляемых 339 настоятелями, 20 викарными священиками, 52 диаконами и 359 псаломщиками. Виленско-лидская епархия насчитывала 177 приходов, сторлько же настоятелей, 14 викарных священников, 22 диаконов и 191 псаломщиков[11].

Ревиндикационные процессы, проведённые в первых двух этапах, не сломали церковной организационной структуры. На месте закрывающихся приходов, были создаваемы новые, либо предпринимались старания по открытию ранее закрытых. В сравнении с данными от 1922 г. численность приходов и духовенства возросла.

Третья волна ревиндикации имела место в 1937-1939 гг. И состояла преимущественно в разрушении церквей. Разрушение храмов имело место в течение всего периода существования Второй Речи Посполитой. Разрушались те храмы, которые символизировали российское господство. Всего было уничтожено 30 церквей, в том числе упомянутый уже собор на Сасской площади в Варшаве, собор св.св. Кирилла и Мефодия в Холме и собор Воскресения Христова в Белостоке. Разрушение церквей-символов имело характер стихийный, часто иррациональный. Разрушения церквей не имели, однако, массового характера. Только в 1938 г. возникла программа разрушения церквей в рамках ревиндикационно-полонизационной акции. Инициаторами действий против Православной Церкви в Речи Посполитой были правительственные факторы. Официальным поводом разрушения церквей было утверждение, что данные храмы не востребованы и были построены в рамках русификации. Однако фактической причиной было стремление властей ослабить белорусское и украинское национальное самосознание при помощи ликвидации приходов и действующих храмов. Акция подавления Церкви в люблинском воеводстве началась в 1937 г. С одной стороны, создавалось нечто наподобие «общественного движения» целью которого было «распространение польскости», с другой стороны, при посредничестве армии и полиции, предпринимались различные притеснения в отношении Церкви и православного населения в целях обращения верующих на католицизм. Официальные действия в этом направлении предпринимало Товарищество Развития Восточных Земель. Фактически значительную роль в этом процессе играли армейские элементы. Православное население, проживающее в люблинском воеводстве, оставалась нечувствительно в отношении миссионерской деятельности католиков. Привязанность к православию населения люблинского воеводства подтверждает письмо воеводы Ежи де Трамекурта в Министерство Вероисповеданий и Просвещения от 1937 г.: Католическая Церковь в люблинском воеводстве не проявляет деятельности в вероисповедально-асимиляционном направлении, почва для этого также не достаточно благоприятна, так как православные привержены своей вере, а в особенности до восточного обряда, доказательством чего является окочененение унийной акции, содержание православным населением духовенства в тех местах, где нет храмов, требования возвращения посвящённых на костёлы церквей, факт принятия переданной под-

11 Archiwum Akt Nowych, Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego, no. 1047, c. 265-299.

лясскому епископу церкви в Бубле Старом, где был униатский храм, принятие закрытой церкви в Верешине, постоянные просьбы об открытии закрытых церквей и попытки начать строительство церквей там, где они были разобраны».

Акция разрушения церквей на любельщине была предпринята с полным осознанием настроений господствующих в среде православного населения. Тот же самый люблинский воевода писал в Министерство Вероисповеданий и Просвещения, что «дальнейшая акция разрушения закрытых церквей во всех случаях с полной уверенностью будет моментом вызывающем в большей или меньшей степени активные протесты православного населения и представляет потенциальную опасность для безопасности в каждом селе». Не взирая на эти опасения в Люблине был создан Координационный Комитет, главным заданием которого было «возвращение польскости» Холмщины и Волыни, земель признанных «исконно польскими». В апреле и мае 1938 г. Были организованы собрания и вече католического населения, на которых были приняты резолюции с требованиями разрушения недействующих церквей. Значительную роль в создании антиправославной атмосферы сыграла проправительственная пресса, которая информировала об этих собраниях, распространяла аргументы в пользу ликвидации церквей[12].

Акция разрушения православных церквей была проведена с середины мая до середины июля 1938 г. Действия осуществляла местная администрация и координационные комитеты при помощи армии и полиции в атмосфере ненависти к православию. Для разрушения церквей использовалась молодёжь, военные, подразделения сапёров, заключённых и рабочих бригад. На православное население оказывалось административное и материальное давление, использовались шантаж и угрозы, уничтожая храмы, которые служили даже нескольким тысячам верующих. Православное население в большинстве случаев не пыталось силой противостоять разрушениям. Православные молились и протестовали, не будучи в состоянии противостоять организованной акции.

Такая политика вызвала в Сейме ряд депутатских запросов представителей различных вероисповеданий. 6 июля 1938 г. депутат Стефан Баран представил трагическое состояние Православной Церкви в люблинском воеводстве. В подобной драматической форме депутат Баран интерпеллировал 21 июля 1938 г. «относительно разрушения 107 православных церквей по распоряжению повятовых староств, а также преступного поджога 3 церквей без обнаружения исполнителей в июне и июле 1938 г. В люблинском воеводстве, так же как преследования и наказания на религиозно-вероисповедальной почве православного духовенства и верующих в этом же воеводстве». В подобном тоне на заседании Сейма 6 июля 1938 г. высказывался депутат Мартин Волков: «Ситуация невозможная, не переносимая, намного более тяжёлая, нежели так, которая имела место во время выступления депутата Древинского и его современников; там происходят немыслимые вещи. Завербованы отряды тех, кто разрушает храмы, эти отряды легально находятся под охраной полиции, в течение одного дня разрушают храм». Депутатские запросы и протесты относительно разрушения церквей представило множество других депутатов, в том числе Стефан Скрыпник, Миколай Маслов и Станислав Луцки. Выступления послов и события в Холмщине и на Подлясье были широко представлены на страницах белорусской и украинской прессы[13].

30 июня, в ответ на предпринятое разрушение церквей, имело место собрание епископов, благочинных Холмщины и Подлясья, а также православных депутатов, на котором был приготовлен мемориал президенту, маршалу Сейма и Сената, министра реестра Вероисповеданий и Просвещения призывающий к немедленному прекращению вышеупомянутой акции. 16 июля 1938 г. состоялся собор епископов Православной Церкви в Польше, который подготовил послание верующим, призывающее к трёхдневному посту. Собор выслал президенту Польши Игнатию Мощчицкому и премьеру Фелициану Славойову-Складковскому меморандум относительно происходящих событий в Холмщине и на Подлясье. В меморандуме утверждалось, что не было правовых оснований для разрушения церквей и лишения прихожан часто единственного в данной местности храма. Послание собора епископов, опубликованное в церковной прессе, было конфисковано[14].

12 M. Papierzyńska-Turek, Między tradycją a rzeczywistością, c. 360; M. Papierzyńska-Turek, „Chcieli prawosławie w Polsce wykorzenić," Przegląd Prawosławny, no. 7 (1998), c. 6.
13 Cerkiew Prawosławna na Chełmszczyźnie – przemówienia i interpelacja posłów i senatorów ukraińskich w Sejmie i Senacie, (Lwów, 1938), c. 1-54; A. Mironowicz, Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku, c. 137-138.

Разрушение церквей отозвалось громким эхом за границей и вызвало многочисленные протесты. На соборе Православной Российской Церкви в Сремских Карловцах было осуждено преследование православных в Речи Посполитой. По запросу архиепископа Виталлия из США, собор принял положение о необходимости информирования правительств и международной общественности о разрушении церквей в Холмщине и на Подлясье. В США и Канаде по инициативе русских и украинских организаций были созваны Комитеты Защиты Православия в Польше, организовывались вече и протесты. Антиправославные действия в Польше широко комментировались в английской, болгарской и румынской прессе. Немецкая пропаганда использовала ситуацию для усиления антипольских действий в Гданьске. Болгарский митрополит Стефан, в знак протеста в отношении событий в Холмщине и на Подлясье, вернул польскому правительству признанные ему государственные награды.

Полное молчание относительно происходящих событий сохранял римско-католический епископат. Обвиняемый в соучастии в разрушении церквей люблинский епископ Мариан Л. Фульман в своём письме хрубешовскому настоятелю от 2 июня 1938 г. отмежевался от акции ликвидации православных храмов, но не осудил происходящее. Латинский епископ поддавал сомнение право властей принимать решения относительно бывшей униатской собственности. «Разборка, поджёг либо ликвидация бывших униатских церквей, имеющее место на территории нашей епархии, происходит без согласованности с епископской курией. Если это предпринимается правительством, то предпринимается на его собственную ответственность. (...) Вообще, использующиеся методы в отношении ликвидации и разрушения домов Божиих не могут быть с нашей стороны одобрены». Мнение епископа имело характер внутрицерковный и не было опубликовано в прессе. Молчание католической иерархии в период всего времени акции разрушения храмов предполагало в общественном мнении то, что Католическая Церковь одобряет предпринятые шаги[15].

Иначе повёл себя греко-католический митрополит Андрей Щептицкий, который осудил разрушение православных церквей в пастырском послании от 1938 г. «Ужасающие события последних месяцев в Холмщине заставляют меня публично встать на защиту преследуемых братьев, не объединённых христиан православных Волыни, Холмщины, Подлясья и Полесья, а также призвать Вас к молитве за них и к делам покаяния, чтобы выпросить у неба милосердие Господа». Цензура не допустила к опубликованию пастырского послания греко-католического иерарха. Конфискация пастырского послания и запрет на его публикацию вызвала волну обсуждений в польской прессе. Независимые газеты решительно осудили правительственные действия в Холмщине и на Подлясье[16]. Проправительственная пресса настаивала, что акция разрушения церквей происходит с ведома католической иерархии. Эту информацию позднее опровергали представители Католической Церкви.

Эта проблема требует подробного исследования. Официальне в событиях 1938 г. латинское духовенство не брало участия. Молчание латинской иерархии и духовенства указывает, однако, что ослабление православия было в интересах Католической Церкви. Следует согласиться с выводами Мирославы Папежинской-Турек, что совпадение двух важных событий указывает на определённое участие Католической Церкви в этих событиях. Акция разрушения церквей совпала во времени с подписанием соглашения между правительством и Апостольской Столицей относительно поуниатского имущества. Документ, что правда, вспоминает только то, что государство проверит возможность передачи Католической Церкви поуниатских церквей не используемых Православной Церковью, однако совпадение фактов указывает на то, что дошло до негласной договорённости относительно уничтожения закрытых храмов. На основании источников Штаба Округа Второго Корпуса в Люблине можно сделать вывод, что латинское духовенство не только знало о запланированной акции, но и активно в ней участвовало. Военные источники называют фамилии нескольких десятков представителей духовенства участвовавших в акции ревиндикации[17].

Однозначно отреагировала на информацию о разрушении церквей часть польской интеллигенции и левой прессы. Станислав Кат-Мацкевич на страницах «Слова»

14 A. Mironowicz, Destroying and revindication of Orthodox church in Poland in 1937-1939, “Administracja Publiczna. Studia krajowe i międzynarodowe. Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Administracji Publicznej w Białymstoku”, nr 1 (7), Białystok 2006, c. 96-104.

15 J. Kania, Rozbiórki cerkwi na Lubelszczyźnie w roku 1938 a stanowisko biskupa Fulmana, [в:] R. Łużny, ред., Chrześcijański wschód a kultura polska (Lublin. 1989),c. 50-51.

16 M. Papierzyńska-Turek, Między tradycją a rzeczywistością, c. 369; A. Mironowicz, The Destruction and Transfer of Orthodox church Property in Poland, 1919-1939, “Polish Political Science Yearbook”, vol. XLIII, Toruń 2014, c. 405-420.

писал: «Эта церковная история, о которой мы не пишем по причинам от нас не зависящим, отяготит Польшу, нас всех, нашу зарубежную политику, наши большие политические планы». В другой статье он писал: «если бы я был депутатом, то я представил бы запрос о привлечении ответственных министров, в связи с этими событиями к государственному трибуналу». Этот блестящий историк и политик, будучи уже в эмиграции, обвинил военные круги в последней акции полонизации и ревиндикации. «Лояльность Православной Церкви была так велика и так искренна, что только чудо могло отвернуть православное духовенство с этого пути. Этим чудом была глупость наших правителей, воистину необыкновенная. Следует в этом месте отметить, что церковной политикой, неизвестно по какому поводу, начало заниматься военное министерство, министр Каспшицки, который интересовался всем: сушением Полесья, гуцульскими килимами – всем, кроме вопросов обороны государства. Началось от полонизации церковного богослужебного языка. (...) На изменениях в Литургии не остановились, армия начала насильственно обращать православных на католицизм и, даже, сжигать некоторые православные церкви, признанные за ненужные. Эти дикие, глупые и никчёмные выходки выразили неслыханный вред нашему государству, а были, при этом, абсолютно ничем не обоснованы, потому что из всех национальных меньшинств именно православное духовенство было наиболее лояльным»[18]. Этот голос не был одинок среди польской интеллигенции.

В 1937-1938 гг. В люблинском воеводстве, согласно свидетельству воеводы Ежи, де Траменкурта, было разрушено 127 православных церквей, а одна полуразрушенная оставалась в Щчебжешыне. Католическая Церковь в это время приняла в собственность 8 храмов. Оставалась только одна закрытая церковь не была разрушена вследствие активной защиты местного православного населения, которую власти планировали позднее передать в собственность Католической Церкви. При разрушении православных церквей не придерживались никаких принципов. Были уничтожены церкви, построенные после ликвидации унии, а 20 из них, были построены даже после 1918 г. на основании разрешения польских властей. Были уничтожены храмы, которые согласно постановлениям Смешанной Комиссии, в 1937 г. должны были стать приходскими церквями. Совершенно не брались во внимание духовные нужды населения, разрушая храмы, которые обслуживали от одной до нескольких тысяч верующих. Были уничтожены памятники архитектуры, подверглись кощунству иконы и литургические книги. В рамках акции были разрушены церкви в Бялой-Подлясской (построенная в 1582 г.), Замостье (построена в 1589 г.) и Колнысе (построена в 1578 г.). Были предприняты попытки разрушения церкви в Шчебжешыне (построена в 1598 г.), но в результате протестов местной интеллигенции храм не был разрушен, но подвергся надругательству и разорению. Совершенно справедливо Мирослава Папежинска-Турек назвала насмешкой факт передачи премьером 100 злотых на церковь в Столпцах во время акции разрушения храмов. В результате акции ревиндикации и сознательного разрушения храмов 1 сентября 1939 г. в Холмщине и южном Подлясье в структурах Православной Церкви оставалось только 49 приходских церквей, 4 филиальных и один монастырь в Яблечной. Всего в 1937-1939 гг. На любельщине, холмщине и подлясье было уничтожено 127 церквей[19].

Ревиндикационные действия затронули не только Холмщину и Подлясье. В 1937-1938 гг. В полесской епархии численность приходов уменьшилась с 339 до 269 штатных и 15 филиальных. Государственные и местные власти требовали ликвидации множества храмов в виленской и гродненской епархии. Примером таких действий было требование войта гмины Липск Яна Рачковского от 14 марта 1938 г. относительно разборки местной церкви по причине небольшого количества прихожан (24 человека) и якобы использования материалов, предназначенных на костёл при её строительстве. Даже в случае с церковью в Заблудове, которая всю историю своего существования была православной, местные власти искали в архивах документы, которые подтвердили бы её униатское происхождение, чтобы начать ревиндикационный процесс. В результате действий государственной администрации у православных было конфисковано в том числе шесть зданий монастыря Св. Троицы в Вильне, виленская Пятницкая церковь, храмы в местечках: Мамай и Дамброва. Незначительные изме-

17 A. Mironowicz, Rewindykacja prawosławnych obiektów sakralnych...,c. 99-101.
18 S. Mackiewicz-Cat, Historia Polski od 11 listopada 1918 r. do 17 września 1939 r (London, 1941), c. 312-313
19 M. Papierzyńska-Turek, Między tradycją a rzeczywistością, p. 374; A. Mironowicz, Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku, c. 140; J. Kania, „Likwidacja cerkwi na Lubelszczyźnie w okresie międzywojennym," Chrześcijanin w Świecie, 14 (1982), no. 6 (108), c. 50-89; A. Mironowicz, Rewindykacja prawosławnych obiektów sakralnych...,c. 101-102.

нения в численности приходов имели место в волынской епархии. Волынь насчитывала до начала третьей волны ревиндикации 426 штатных прихода и 137 филиальных, в 1939 г. было 569 приходских храмов и 7 монастырских приходов.

Ревиндикация и разрушение храмов ослабили положение Православной Церкви. Эти события ограничили пастырскую деятельность и подготовили благоприятные условия для религиозного прозелитизма, который был главной целью государственной политики. По причине отсутствия церкви и прихода многие православные, верующие начинало посещать римско-католические богослужения. Угроза функционированию Православной Церкви привело к более тесному сотрудничеству и единению верующих и духовенства с церковной иерархией. В среде православной общественности возрастали антигосударственные и антипольские настроения, которые выразились в Холмщине, Подлясье и Волыни во время Второй Мировой Войны. Ликвидация церквей Православной Церкви стала одной из наиболее тёмных карт в истории Второй Речи Посполитой.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES:

- Waszkiewicz Z., Neounia – nieudany eksperyment?, [в:] Czterechsetlecie zawarcia unii brzeskiej 1596–1996, ред. Alexandrowicz St. и Kempa T., Torun 1998.
- Rzemieniuk F., Kosciol katolicki obrzadku bizantyjsko-slowianskiego. Neounia, Lublin 1999.
- Mironowicz A., Neounia w II Rzeczypospolitej, [в:] Kosciol Greckokatolicki na Warmii i Mazurach, ред. Melnyk M., Olsztyn 2006.
- Svi ch A., Pravoslavnaya Tserkov' v Pol'she i yeyo avtokefaliya, Buenos-Ayres 1959.
- Mironowicz A., Неоуния во Второй Речи посполитой, „Seminarium Hortus Humanitati ” 2008.
- K. Sokol, Russkaia Varshava,(Moscow, 2002).
- K. Sokol, A. Sosna, Kopuly nad Wisla. Prawoslawne cerkwie w centralnej Polsce w latach 1815-1915 (Moscow, 2003).
- A. Mironowicz, „Swiatynie prawoslawne na terenie miasta Bialegostoku,” Bialostocki Przeglad Kresowy, 6 (Bialystok , 1998).
- A. Mironowicz, „Rewindykacja prawoslawnych obiektow sakralnych w II Rzeczypospolitej,” Bialoruskie Zeszyty Historyczne, 21, (Bialystok, 2004).
- A. Svitich, ravoslavnaia Tserkov v Polshe i ieia avtokefalia (Buenos Aires, 1959).
- M. Lenczewski, „Z historii swiatyn prawoslawnych w Warszawie,” Wiadomosci Polskiego Autokefalicznego Kosciola Prawoslawnego”, 1976.
- A. Mironowicz, Kosciol prawoslawny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku (Bialystok, 2005).
- S. Kirylowicz, Z dziejow prawoslawia w II Rzeczypospolitej Polskiej. Niektore problemy na tle polityki wyznaniowej panstwa 1918-1939 (Warsaw, 1985).
- M. Papierzynska-Turek, Miedzy tradycja a rzeczywistoscia, Panstwo wobec prawoslawia 1918-1939 (Warsaw, 1989).
- W. Myslek, Przedmurze. Szkice z dziejow Kosciola katolickiego w II Rzeczypospolitej, (Warsaw, 1987).
- S. Kirylowicz, Z dziejow..., c. 55; S. Piotrowski, Wojna religijna na kresach, (Warsaw, 1930).
- Archiwum Akt Nowych, Ministerstwo Wyznan Religijnych i Oswiecenia Publicznego, no. 1047.
- M. Papierzynska-Turek, „Chcieli prawoslawie w Polsce wykorzenic,” Przeglad Prawoslawny, no. 7 (1998).
- Cerkiew Prawoslawna na Chelmszczyznie – przemowienia i interpelacja poslow i senatorow ukrainskich w Sejmie i Senacie, (Lwow, 1938).
- J. Kania, Rozbiorki cerkwi na Lubelszczyznie w roku 1938 a stanowisko biskupa Fulmana, [в:] R. Luzny, ред., Chrzescijanski wschod a kultura polska (Lublin. 1989).
- A. Mironowicz, The Destructi n and Transfer of Orthodox church Property in Poland,

1919-1939, “Polish Poli cal Science Yearbook”, vol. XLIII, Torun 2014

- S. Mackiewicz-Cat, Historia Polski od 11 listopada 1918 r. do 17 wrzesnia 1939 r (London, 1941).
- J. Kania, „Likwidacja cerkwi na Lubelszczyznie w okresie miedzywojennym,” Chrzescijanin w Swiecie, 14 (1982), no. 6 (108).

ПОЛЬСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 1791 Г. И ОТРАЖЕНИЕ В НЕЙ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ *.

THE POLISH CONSTITUTION OF MAY 3, 1791 AND THE REFLECTION IN IT OF ETHNOCONFESSIONAL ISSUES**

УДК
UDC – 348.71

Александр Дмитриевич Гронский. Ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Национального ис-следовательского института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. Кандидат исторических наук, доцент.

Alexander Gronskii. Lead Researcher of the Center for Post-Soviet Studies of Primakov Na onal Research Institute of W rld Economy and Internati nal Relations f the Russian Academy of Sciences. Candidate of Historical Sciences, Docent.

РЕЗЮМЕ. В статье рассматривается Конституция Речи Посполитой 3 мая 1791 г. Анализируется ис-пользование различных названий государства, которые являются синонимами. Анализи-руется, каким образом Конституция обозначает жителей Речи Посполитой.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Конституция Речи Посполитой 3 мая 1791 г. Римокатолицизм, государ-ство, народ, Польша, поляки.

ABSTRACT. The ar cle examines the Constitu on of May 3, 1791. The use of various state names that are synonymous is analyzed. It is analyzed how the Constitu n refers to the inhabitants of the Polish-Lithuanian Commonwealth.
KEY WORDS. Constit tion f the Polish-Lithuanian Commonwealth on May 3, 1791. Rimocatholicism, state, people, Poland, Poles.

3 Мая 1791 г. на варшавском сейме была принята конституция Речи Посполитой. Она действовала очень непродолжительное время, причём, часть польской элиты изначально выступила против её введения. Первое издание конституции было осуществлено тогда же в Варшаве, а в 1885 г. её переиздали в Перемышле[1]. В переиздании был незначительно изменён текст, что никак не отразилось на содержании. Смысл как оригинального, так и откорректированного текста остался таким же. Кроме того, в подстрочных сносках в перемышльском переиздании были объяснены некоторые моменты конституции. На протяжении 1791 – 1792 гг. конституцию перевели на европейские языки и издали во Франции, Англии и Пруссии, а по-французски она была издана сначала в Варшаве, а потом в Париже. В то же время был осуществлён перевод конституции на русский язык[2]. Известен также современный перевод на русский язык, но не оригинала конституции, а его переиздания 1885 г.[3] В 1991 г. в Варшаве было осуществлено репринтное издание конституции[4].

Конституция состояла из 11 глав, также в ней была преамбула и «Декларация объединённых сословий». Последнюю можно рассматривать как переходные положения, т.к. там прописывался механизм вступления конституции в действие.

В преамбуле[5] указана действующая на то время титулатура короля Станислава Августа Понятовского. В ней отражены титулы, связанные как с регионами, входящими в состав Речи Посполитой, например, князь подляский, так и не входящими уже

*.Текст доклада на научно-практической конференции, посвященной 300-летнему юбилею Святителя ГЕОРГИЯ (Конисского). Могилев. 24.07.2017 https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/2017-06.html

** The text of the report at the scientific and practical conference dedicated to the 300th anniversary of St George (Konissky). Mogilev. 07/24/2017 https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/2017-06.html

1 Ustawa rządnova czyli konstytucya 3 maja 1791. Przemyśl: Drukarnia S.F. Piątkiewicza, 1885. – 8 s.

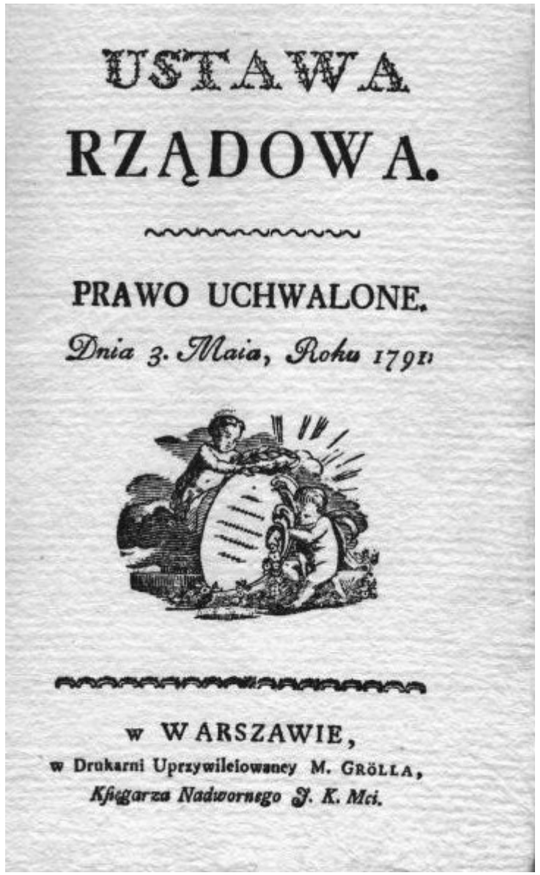
2 Установление правительственное. Закон, утверждённый 3 мая 1791 года // Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. – М.: Международные отношения, 2002. – С. 516 – 526.

3 Конституция Польши 1791 г. // Конституции государств (стран) мира URL: http://worldconstitutions.ru/?p=367 (дата обращения 14.06.2017).

4 Ustawa rządnova. Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1991 [Reprint wydania z 1791 r.] – 37 s.

5 Ustawa rządnova (1791, репринт). – S. 3 – 4; Ustawa rządnova (1885). – S. 1; Установление правительственное. – С. 216; Конституция Польши 1791 г. … URL: http://worldconstitutions.ru/?p=367

долгое время, например, князь смоленский. Начинается титул с формулы «божьей милостью и по воле народа король польский» («z bozej Łaski i woli Narodu król polski»). Причём, если в оригинале 1791 г. эта фраза написана в две строчки, на второй большими буквами обозначен титул «król polski»[6], то в переиздании 1885 г. фраза написана в одну строчку, но она выделена другим шрифтом по отношению к остальным титулам короля. Далее в обоих вариантах публикации следуют другие титулы, первыми из которых идут князь литовский, русский, прусский и т.д. Таким образом, Станислав Август воспринимался в первую очередь именно как польский король, а то, что он носил титул великого князя литовского указано далее, наряду с остальными титулами. Поскольку конституция принималась сеймом, указано, что польский король принимал её «с объединёнными сословиями в двойном числе представляющими польский народ» («wraz z stanami skonfederowanemi w liczbie podwójnej naród polski reprezentującemi»). В современном русском переводе «w liczbie podwójnej» переведено как «с удвоенной силой»[7]. Сословия могли быть объединёнными, т.к. помимо шляхты принимали участие духовенство и мещанство, т.е. все три сословия. «В двойном числе» или, по другому переводу «с удвоенной силой» может означать именно две части Речи Посполитой – Корону и Княжество.


USTAWA
RZĄDOWA.

PRAWO UCHWALONE.

Dnia 3. Maia, Roku 1791

w WARSZAWIE,
w Drukarni Uprzywileiowaney M. GRÖLLA,
Xięgarza Nadwornego J. K. Mci.

Обложка Конституции 3 мая 1791 г., изданной в Варшаве в 1791 г. на Польском языке.

Далее в тексте преамбулы говорится, что счастье «всех нас» («nas wszystkich») зависит «от утверждения и приведения в совершенство народной Конституции» («od ugruntowania i wydoskonalenia konstytucyi narodovej»). В переводе XVIII в. используется словосочетание «народная Конституция», хотя в современном русском переводе это словосочетание почему-то переведено как «польские законы». По сути, перевод верен, но оригинал всё же фиксирует иное словосочетание. Также в тексте преамбулы страна называется отечеством («dla ocalenia Oyczyzny Naszej» в тексте 1791 г. или «Ojczyzny» в тексте 1885 г.).

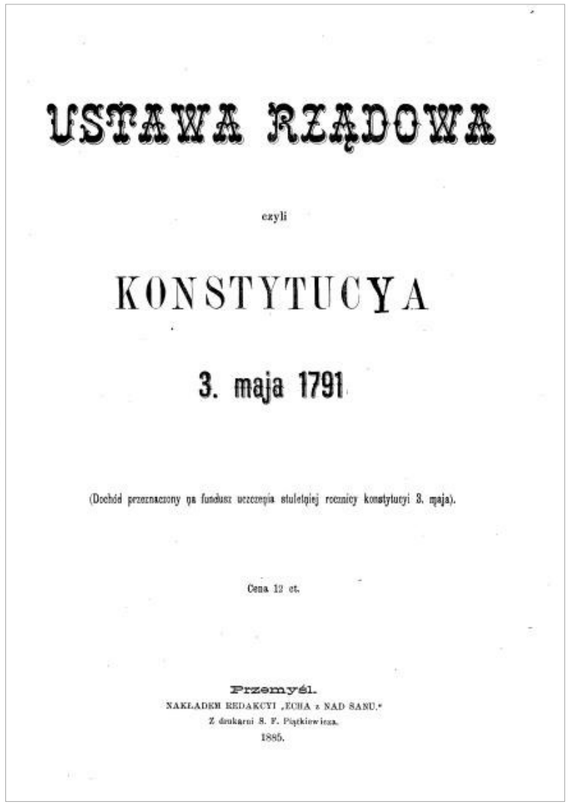
1 радел конституции называется «Господствующая религия» («Religią panującą»)[8]. Первым же предложением определяется основной статус Римокатолицизма. «Народная господствующая религия» («Religią narodową panującą») – это «wiara święta rzymska katolicka». Хотя в современном русском переводе фраза «Religią narodową panującą» почему-то переведена как «господствующая польская религия». По сути, верно, но не корректно с точки зрения качества перевода. Переход из господствующей веры в любую другую «возбраняется под наказаниями отступничества». Но т.к. «Wiara Swięta» повелевает любить ближних, то для всяких обрядов и религий даруется в польских краях «спокойствие и покровительство» и «вольность по здешним уставам». В этой главе территория государства именуется «польские края» («w krajach polskich»). Причём, по контексту нет никаких намёков на то, что «польские края» являются лишь польской частью Речи Посполитой, они понимаются как вся территория.

Второй раздел посвящён шляхте и помещикам[9]. В нём два раза встречается слово «отечество» («ojczyzna»), что означает собственно государство. Шляхта признаётся равной внутри государства, т.е. «в Польше» («w Polsce»).

Третий раздел, описывающий города и горожан, пожалуй, самый короткий в

6 Ustawa rządnova (1791). – S. 2; Ustawa rządnova (1885). – S. 1.
7 Конституция Польши 1791 г. … URL: http://worldconstitutions.ru/?p=367
8 Ustawa rządnova (1791, репринт). – S. 5; Ustawa rządnova (1885). – S. 1; Установление правительственное. – С. 516 – 517; Конституция Польши 1791 г. … URL: http://worldconstitutions.ru/?p=367
9 Ustawa rządnova (1791, репринт). – S. 5 – 8; Ustawa rządnova (1885). – S. 1 – 2; Установление правительственное. – С. 517; Конституция Польши 1791 г. … URL: http://worldconstitutions.ru/?p=367

конституции[10]. Он состоит из одного, хоть и длинного предложения. В нём говорится, что король хочет оставить закон, принятый на том же сейме, что и конституция. Закон назывался «Города наши королевские вольные во владениях Речи Посполитой», по современному переводу «в землях Речи Посполитой» («Miasta nasze królewskie wolne w państwach Rzeczypospolitej»). В перепечатке конституции 1885 г. имеется ссылка, которая раскрывает смысл этого закона, цитируя его часть. Помимо того, в той же ссылке указано, что 24 июня 1791 г. был принят закон, который назывался «Внутреннее устройство городов вольных Речи Посполитой – в Короне и В[еликом] К[няжестве] Литовском» («Urządzenie wewnętrzne miast wolnych Rzeczypospolitej, w koronie i W. X. litewskiem»)[11]. Таким образом, почти через месяц после принятия конституции, в которой не ничего не говорилось о федеративности государства, официальные законы фиксировали название, указывавшее на эту федеративность. Однако в данном случае можно говорить как о том, что вопрос с федеративностью всё же не был решён окончательно, так и о том, что федеративное устройство исчезло, но страна по инерции ещё продолжала называться по-старому. В истории можно найти подобные аналогии. Например, в России республиканская форма правления сменила монархическую 2 марта 1917 г., а страна ещё некоторое время продолжала официально называться Российская империя, и лишь 1 сентября 1917 г. она была объявлена республикой[12]. Также в этом разделе конституции снова упоминается отечество, а шляхта фиксируется с прилагательным «польская» («szlachcie polskiej»)


USTAWA RZĄDOWA

czyli

KONSTYTUCYA

3. maja 1791

(Dochód przeznaczony na fundusz uczczenia stuletniej rocznicy konstytucyi 3. maja).

Cena 12 ct.

Przemyśl.
NAKŁADEM REDAKCYI „ECHA z NAD SANU."
Z drukarni S. F. Piątkiewicza.
1885.

Титульный лист Конституции 3 мая 1791 г., переизданной в Перемышле в 1885 г. на польском языке.

Раздел 4 посвящён положению крестьян и вообще социальных низов[13]. Крестьяне берутся под королевское покровительство «по обязательствам христианским» («obowiązki chreściańskie»), в современном переводе: «из чувства христианского долга». Также крестьяне составляют «действительнейшую государства («kraju») силу». В современном переводе крестьяне являются «самой могучей силой страны». Для всех людей объявляется «совершенная вольность» в том числе и для тех, кто «прежде удаляясь из владения, хотели ныне возвратиться в отечество» («którzyby pierwej z kraju oddaliwszy się, teraz do ojczuzny powrócić chcieli»), в современном переводе: «кто сначала покинул родину, а затем пожелал вернуться назад». Ряд свобод получает «каждый человек в области Речи Посполитой («do państw Rzeczypospolitej») [...] как только вступит в Польскую землю («na zemi polskiej») [...]». В современном переводе: «любой человек, прибывший или вернувшийся в государство Речи Посполитой, как только ступит ногой на польскую землю [...]». Также любой может вольно «жить в Польше» («w Polsce»). Польское «kraj» в русских переводах передаётся и как государство или страна, и как владения, и как родина.

Следующий, пятый раздел посвящён публичной власти[14]. Конституция упоминает «три власти правления польского народа («narodu polskiego»)» в современном переводе «правительство польского народа [...] из трёх властей». В этом разделе тексты 1791 и 1885 гг. различаются единственным предложением. Если начало второго и по-

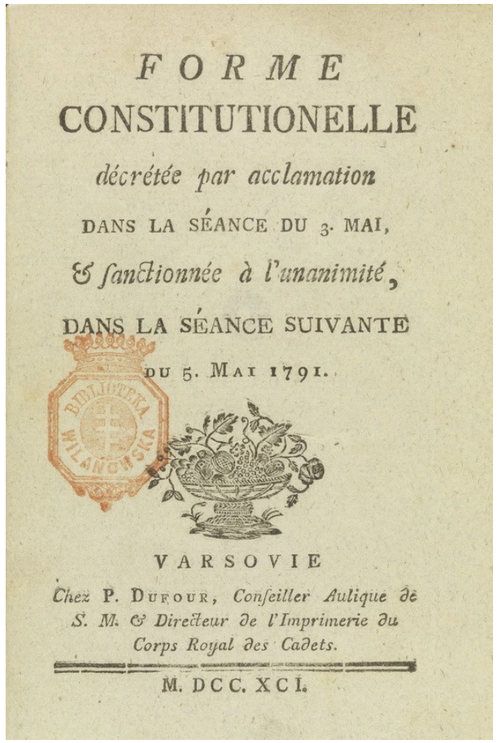
10 Ustawa rządnova (1791, репринт). – S. 8; Ustawa rządnova (1885). – S. 2; Установление правительственное. – С. 518; Конституция Польши 1791 г. … URL: http://worldconstitutions.ru/?p=367

11 Ustawa rządnova (1885). – S. 2.

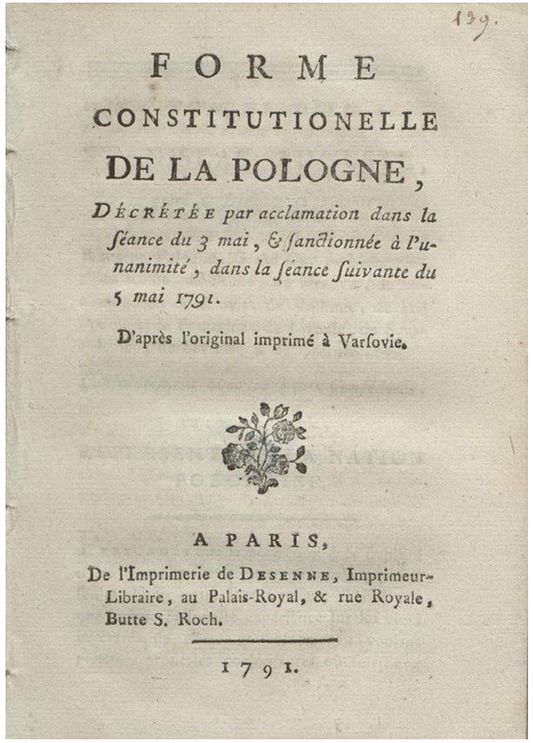
12 От Временного правительства. Обращение Временного правительство к гражданам России с объявлением России республикой. 1 сентября 1917 г. // Виртуальная выставка к 1150-летию зарождения российской государственности. URL: http://www.rusarchives.ru/projects/statehood/07-28-rossia-respublika.shtml (дата обращения: 22.06.2017)

13 Ustawa rządnova (1791, репринт). – S. 8 –11; Ustawa rządnova (1885). – S. 2 – 3; Установление правительственное. – С. 518 –519; Конституция Польши 1791 г. … URL: http://worldconstitutions.ru/?p=367

14 Ustawa rządnova (1791, репринт). – S. 11; Ustawa rządnova (1885). – S. 3; Установление правительственное. – С. 519; Конституция Польши 1791 г. … URL: http://worldconstitutions.ru/?p=367



Обложка Конституции 3 мая 1791 г., изданной в Варшаве в 1791 г. на французском языке.



Обложка Конституции 3 мая 1791 г., изданной в Париже в 1791 г. на французском языке.

следнего предложения раздела в 1791 г. звучало как: «Aby więc całość Państw, wolność obywatelska, i porządek społeczności w równey wadze na zawsze zostawały […]», то в 1885 г. оно было напечатано следующим образом: «Aby więc wolność obywatelska, porządek społeczności i całość państw Rzeczypospolitej na zawsze zabezpieczyć […]». Смысл предложения не изменён, но это не буквальная цитата из текста 1791 г. Также стоит обратить внимание, что в 1791 г. сначала была упомянута «целость земель» («całość Państw»), а потом остальное, то в 1885 г. «całość państw» стоит на последнем месте, пишется с маленькой буквы, но уточняется, что это «całość państw Rzeczypospolitej». Почему при подготовке текста в 1885 г. в конституцию были внесены изменения – не тема нашей работы, поэтому оставим данный вопрос в стороне.

Шестой раздел описывает функционирование сейма, который состоит из двух палат[15]. Если в нижней палате – посольской отражено «всенародное властвование», т.е. она избирается, чтобы показать власть народа в том смысле, в котором народ понимался в Польше. То верхняя палата – Сенат – должна состоять «из епископов («biskupów»), воевод, кастелянов и министров под главным начальством короля». Таким образом, церковная иерархия автоматически присутствовала в Сенате.

Пожалуй, самым длинным разделом конституции является седьмой «Король, исполнительная власть»[16]. Именно наличие проблем с исполнительной властью и неисполнение законов «наполнило несчастиями Польшу («Polskę»)». В современном переводе: «навлекло на Польшу много несчастий». Но сейчас «вольному польскому народу» («narodowi polskiemu») обеспечена власть самому устанавливать законы. В разделе подробно описаны изменения в связи с тем, что монархия становится наследственной. Причём при упоминании престола или трона он обозначен в конституции или как польский – «tron polski», или без этого прилагательного. Та же ситуация и с титулом. В некоторых случаях упомянут король польский. Например, упомянуто о династии будущих королей польских («królów polskich»). В других случаях титул идёт без прилагательного. Но в случае с упоминанием и престола, и монарха ясно, что речь идёт именно о конкретном государстве. Конституция объявляет польской инфантою («infantkę polską») или инфантиною, как написал это слово переводчик в русском переводе XVIII в., дочь саксонского курфюрста Марию Августу Непомусену (сам польский король Станислав Август Понятовский женат не был, соответственно официальных детей не имел).

В этом же разделе упомянут состав королевского совета или Стражи. Первым в списке членов совета идёт примас, как глава польского духовенства («z Pymasa, jako

15 Ustawa rządnova (1791, репринт). – S. 12 –16; Ustawa rządnova (1885). – S. 3 –4; Установление правительственное. – С. 519 –520; Конституция Польши 1791 г. … URL: http://worldconstitutions.ru/?p=367

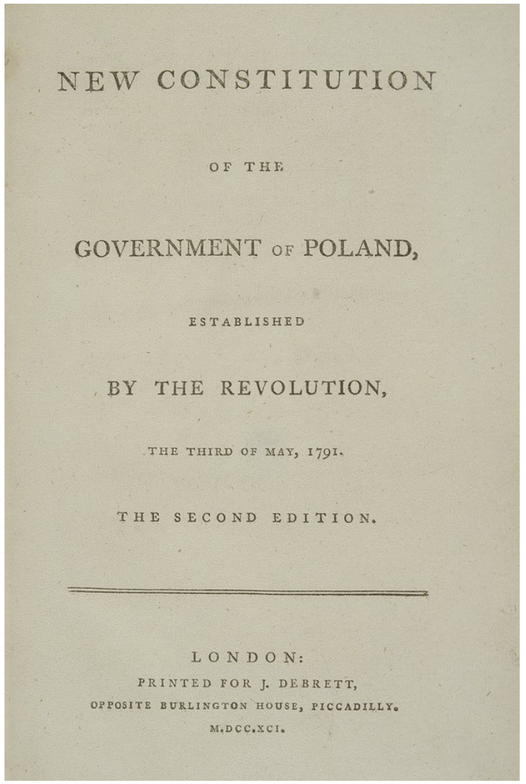
16 Ustawa rządnova (1791, репринт). – S. 17 –26; Ustawa rządnova (1885). – S. 4 – 6; Установление правительственное. – С. 521 –524; Конституция Польши 1791 г. … URL: http://worldconstitutions.ru/?p=367

głowy duchowieństwa polskiego»), который может быть с этом совете заменён первым по порядку епископом. Примас также является главой воспитательной комиссии.

Все упоминания страны в этом разделе определяют её как Польшу («napełniło Polskę», «w Polsce»), как польскую землю («zemi polskiej») или как наше отечество («szczęście ojczyzny naszej»). Население государства называется польский народ («wolnemu narodowi polskiemu»), жители земли польской («każdego mieszkańca zemi polskiej») и даже собственно поляки («możnych Polaków»).

В разделе 8, посвящённом судебной власти о каких-то этнических или конфессиональных моментах не упоминается.

В девятом разделе[17], который описывает регентство, рассматриваются случаи, связанные с невозможностью короля исполнять свои обязанности. Конституция выделяет 3 таких случая: несовершеннолетие короля, психическая болезнь короля, или пленение короля. Если случается подобное, вместо короля правит Стража, во главе которой находится королева, а в её отсутствие «примас короны польской» («prymas korony polskiej»). Т.е. при стечении обстоятельств полнотой королевской власти потенциально мог обладать королевский совет во главе с католическим иерархом.


NEW CONSTITUTION

OF THE

GOVERNMENT OF POLAND,

ESTABLISHED

BY THE REVOLUTION,

THE THIRD OF MAY, 1791.

THE SECOND EDITION.

LONDON:
PRINTED FOR J. DEBRETT,
OPPOSITE BURLINGTON HOUSE, PICCADILLY.
M.DCC.XCI.

Обложка Конституции 3 мая 1791 г., изданной в Лондоне в 1791 г. на английском языке.

Десятый раздел посвящён воспитанию королевских детей[18], которые названы «первейшими детьми отечества» («pierwszemi dziećmi ojczyzny»). Им, помимо прочего, должны прививаться религия и любовь к отечеству.

Последний, одиннадцатый раздел конституции говорит об армии[19], однако в этом разделе никаких определений этноконфессионального характера не содержится. Вооружённые силы должны охранять государство (как перевели слово «kraj» в XVIII в.) или страну (как перевели это же слово в XXI в.).

Последняя часть конституции называется «Декларация объединённых сословий» («Deklaracya stanów zgromadzonych»)[20]. Эта часть почему-то отсутствует в русском переводе XVIII в. Сословия должны присягать «Богу и отчизне» («Bogu i ojczyźnie»). Присягнуть должна и армия, которая стоит «в землях Короны Польской и Великого княжества Литовского» («w państwach korony polskiej, i W. X. litewskiego»). По всей стране («w całym kraju») конституция устанавливала 8 мая богослужение в костёлах «в благодарность Богу за подаренную благоприятную минуту освобождения Польши («Polski») от чужеземного ига и гражданской смуты», за восстановление власти, которая может обеспечить «единство Польши» («całość Polski»), за подъём «нашего отечества» («ojczyzny naszej») на европейский уровень. 8 мая День Св. Станислава – «патрона польской короны» («patrona korony polskiej») должен был стать праздничным и для потомков.

Если же кто-то выступит против конституции, «желая испортить или нарушать спокойствие хорошего и начинающего быть счастливым народа», «тот будет незамедлительно признан врагом отечества, её предателем, мятежником» («za nieprzyjaciela ojczyzny, za jej zdrajcę, za buntownika») и «самым суровым способом наказан сеймовым судом».

Таким образом, в конституции 1791 г. чётко и однозначно обозначено, что гос-

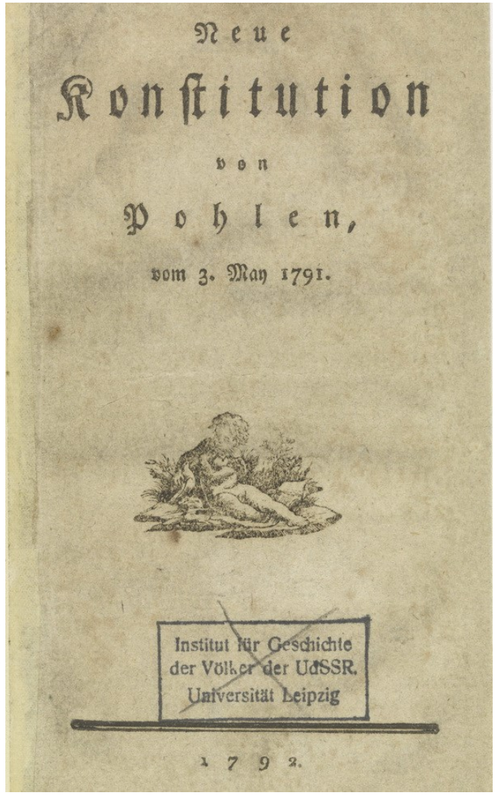
17 Ustawa rządnova (1791, репринт). – S. 8; Ustawa rządnova (1885). – S. 2; Установление правительственное. – С. 518; Конституция Польши 1791 г. … URL: http://worldconstitutions.ru/?p=367. с. 29 – 30; с. 7; С. 524 – 525;

18 Ustawa rządnova (1791, репринт). – S. 30 – 31; Ustawa rządnova (1885). – S. 7; Установление правительственное. – С. 525; Конституция Польши 1791 г. … URL: http://worldconstitutions.ru/?p=367

19 Ustawa rządnova (1791, репринт). – S. 31 – 32; Ustawa rządnova (1885). – S. 7 – 8; Установление правительственное. – С. 525; Конституция Польши 1791 г. … URL: http://worldconstitutions.ru/?p=367

20 Ustawa rządnova (1791, репринт). – S. 33 – 36; Ustawa rządnova (1885). – S. 8; Конституция Польши 1791 г. … URL: http://worldconstitutions.ru/?p=367

подствующей религией является Римокатолицизм, однако другим «обрядам и религиям» даруется вольность в их исповедании, а также государственное покровительство. Римокатолические иерархи имели достаточно серьёзное влияние на политику, они должны были быть представлены в верхней палате сейма, помимо того примас, как глава польского духовенства, в отсутствие королевы мог возглавить королевский совет. Однако этот механизм никогда не работал, поскольку конституция действовала непродолжительное время. Так же руководствуясь именно христианскими обязательствами, государство брало под покровительство крестьян. Доминирование одной религии в конце XVIII в. было обычным делом в европейских государствах, поэтому ничего особенного конституция не предлагала. Возможность свободно исповедовать иные веры также существовала во многих европейских странах, прошедших полосу религиозных войн и нашедших некий компромисс между конфессиями. Вполне возможно, что польская конституция одна из первых на законодательном уровне сформулировала возможность безопасно исповедовать недоминирующую конфессию, но примерно такие же мысли можно найти и в «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г.: «Никто не должен быть притесняем за свои взгляды, даже религиозные, при условии, что их выражение не нарушает общественный порядок, установленный законом»[21]. Более того, французская «Декларация…» не предусматривала никакого наказания за переход из доминирующей конфессии в любую другую, в «Декларации…» об этом вообще не говорится. Однако помимо того, что записано в конституции, существовала реальность, которая далеко не всегда соответствовала нормативным заявлениям. И это была не только польская проблема, существовавшая не только в конце XVIII в.



Обложка Конституции 3 мая 1791 г., изданной в Варшаве в 1792 г. на немецком языке.

Государство в конституции 1791 г. рассматривается как польское. В «Декларации объединённых сословий упоминаются обе части Речи Посполитой – Корона, т.е. собственно Польша, и Великое княжество Литовское. Но данная часть конституции описывает то официальное административное состояние, которое формально существовало накануне принятия конституции. Также государство названо «ojczyzna» и «kraj». Последнее слово на русский язык переводчики переводили в зависимости от контекста как «государство», «страна», «владение» и даже «родина». Словосочетание «krai polskije» переводилось как «польские края» или «польские земли». Словосочетание «zemia polska» переводится дословно – «польская земля». Словосочетание «państwa Rzeczypospolitej» переводится как «владения Речи Посполитой», «земли Речи Посполитой» или «область речи Посполитой». А соответственно слово «państwa», если оно встречается без уточнений – как «земли». В конституции цитируется название закона, в котором упомянута «Rzeczpospolita» – Речь Посполитая. Именно в таком варианте, без упоминания «państw Rzeczypospolitej» определение встречается лишь в названии закона. И в заключение конституции название государства всего лишь один раз упомянуто как «państwa korony polskiej, i W. X. litewskiego». Не единожды это же государство называется просто Польша («Polska»). Т.е. и «земли Короны Полькой и Великого княжества Литовского», и просто «Польша» являются по конституции полными синонимами. Таким образом, в конституции нет прямого указания на федеративность страны. Если под термином «państwa» понимать земли или владения, как это понимал переводчик XVIII в., т.е. современник событий, множественное число не значит федеративное устройство. Ведь про Российскую империю, которая не была федеративной также можно сказать «земли Российской империи» или «владения Российской империи».

Монархия Речи Посполитой рассматривается как польская. Король называется

21 Декларации прав человека и гражданина» 1789 г // Сайт «Великая французская революция». URL: http://larevolution.ru/declaration.html (дата обращения: 23.06.2017)

или собственно королём, или польским королём, инфанта названа польской инфантой, престол также часто указывается как польский престол.

Население Речи Посполитой упоминается как жители земли польской («mieszkańcy zemi polskiej»), и даже поляки («Polacy»), но чаще всего используется понятие «польский народ» («naród polski»).

Кстати, если посмотреть на обложки переводов конституции 1791 г. на другие языки, то там чётко читается то, что эта конституция польская. А в изданном в 1817 г. в Лейпциге сборнике европейских конституций, Конституция 3 мая 1791 г. помещена в раздел «Польша»[22].

В целом, польская конституция 1791 г. рассматривает население Речи Посполитой как польский народ, не уточняя, конкретное наполнение этого термина. Но даже, если понимать его как согражданство, то конституция никои образом не фиксирует наличие каких-либо других этносов на территории страны. Все живущие в Польше должны быть поляками. Унитарность Речи Посполитой конкретно не прописывается, хотя по содержанию конституции ни о какой федерации речи не шло. В конфессиональном плане Польша являлась государством с господствующим Римокатолицизмом, что вполне обычно для того времени. Хотя по конституции религиозные меньшинства получали свободу исповедовать свои веры, но на практике реализация этого была затруднена. Кроме того, конституция действовала не так долго, чтобы можно было сделать выводы о её эффективности.

ЛИТЕРАТУРА:

- Декларации прав человека и гражданина» 1789 г // Сайт «Великая французская ре-волюция». URL: http://la evolution ru/declaration. tml (дата обращения: 23.06.2017)
- Конституция Польши 1791 г. // Конституции государств (стран) мира URL: h p:// worldconstitu ns.ru/?p=367 (дата обращения 14.06.2017).
- От Временного правительства. Обращение Временного правительство к гражданам России с объявлением России республикой. 1 сентября 1917 г. // Виртуальная выставка к 1150 летию зарождения российской государственности. URL: http://w w.rusarchives.ru/projects/statehood/07-28-rossia-respublika.shtml (дата обращения: 22.06.2017)
- Установление правительственное. Закон, утверждённый 3 мая 1791 года // Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. – М.: Международные отношения, 2002. – С. 516 – 526.Die Constit ti nen der europäischen Staaten. – Leipzig: F.A. Brockhaus, 1817.
- Ustawa rządnova czyli konstytucya 3 maja 1791. Przemyśl: Drukarnia S.F. Piątkiewicza, 1885. – 8 s.
- Ustawa rządnova. Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1991 [Reprint wydania z 1791 r.] – 37 s.

REFERENCES:

- Deklaratsii prav cheloveka i grazhdanina» 1789 g // Sayt «Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya». URL: http //larevolution. u/declarati n.html (data obrashcheniya: 23.06.2017)
- Konstitu siya Pol'shi 1791 g. // Konstituts i gosudarstv (stran) mira URL: h p:// worldconstitu ns.ru/?p=367 (data obrashcheniya 14.06.2017).
- Ot Vremennogo pravitel'stva. Obrashcheniye Vremennogo pravitel'stvo k grazhdanam Rossii s ob"yavleniyem Rossii respublikoy. 1 sentyabrya 1917 g. // Virtual'naya vystavka k 1150 letiyu zarozhdeniya rossiyskoy gosudarstvennosti URL: http:/ www.rusarchives.ru/projects/statehood/07-28-rossia-respublika.shtml (data obrashcheniya: 22.06.2017)
- Ustanovleniye pravitel'stvennoye. Zakon, utverzhdonnyy 3 maya 1791 goda // Steg-niy P.V. Razdely Pol'shi i diplomati a Yekateriny II. 1772. 1793. 1795. – M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2002. – S. 516 – 526.Die Constit tionen der europäischen Staaten.

22 Die Constitutionen der europäischen Staaten. – Leipzig: F.A. Brockhaus, 1817. S. 16 – 34.

– Leipzig: F.A. Brockhaus, 1817.

- Ustawa rządnova czyli konstytucya 3 maja 1791. Przemyśl: Drukarnia S.F. Piątkiewicza, 1885. – 8 s.
- Ustawa rządnova. Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1991 [Reprint wydania z 1791 r.] – 37 s.

Священник Алексий Хотеев, преподаватель кафедры церковной истории Минской духовной семинарии , магистр исторических наук.

pr. Aliaksei Khatseyev, lecturer of Church history department at the Minsk Theological seminary, Master of Historical Sciences.

ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ

THE CONFESSION OF FRANCIS SKARYNA

.

УДК
UDC – 93/94

РЕЗЮМЕ. В статье рассматривается спорный вопрос о вероисповедании Франциска Скорины, который повлиял на отношение к изданной им Библии и на ее распространения на Руси.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Франциск Скорина, вероисповедание, книгопечатание, Библия

ABSTRACT. The article discuss s the controversial issue of the creed Francis Skaryna, which influenced t e attitude o the Bible he published and its spread in Russia.

KEY WORDS. Francis Skorina, religion, typography, the Bible

В юбилейный год 500-летия выхода в свет библейских книг, изданных Франциском Скориной в чешской Праге, поднимается немало спорных тем, связанных с белорусским первопечатником. Среди них особое место занимает вопрос о конфессиональной принадлежности Скорины. Наиболее аргументированными версиями являются либо православная, либо католическая его приверженность. В пользу первой говорят издания Скорины, в пользу второй – имеющиеся биографические данные.

Естественно начать с имени. До недавнего времени широко распространенным было называть Скорину Георгием, что служило указанием на его православное крещение[1]. Второе имя — Франциск — он будто бы принял для поступления в Краковский университет[2]. В таком случае у Скорины было бы два имени: крестильное (Георгий) и позднейшее (Франциск). Это объяснение не вполне удовлетворительное, поскольку, согласно университетским актам, в те времена в Кракове училось немало Георгиев, в том числе, выходцы из ВКЛ[3]. С формальной стороны здесь также возникает естественный вопрос, не стоит ли за переменой имени перемена вероисповедания? Даже в конце XV в. еще существовала практика перекрещивания православных в ВКЛ, если они обращались в католичество[4].

Однако с именем Георгий есть сложность другого рода: оно упоминается только в одном документе королевской канцелярии, до недавнего времени известного в копии. В грамоте Сигизмунда I от 26 ноября 1532 г. об освобождении Скорины от судебных тяжб он пять раз называется «доктором Франциском» и один раз «Георгием Франциском»[5]. Случайность такого упоминания еще в 1925 г. навела польского исто-

1 Владимиров П.В. Доктор Франциск Скорина, его переводы печатные издания и язык. СПб.: Типография Академии наук, 1888. — С. 45. Примеч. 4. История БССР в двух томах. Под ред. Л.С. Абецедарского и др. — Мн.: Академия наук БССР, 1961. — Т.1. — С. 143. Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV—XVI вв.: исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития. — М.: Академия наук СССР, 1961. — С. 660—661.

2 Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV—XVI вв.: исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития. — М.: Академия наук СССР, 1961. — С. 742.

3 Немировский Е.Л. Франциск Скорина: жизнь и деятельность белорусского просветителя. — Мн.: Мастацкая літаратура, 1990. — С. 157.

4 Хотеев А.С. Попытки ввести церковную унию на землях Великого княжества Литовского в XV в. // VI Международные Михайловские чтения «Православие и современность»: 400-летие явления Крупецкой иконы Божией Матери, 21-23 ноября 2013 г.: сборник докладов / Ред.: И.А. Чарота. — Мн.: Православное братство в честь Архистратига Михаила, 2013. — С. 31

5 Францыск Скарына: зборнік дакументаў і матэрыялаў. / Пад рэд. Я.Д. Ісаевіча, В.Д. Чамярыцкага. — Мн.: Навука і тэхніка, 1988. — С. 156—160.

рика Г. Ловмяньского на мысль, что в тексте произошла ошибка: вместо латинского egregius («досточтимый») переписчик написал georgius[6]. Догадка историка подтвердилась, когда белорусским исследователем Г.Я. Голенченко был изучен и опубликован в 1996 г. подлинник королевской грамоты, где имени Георгий не оказалось, а стояло латинское обращение «досточтимый»[7]. Таким образом, в настоящее время версия об имени Георгий считается результатом ошибки.

Сам Скорина в своих изданиях называет себя только Франциском и нигде не упоминает другого имени. То, что Франциск есть имя католическое, прямо указывает на католическую принадлежность белорусского первопечатника. Однако был ли он крещен в католичество изначально и остался ли он католиком впоследствии? Ведь под влиянием тех или иных обстоятельств люди могут переходить из одного исповедания в другое. Есть все-таки основание считать, что Скорина, по меньшей мере, получил достаточное православное образование, чтобы хорошо знать церковнославянский язык и богослужение. Его отца звали Лукой, старшего брата — Иваном, а племянника – Романом, что указывает, по меньшей мере, на то, что он родился в традиционно-православной семье.

Со всей определенностью знакомство с Православием выступает в библейских изданиях Скорины и его Подорожной книжке. Скорининская «Бивлия руска» ориентирована «к людем посполитым руского языка», как неоднократно говорит сам издатель в послесловиях к библейским книгам. В предисловии к Псалтири (1517 г.) он поясняет также, что напечатал книгу «рускыми словами, а словенским языком… наболей с тое причины, иже мя Милостивый Бог с того языка (народа) на свет пустил»[8]. Церковнославянская грамматика и лексика преобладают не только в библейском тексте, но, по мнению белорусского филолога А.И. Журавского, даже в предисловиях Франциска Скорины.[9] Издатель следует традиционному для православной Псалтири счету псалмов, делению их на кафизмы. Не только порядок книг Апостола (1525 г.) соответствует принятому у православных, но обозначены начало и конец каждого зачала, «яко во церкви Божии чтется». В Малой подорожной книжке Скорина издал акафисты и каноны, напечатал Символ веры без католической вставки «и от Сына», счет церковного года традиционно начинал с сентября и заканчивал августом, «согласно уставу Иерусалимской Церкви», в святцах указал памяти русских святых прп. Антония и Феодосия Печерских, кн. Бориса и Глеба.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в изданиях Скорины заметно и католическое влияние. В частности, одним из источников для него служил чешский перевод Библии 1506 г., восходящий к латинской Вульгате, переведенной с древнееврейского. Церковнославянский текст Ветхого Завета восходит к греческому переводу (Септуагинте). Между двумя переводами — греческим и латинским — есть определенные разночтения. Любому библеисту об этом хорошо известно. Скорина следует то одной традиции, то другой. Например, Псалтирь у него типичная церковнославянская, восходящая к Септуагинте, однако в книге Бытие счет лет жизни патриахов (5 гл.) ведется по версии Вульгаты. Согласно все той же западной традиции, в предисловии ко всей Библии издатель не называет в перечне библейских книг III Ездры и III Маккавейскую, а в перечне новозаветных книг ставит Деяния и Соборные послания после посланий ап. Павла. Характерно также, что Скорина называет Богородицу Марию «Девицей», а не «Девой». Последнее является принятым в славянской православной традиции. В предисловии к Первому посланию ап. Петра в Апостоле (1525 г.) издатель называет его «старейшим апостолом Христа», который на протяжении двадцати пяти лет управлял Церковью Христовой в Риме (мнение, восходящее к бл. Иерониму)[10]. Впрочем, при этом не говорит Скорина об особых прерогативах римских пап.

Наиболее же всего связь с Католической Церковью открывается в биографических данных белорусского первопечатника. Знание латыни для поступления в Краковский университет предполагает обучение в католической школе. Имя Франциск как будто указывает на влияние францисканских монахов. Это влияние, вероятнее

6 Stankiewicz A.: Daktar Franciszek Skaryna perwszy drukar bełaruski. 1525-1925. Wilno 1924. Rec.: Lowmianski H. Ateneum Wilenski. 1925—1926. R.3 Z. 3. — S. 161—179.

7 Галенчанка. Г.Я. Канец застарэлага міту: новы дакумант пра Скарыну. // Полацак: карані нашага радаводу. — Полацак, 1996. — С. 76—77.

8 Францыск Скарына. Прадмовы і пасляслоўі. — Мн.: Навука і тэхніка, 1990. — С. 18.

9 Журавский А.И. Язык предисловий Франциска Скорины. // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. — М., 1979. — С. 85—93.

10 Францыск Скарына. Прадмовы і пасляслоўі. — Мн.: Навука і тэхніка, 1990. — С. 105.

всего, и повернуло Скорину лицом к католическому западу, где он провел большую часть своей жизни. Вполне закономерно, что студенты Краковского университета ходили на службы в университетский храм, регулярно исповедовались и причащались. Если бы Скорина был привержен к Православию, то как он мог вести церковную жизнь в Падуе, Праге, Кенигсберге? Почему он не жил в Полоцке, о котором вспоминает в каждом своем издании? В Вильно, как говорится в одном судебном документе 1532 г., Скорина был доктором и секретарем Виленского католического епископа Яна (сохранился целый ряд документов с указанием имени «доктора Франциска», связывающих их обоих, начиная с 1523 г. по 1532 г.)[11]. Наконец, из свидетельства короля Сигизмунда-Августа в 1552 г. о сожжении библейских книг «на русском языке» в Москве при его родителе узнаем, что они были напечатаны «подданным Римской Церкви»[12]. Хотя здесь Скорина и не назван по имени, но это свидетельство признается заслуживающим доверия источником о неприятии его книг в Москве.

Издания Франциска Скорины были широко известны и в Литовской Руси, и в Московской Руси. Однако, отдавая должное труду белорусского первопечатника, следует отметить, что в православной среде они не встретили особенного сочувствия. Коммерческий проект, осуществленный Скориной при поддержке купцов Якуба Бабича и Богдана Онкова из виленского магистрата, не окупился, и начатое дело книгоиздания было прекращено. В изданиях Ивана Федорова, в частности, в Острожской Библии 1581 г., сохранялось традиционное (не фонетическое как у Скорины) печатание церковнославянского текста, в них не было портретов издателей и иллюстраций-гравюр, схоластических предисловий. По количеству сохранившихся экземпляров они превосходят скорининские издания в 5 и более раз. Именно труды Ивана Федорова, Петра Мстиславца и Герасима Смотрицкого, а не Франциска Скорины заложили основу для последующего печатания славянской Библии. Думается, что конфессиональная принадлежность последнего сыграла не последнюю роль в том, что его книги не стали популярными в православной среде и никогда не переиздавались до конца XX в.

ЛИТЕРАТУРА:

- Владимиров П.В. Доктор Франциск Скорина, его переводы печатные издания и язык. СПб.: Типография Академии наук, 1888.
- История БССР в двух томах. Под ред. Л.С. Абецедарского и др. — Мн.: Академия наук БССР, 1961.
- Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV—XVI вв.: исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития. — М.: Академия наук СССР, 1961.
- Немировский Е.Л. Франциск Скорина: жизнь и деятельность белорусского просветителя. — Мн.: Мастацкая літаратура, 1990.
- Францыск Скарына: зборнік дакументаў і матэрыялаў. / Пад рэд. Я.Д. Ісаевіча, В.Д. Чамярыцкага. — Мн.: Навука і тэхніка, 1988.
- Stankiewicz A.: Daktar Franciszek Skaryna perwszy drukar bełaruski. 1525-1925. Wilno 1924. Rec.: Lowmianski H. Ateneum Wilenski. 1925—1926.
- Галенчанка. Г.Я. Канец застарэлага міту: новы дакумант пра Скарыну. // Полацак: карані нашага радаводу.— Полацак, 1996.
- Францыск Скарына. Прадмовы і пасляслоўі. — Мн.: Навука і тэхніка, 1990.
- Журавский А.И. Язык предисловий Франциска Скорины. // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. — М., 1979.

REFERENCES:

- Vladimirov P.V. Doktor Frantsisk Skorina, yego perevody pechatnyye izdaniya i yazyk.

11 Францыск Скарына: зборнік дакументаў і матэрыялаў. / Пад рэд. Я.Д. Ісаевіча, В.Д. Чамярыцкага. — Мн.: Навука і тэхніка, 1988. — С. 83—92, 147—160. Немировский Е.Л. Франциск Скорина: жизнь и деятельность белорусского просветителя. — Мн.: Мастацкая літаратура, 1990. — С. 421.

12 Немировский Е.Л. Франциск Скорина: жизнь и деятельность белорусского просветителя. — Мн.: Мастацкая літаратура, 1990. — С. 488.

SPb.: Tipogra ya Akademii nauk, 1888.

- Istoriya BSSR v dvukh tomakh. Pod red. L.S. Abetsedarskogo i dr. — Mn.: Akademiya nauk BSSR, 1961.
- Picheta V.I. Belorussiya i Litva XV—XVI vv.: issledovaniya po istorii sotsial'no-ekonomicheskogo, politic eskogo i kul'turnogo razvi ya. — M.: Akademiya nauk SSSR, 1961.
- Nemirovskiy Ye.L. Frantsisk Skorina: zhizn' i deyatel'nost' belorusskogo prosveti elya. — Mn.: Mastatskaya lítaratura, 1990.
- Frantsysk Skaryna: zborník dakumentaŭ í materyyalaŭ. / Pad red. YA.D. Ísayevícha, V.D. Chamyarytskaga. — Mn.: Navuka í tekhníka, 1988.
- Stankiewicz A.: Daktar Franciszek Skaryna perwszy drukar bełaruski. 1525-1925. Wilno 1924. Rec.: Lowmianski H. Ateneum Wilenski. 1925—1926.
- Galenchanka. G.YA. Kanets zastarelaga mítu: novy dakumant pra Skarynu. // Polatsak: karaní nashaga radavodu.— Polatsak, 1996.
- Frantsysk Skaryna. Pradmovy í paslyasloŭí. — Mn.: Navuka í tekhníka, 1990.
- Zhuravskiy A.I. YAzyk predisloviy Frantsiska Skoriny. // Belorusskiy prosveti el' Frantsisk Skorina i nachalo knigopechataniya v Belorussii i Litve. — M., 1979.

АРНОЛЬД ДУЛИШКОВИЧ КАК СВИДЕТЕЛЬ ОБВИНЕНИЯ НА ВТОРОМ МАРАМАРОШ-СИГОТСКОМ ПРОЦЕССЕ: РЕАЛЬНОСТЬ И МИФЫ*

ARNOLD DULISKOVICH AS A WITNESS FOR THE PROSECUTION AT THE SECOND MARAMAROSH-SIGOT PROCESS: REALITY AND MYTHS**

УДК – 930.2:271.2-67-9
UDC (477.87) «1913/1914»

Олег Геннадьевич Казак,. Кандидат исторических наук, преподаватель Минского городского педагогического колледжа

Oleg Kazak,. Candidate of Historical Sciences, teacher of the Minsk City Pedagogical College

РЕЗЮМЕ. В статье анализируются малоизвестные факты биографии агента венгерской полиции Арнольда Дулишковича, внедренного в православное движение Подкарпатской Руси накануне Первой мировой войны. Отдельное внимание уделяется использованию фигуры Арнольда Дулишковича в официальной пропаганде периода венгерской оккупации Подкарпатской Руси (1939–1944 гг.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Русины, православие, Марамарош-Сиготский процесс, Арнольд Дулишкович, «угро-русинизм».

ABSTRACT . The artic e analyzes littl -known biographical facts of the agent of the Hungarian police Arnold Duliskovich who was implanted in the Orthodox movement of Subcarpathian Rus' before the beginning of the First World War. Special a ention is paid to the using of Arnold Duliskovich fi ure by offi al propaganda in the period of the Hungarian occupation f Subcarpathian Rus' (1939–1944).

KEY WORDS. Rusyns, Orthodoxy, Maramarosh-Sigot process, Arnold Duliskovich, "ugro-rusinizm".

Имя полицейского-провокатора, уроженца комитата Берег, сына греко-католического священника Арнольда Дулишковича (1884–1933 гг.) стало известно мировой общественности в связи со Вторым Марамарош-Сиготским процессом (1913–1914 гг.), инициированным венгерскими властями против православных русинских крестьян. Один из крупнейших историков-русинистов современности И. Поп в «Энциклопедии Подкарпатской Руси» отмечает: «Судебный процесс в Марамарош-Сиготе был одновременно вершиной карьеры Дулишковича-провокатора и началом его падения. Раскрытый провокатор уже не представлял ценности для полиции. В период войны пытался еще выслужиться слежкой за словацкими и культурными деятелями, однако успеха не имел. После войны бесследно исчез»[1]. Анализ разнообразных источников, однако, позволяет установить новые факты биографии А. Дулишковича, а также проследить, как его образ использовался официальной венгерской пропагандой в период оккупации Подкарпатской Руси (1939–1944 гг.).

В 1912 г. сотрудник пограничной полиции А. Дулишкович по личному поручению премьер-министра Венгерского королевства Л. Лукача был внедрен в православное русинское движение, которое у венгерских политических элит прочно ассоциировалось с панславистской угрозой[2]. А. Дулишкович быстро вошел в доверие к словацкому политику, депутату венгерского парламента М. Годже, которому обрисовал фантастический план развития русинского движения с помощью России, а также к русофильскому общественному деятелю А. Геровскому, издававшему в Черновцах газету «Русская правда». Благодаря протекции данных лиц, имевших контакты с российским консульством и с приверженцами панславизма в России, А. Дулишкович

* Текст доклада на научно-практической конференции, «Церковь и славянские идентичности: проблемы формирования и развития» https://zapadrus.su/partnery/ceas/ceas-2012/1746-nauchnaya-konferentsiya-tserkov-i-slavyanskie-identichnosti.html

** The text of the report at the scientific and practical conference "Church and slavic identities" https://zapadrus.su/partnery/ceas/ceas-2012/1746-nauchnaya-konferentsiya-tserkov-i-slavyanskie-identichnosti.html

1 Поп И.И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001. С. 166.

2 Tatják L. Marmarošskosihotský schizmatický proces roku 1914 v svetle slovensko-rusínskych vzťahov v slovenskej a maďaskej historiografii // Kapitoly z dejín Podkarpatskej Rusi 1919–1945 / ed. L. Harbuľová. Prešov, 2015. S. 53.

осуществил визит в Санкт-Петербург[3]. Агент венгерской полиции встретился с лидером неославянского движения, идейным вдохновителем «Галицко-русского благотворительного общества» графом В. Бобринским, от которого получил солидную денежную сумму (1000 крон) для реализации русинских общественных и культурных инициатив[4]. А. Дулишкович триумфально вернулся в Будапешт с деньгами и инструкциями по созданию русинских центров в Ужгороде и Прешове[5]. Информация, собранная провокатором, легла в основу материалов обвинения на Марамарош-Сиготском процессе.

Обвинение, предъявленное архимандриту А. Кабалюку (известный деятель возрождения православной церкви в Подкарпатской Руси) и ряду других лиц (в основном из числа крестьян и духовенства) на Марамарош-Сиготском процессе, гласило: «Означенные лица находятся в сношениях с графом Бобринским, жительствующим в Петербурге, русским подданным, председателем “Русского национального союза”, […] с Евлогием Холмским, Антонием Житомиро-Волынским, православными русскими епископами, с афонским, холмским, московскими, киевскими, почаевскими и яблочинскими православными монахами и получают от них денежную поддержку. […] Они вошли в соглашение с целью обратить униатских жителей государства в православную русскую веру. […] Все это делалось с целью присоединения означенных территорий к русскому государству и подчинения их скипетру русского царя»[6]. Перед судом предстали 94 обвиняемых. Обвинения строилось преимущественно на показаниях А. Дулишковича. Адвокат обвиняемых А. Клейн требовал предоставить суду будто бы переданные агентом полицейскому управлению в Будапеште вещественные доказательства, однако судья стал на сторону прокурора, протестовавшего против подобных действий[7].

Особенности работы полицейской и судебной систем Венгрии вызвали шквал критики общественных деятелей различных взглядов. Так, русофильский политик А. Бескид (в будущем – губернатор Подкарпатской Руси) с парламентской трибуны обратился к премьер-министру Венгрии И. Тисе с просьбой разобраться с деятельностью А. Дулишковича, принять меры к наказанию чиновников пограничной полиции и жандармерии за доказанные в ходе процесса факты насилия над русинским населением. Премьер-министр ответил в ироничном тоне, вызвавшем бурные протесты оппозиции. По его словам, А. Дулишкович не заслуживал презрения, так как доставил весьма ценные сведения о нитях панславистской агитации[8]. Надуманный характер обвинений, сомнительность показаний А. Дулишковича подчеркивали чехи В. Клофач и Т. Масарик, словак М. Годжа, венгерский публицист В. Аради, по чьему ходатайству из Будапешта приехали защищать обвиняемых лучшие адвокаты, и мн. др. Даже активист украинского национального движения К. Левицкий писал об обвиняемых как о «невинных жертвах, поскольку давление венгров, доведших их до полного упадка национально-культурной жизни и экономического краха, сделало их легкими жертвами русофильской пропаганды»[9]. Марамарош-Сиготский процесс закончился в марте 1914 г. А. Кабалюк был осужден на 4,5 года тюремного заключения, остальные обвиняемые были приговорены к недлительным срокам заключения или денежным штрафам.

Весной 1914 г. А. Дулишкович по поручению министерства внутренних дел Венгерского королевства отправился в США, чтобы попытаться воспрепятствовать распространению в кругах североамериканской русинской диаспоры панславистской и антивенгерской пропаганды. Очередная миссия агента завершилась в мае 1917 г. финансовым скандалом. А. Дулишкович утверждал, что перед своим отъездом в США заключил конфиденциальное соглашение с советником министра внутренних дел Венгрии Д. Варшанельи. Согласно данному соглашению, А. Дулишкович должен был кроме официального жалования ежедневно получать 10 долларов США. Вся накопленная сумма должна была быть выплачена в кронах после возвращения агента в Венгрию. Однако к моменту завершения командировки А. Дулишковича Д. Варшанельи умер, а документы, подтверждавшие факт соглашения, не сохрани-

3 Поп И.И. Указ. соч. С. 166.

4 Gönczi A. Ruszin skizma kus mozgalom a XX. század elején. Ungvár – Beregszász, 2007. O. 89.

5 Поп И.И. Указ. соч. С. 166.

6 Клопова М.Э. Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М., 2016. С. 250.

7 Данилец Ю.В. Иркутская газета «Сибирь» как источник по истории Второго Мараморош-Сиготского процесса1913–1914 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 67.

8 Там же. С. 68.

9 Клопова М.Э. Указ. соч. С. 252.

лись. А. Дулишкович грозил предать дело публичной огласке и подать иск в суд на чиновников министерства внутренних дел. На заседании правительства Венгерского королевства 22 мая 1918 г. министр внутренних дел Ш. Векерле ходатайствовал о выплате А. Дулишковичу всей заявленной денежной суммы, дабы не будоражить общественное мнение[10]. 31 августа 1918 г. А. Дулишкович был повышен в звании и переведен на восьмой класс оплаты[11].

В «Календаре г. Мариапоч для греко-католических венгерских верующих на 1934 г.» сообщалось о том, что 24 июля 1933 г. в одной из больниц Будапешта в возрасте 49 лет скончался «землевладелец, бывший сотрудник пограничной полиции» А. Дулишкович. Автор некролога С. Билак считал, что накануне Первой мировой войны «Россия безжалостно насаждала рутенам схизму». С. Билак безосновательно утверждал, что после Марамарош-Сиготского процесса «панславистское (или русофильское) движение завершилось». В некрологе также сообщалось, что А. Дулишкович регулярно посещал США, Великобританию, Францию, где знакомил общественность с идеей «воссоединения» «обожаемой им Рутенской земли» с Венгрией[12]. Очевидно, А. Дулишкович был активным участником ревизионистской кампании венгерских властей. Возвращаясь с очередного американского «турне», бывший полицейский агент заразился вирусной инфекцией, которая и явилась причиной его смерти.

В период венгерской оккупации Подкарпатской Руси (1939–1944 гг.) А. Дулишкович стал позиционироваться официальной пропагандой как «русинский национальный герой», символ «русинско-венгерского братства». Образ венгерского патриота с русинскими корнями, стремившегося подорвать влияние русофильского движения в Подкарпатской Руси, соответствовал насаждаемому в регионе идеологическому курсу «угро-русинизма». Активисты данного курса стремились не допустить участия населения Подкарпатской Руси в русском и украинском национальных движениях и с этой целью пропагандировали локальную форму русинской идентичности. В июне 1940 г. в Севлюше был открыт памятник А. Дулишковичу. Регентский комиссар Ж. Перени на открытии памятника отметил роль полицейского агента в развенчании «схизматического движения»: «Он понял, что это движение для подготовки войны, панславистское движение, подготовленное царской Россией». Ж. Перени озвучил свою явно тенденциозную трактовку православного движения начала XX в. в Подкарпатской Руси: «Приходили агитаторы и говорили: “Вы маленький народ, вас чуть более одного миллиона. Речь ваша бедна, некультурна, этим языком нельзя писать в школах, вас не знают в мире, присоединяйтесь к великорусскому 140-миллионному народу, принимайте его язык, культуру и веру и будете лучшим народом мира”». А. Дулишковича, «бросившего вызов» православному движению, регентский комиссар назвал «апостолом и мучеником венгеро-руського братства». Любопытно, что на открытии памятника присутствовали лояльные венгерским властям общественные и политические деятели русофильских взглядов (А. Бродий, С. Фенцик, И. Каминский, М. Демко)[13].

А. Дулишкович вошел в историю как полицейский-провокатор с сомнительными приемами работы, орудие венгерских властей, безуспешно пытавшихся подавить православное движение в Подкарпатской Руси. Попытки венгерских пропагандистов периода оккупации включить одиозного деятеля в «пантеон русинских национальных героев» вызывали непонимание населения Подкарпатской Руси, являлись индикатором непоследовательности национальной политики венгерских властей в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

- Данилец Ю.В. Иркутская газета «Сибирь» как источник по истории Второго Мараморош-Сиготского процесса1913–1914 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 59–70.

10 Bejelentés Duliskovich Arnold m. kir. határrendőrségi detektí -felügyelőnek a királyi kincstár ellen megnyert pere költségeinek előirányzat nélküli kiadásként történt elszámolásáról // Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára (MNL OL). F. K 27 (1918.05.22). O. 22–24.

11 Hozzájárulás Duliskovich Arnold m. kir. határrendőrségi detektívfelü yelő VIII. fizetési sztályba történő detektí -főfelügyelői kinevezéséhez, illetve javaslat Császár Károly detektívfelügyelő, Krause Gusztáv, Patera Ferenc és Zakariás István oktatófelügyelők részére határrendőrségi detek v-főfelügyelői cím és jelleg adományozására // MNL OL. F. K 27 (1918.08.31). O. 54–56.

12 Máriapócsi magosz naptár görög-katolikus magyar hívők részére az 1934 közönséges évre. Budapest, 1933. O. 84–85.

13 Святостефанска думка не познае народностных групп // Карпатска неделя. 1940. 30 юнія. № 26. С. 1–3.

- Клопова М.Э. Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М.: Индрик, 2016. 280 с.
- Поп И.И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: Издательство В. Падяка, 2001. 431 с.
- Святостефанска думка не познае народностных групп // Карпатска неделя. 30 юнія. № 26. С. 1–3.
- Bejelentés Duliskovich Arnold m. kir. határrendőrségi detektí -felügyelőnek a királyi kincstár ellen megnyert pere költségeinek előirányzat nélküli kiadásként történt elszámolásáról // Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára (MNL OL). F. K 27 (1918.05.22). O. 22–24.
- Gönczi A. Ruszin skizma kus mozgalom a XX. század elején. Ungvár – Beregszász: PoliPrint – II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola, 2007. 140 o.
- Hozzájárulás Duliskovich Arnold m. kir. határrendőrségi detek vfelügyelő VIII. fi etési osztályba történő detektí -főfelügyelői kinevezéséhez, illetve javaslat Császár Károly detektí felügyelő, Krause Gusztáv, Patera Ferenc és Zakariás István oktatófelügyelők részére határrendőrségi detektí -főfelügyelői cím és jelleg adományozására // MNL OL. F. K 27 (1918.08.31). O.54–56.
- Máriapócsi magosz naptár görög-katolikus magyar hívők részére az 1934 közönséges évre. Budapest: Kiadja a Magyar görög-katolikus országoz szövetsége, 1933. 100 o.
- Tatják L. Marmarošskosihotský schizmatic ý proces roku 1914 v svetle slovensko-rusínskych vzťahov v slovenskej a maďaskej historiogra i // Kapitoly z dejín Podkarpatskej Rusi 1919–1945 / ed. Harbuľová. Prešov: Vydavatelstvo Prešovskej univerzity, 2015. S. 50–59.

REFERENCES

- Danilets YU.V. Irkutskaya gazeta «Sibir'» kak istochnik po istorii Vtorogo Maramorosh-Sigotskogo protsessa1913–1914 gg. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 415. S. 59–70.
- Klopova M.E. Rusiny, russkiye, ukraintsy. Natsional'nyye dvizheniya vostochnoslavyanskogo naseleniya Galitsii v XIX – nachale KHKH veka. M.: Indrik, 2016. 280 s.
- Pop I.I. Entsiklopediya Podkarpatskoy Rusi. Uzhgorod: Izdatel'stvo V. Padyaka, 2001. 431 s.
- Svyatostefanska dumka ne poznaye narodnostnykh grupp // Karpatska nedelya. 30 yuníya. № 26. S. 1–3.
- Bejelentés Duliskovich Arnold m. kir. határrendőrségi detektí -felügyelőnek a királyi kincstár ellen megnyert pere költségeinek előirányzat nélküli kiadásként történt elszámolásáról // Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára (MNL OL). F. K 27 (1918.05.22). O. 22–24.
6. Gönczi A. Ruszin skizmati us mozgalom a XX. század elején. Ungvár – Beregszász: PoliPrint – II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola, 2007. 140 o.
- Hozzájárulás Duliskovich Arnold m. kir. határrendőrségi detek vfelügyelő VIII. fi etési osztályba történő detektí -főfelügyelői kinevezéséhez, illetve javaslat Császár Károly detektí felügyelő, Krause Gusztáv, Patera Ferenc és Zakariás István oktatófelügyelők részére határrendőrségi detektí -főfelügyelői cím és jelleg adományozására // MNL OL. F. K 27 (1918.08.31). O.54–56.
- Máriapócsi magosz naptár görög-katolikus magyar hívők részére az 1934 közönséges évre. Budapest: Kiadja a Magyar görög-katolikus országoz szövetsége, 1933. 100 o.
- Tatják L. Marmarošskosihotský schizmatic ý proces roku 1914 v svetle slovensko-rusínskych vzťahov v slovenskej a maďaskej historiogra i // Kapitoly z dejín Podkarpatskej Rusi 1919–1945 / ed. Harbuľová. Prešov: Vydavatelstvo Prešovskej univerzity, 2015. S. 50–59.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЖИЗНИ Г.В.ПЛЕХАНОВА В ОСВЕЩЕНИИ ЖУРНАЛА «НИВА» (АПРЕЛЬ 1917-ИЮЛЬ 1918 года)

THE LAST YEAR OF HIS LIFE GV. PLEKHANOV IN THE COVERAGE OF THE MAGAZINE NIVA (APRIL 1917-JULY 1918)

УДК
UDC – 94 (47).081

Валерий Николаевич Черепица , кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы (Гродно, Белоруссия) .

Valeriy Cherepitsa, candidate of historical sciences, professor of the department of general history, Grodno State University Y. Kupala (Grodno, Belarus).

РЕЗЮМЕ. В настоящей статье поставлена цель рассмотреть биографию и творческое наследие выдающегося мыслителя и общественного деятеля Плеханова через призму публикаций о нем на страницах самого массового иллюстрированного журнала России «Нива», начиная с апреля 1917 по июль 1918 года.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Г. В. Плеханов, Революция в России, марксизм, социал-демократия, журнал «Нива»

ABSTRACT. This article aims to examine the biography and the creati e heritage of the outstanding thinker and public gure Plekhanov through the prism of publications about h m in the pages of the most popular illustrated magazine of Russia, "Niva", from April 1917 to July 1918.

KEY WORDS. G.V. Plekhanov, The Revoluti n in Russia, Marxism, Social Democracy, magazine «Niva».

Жизнь и творчество Г.В.Плеханова (1856-1918) – выдающегося русского философа-марксиста, историка, литературного критика, революционера и общественного деятеля, одного из основателей группы «Освобождение труда» и РСДРП, представителя России во II Интернационале – удивительно совпали со многими значительными и драматическими моментами в истории России и Европы конца XIX-начала XX столетий. Показательно при этом, что Плеханов никогда не оставался простым очевидцем, а уж тем более хладнокровным наблюдателем разворачивающейся на его глазах драмы. Подтверждением этому может служить и его восприятие событий Февраля и Октября 1917 года, в той или иной степени запечатленное на страницах весьма популярного в ту пору беспартийного журнала «Нива».

Исследовательский интерес именно к этому журналу обусловлен тем, что в советское время его значимость в качестве исторического источник недооценивали по причине отсутствия на его страницах объемных аналитических материалов, затрагивающих жизнь и деятельность Г.В.Плеханова. Между тем, внимательный анализ даже предельно лаконичных разделов хроники и публицистики, а также ряда фотографий, помещаемых в этом иллюстрированном журнале, позволяет увидеть и понять то, мимо чего прошли в недалеком прошлом видные исследователи биографии выдающегося мыслителя и революционера. Нельзя не согласиться и с такой точкой зрения, что «советская историография характеризовала деятельность Г.В.Плеханова положительно в тех случаях, когда он поддерживал В.И.Ленина, и отрицательно, когда он выступал против него» [1].

Сегодня отношение к Плеханову меняется в сторону более адекватного освещения его места а истории общественного движения в России, включая и его отношение к Ленину и прежде всего через призму событий 1917-1918 годов. Более того, современная биография Плеханова, размещенная в Википедии, содержит в себе и раздел, в котором помещены цитаты, затрагивающие именно эту сферу отношений мыслителя к происходящему в стране. Ознакомимся с некоторыми из них: «В Ленине поражает его неразборчивость в средствах, особенно обнаружившаяся в 1905-1907 годах» [2]; «Наша обязанность защищать русский народ от немца, защищать его от Гогенцоллернов. Россия не может изменить своим союзникам. Это покрыло бы ее позором и навлекло бы на нее справедливый гнев и презрение всей демократиче-

1.Урилов,И.Х. Меньшевики в Советской России. К истории изучения/И.Х.Урилов//Вопросы истории, 2009, №8. – с. 124.

2.Платонов,О.А. Покушение на русское царство/О.А.Платонов. – М.: Алгоритм, 2004. – с.245.

ской Европы»; «Задача левых партий заключается в систематическом упрочении позиций, добытых только что свершившейся революцией. Для решения этой задачи они должны не низвергать Временное правительство, как этого бы хотели некоторые политические фанатики, а дружно поддержать его»; «В.Ленин займет место А.Керенского. Это будет начало конца нашей революции» (3 октября 1917г.); «Толковать об организации социалистического общества в нынешней России значит вдаваться в несомненную и притом крайне вредную утопию. Русская история еще не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пышный пирог социализма»; «Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая в конце концов заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года» (октябрь 1917г.) [3].

Поддержка Плехановым всего того, что произошло в России в начале 1917 года, находит свое подтверждение и в одном их номеров «Нивы», посвященном его возвращению на родину. На первой странице журнала, занятой большим портретом видного революционного деятеля, был помещен следующий текст: «Освобожденный русской революцией от 40-летнего «изгнанничества» за границей и вернувшийся на освобожденную родину, маститый деятель социал-демократии собрал вокруг себя все зиждительные силы народного освобождения и стал во главе своего печатного органа «Единство». Приводим его вдохновенные слова из речи, сказанной в заседании Совета Рабочих и Солдатских депутатов: «Да здравствует Россия вольная, независимая, избавленная от эксплуатации внутреннего врага и врага внешнего! Товарищи, было время, когда защищать Россию значило защищать царя. Это было и по той причине, что царь не хотел защищать Россию: царь и его приспешники на каждом шагу изменяли ей. Они не признавали национальную защиту. Но у нас теперь есть, что защищать. Теперь мы сделали революцию и должны помнить, что если немец будет наступать на нас, то это будет означать не только наложение на нас ига немецких эксплуататоров, но и большую вероятность восстановления старого режима. Вот почему нам надо всемерно бороться как против врага внутреннего, так и против врага внешнего» [4].

Данный текст, несомненно, нуждается в комментарии как по части встречи приехавшего 31 марта из Женевы в российскую столицу Плеханова, так и в отношении реакции его сотоварищей на произнесенную их лидером речь. На Финляндском вокзале Плеханова действительно встречали и приветствовали от имени Петроградского Совета его члены Н.С.Чхеидзе, И.Г.Церетели и М.И.Скобелев. Тем не менее он не был допущен в Исполком Совета по той причине, что его «оборонческая» позиция в годы войны, не разделялась деятелями Совета рабочих и солдатских депутатов. Последние были против и его участия в работе Временного правительства. Вот почему отстраненный от руководящей роли в текущих событиях, Плеханов был вынужден ограничиться редактированием своей газеты «Единство», где он публиковал свои статьи и заметки с откликами на важнейшие политические события, вел споры с оппонентами и идейными противниками. Как известно, Плеханов поддерживал Временное правительство и был против «Апрельских тезисов В.ИЛенина, считая их «бредом». К Октябрьской революции он отнесся отрицательно, считая, что захват власти «одним классом или – того хуже – одной партией», может иметь печальные последствия.

Кончина Г.В.Плеханова 30 мая 1918года от многолетнего туберкулеза, вызвала появление в периодической печати ряда воспоминаний о нем его товарищей по освободительному движению в былые годы (Л.Аксельрода, Л.Мартова, Р.Абрамовича, П.Колокольникова, Д.Кольцова, А.Потресова). Об отдельных фактах и деталях жизни и деятельности Плеханова уже после его возвращения в Россию писал в своих мемуарах П.Н.Милюков. На эти источники чаще всего и ориентировались авторы большинства трудов об выдающемся мыслителе деятеле освободительного движения. Что же касается его повседневной жизни и настроениях за два года до смерти, то они как-то выпали из поля зрения исследователей. Между тем, получило свое освещение в очерке М. Добронравова, напечатанного в июне 1918 года на страницах журнала «Нива». Прежде чем перейти к анализу содержания этого произведения, следует сказать несколько слов об его авторе.

Леонид Добронравов (1887-1926) родился в Кишиневе. Когда ему было десять лет, его отец умер, а мать вновь вышла замуж за чиновника местной консистории,

3.Орлов,В.С., Тютюкин,С.В. Г.В.Плеханов современная Россия/В.С.Орлов, С.В.Тютюкин//Отечественная история, 2006, №6. – с.185-188.
4.Нива, 1917, №15 от 15 апреля. – с.1.

после чего семья вскоре переехала в Петербург. Здесь Леонид завершил учебу в духовной семинарии, начатую еще в Кишиневе, а в 1913году окончил юридический факультет Петербургского университета. Свою литературную деятельность он начал с публикации в 1909 году в столичном журнале «Светоч» повести «В поисках вечной истины». Подлинный успех и признание принес писателю роман «Новая бурса» (1914 год), посвященный повседневной жизни будущих православных священников. В 1915 году он опубликовал в журнале «Нива» свои автобиографические произведения «Детство» и «Горький цвет», а уже через год увидел свет новый роман Леонида Добронравова «Князь мира», главным героем которого стал обер-прокурор Священного Синода Победоносцев. Литератор в эту пору много печатался в различных российских журналах, сотрудничая при этом с такими известными писателями, как И.Бунин, А.Ремезов, Л.Андреев, Д.Мережковский, З.Гиппиус, Ф.Сологуб и другими. Его высоко ценил Г.В.Плеханов, как-то сказавший: «Из всех новых писателей читаю только Добронравова. Он продолжает лучшие традиции русской литературы». А потом состоялось и знакомство маститого мыслителя и общественного деятеля с молодым, но уже зрелым литератором, со временем переросшее в активное творческое сотрудничество в 1917-1918 годах.

Октябрь 1917 года круто изменил жизненный и творческий путь Л.М. Добронравова. Во время красного террора, развязанного большевиками по отношению к оппозиционной интеллигенции, писатель понял, что писать так, как прежде, без опасений за свою жизнь, он уже не сможет. Последнее его произведение, опубликованное в двух сентябрьских номерах «Нивы» за 1918 год называлось «Ф.И.Шаляпин. Творчество». В нем он предпринял попытку пересмотреть уже сложившиеся стереотипы в оценке творчества выдающегося певца и актера, предложив «работать над созданием истинного его образа в полном объеме, идя от внешнего к внутреннему, от видимого к невидимому». И многое в этом направлении ему удалось. Иллюстрации к этому произведению создал художник Петр Бучкин. Он же явился и автором замечательного дружеского шаржа на Леонида Добронравова, который соседствовал в данной публикации с многочисленными рисунками Федора Шаляпина в его разных сценических ролях.

Осенью 1918 года, узнав о возможном его аресте, писатель перебирается на свою малую родину. С этого времени он стал выступать в печати уже под именем Леон Донич-Добронравов (первая часть его - Донич принадлежала известному бессарабскому роду по материнской линии). Тогдашний Кишинев уже находился в составе королевской Румынии, а потому его адаптация к творческой жизни здесь имела определенные трудности. По причине этого он отсюда переезжает вначале в Бухарест, а затем, в 1924 году, в Париж. Во Франции он завязывает сотрудничество с рядом изданий русских эмигрантов, строит новые творческие планы, осуществить которые ему, к горькому сожалению его поклонников, было уже не дано. Писатель умер в расцвете творческих сил от туберкулеза.

О политических взглядах Добронравова в определенной степени можно судить по его отношению к выдающимся российским деятелям той поры. В одном из последних своих произведений «Погибшая империя» писатель выразил свое критическое отношение к Николаю II, называя его «маленьким полковником», запятнавшим себя кровью своих подданных; Керенский у него истерический тип, перепутавший реальность с «собственным мнением» о ней; Ленин и Троцкий – это люди, не имеющие ничего общего с народом России, а потому они «ничего, кроме худа, России не принесут». Он обвинял Ленина, Троцкого, Луначарского и Зиновьева в шпионаже в пользу Германии. Симпатизировал он немногим: председателю Государственной Думы Родзянко, генералам Корнилову и Деникину, которые, по его мнению, «пытались спасти честь России» [5]. Весьма добрые представления у него остались от встреч с Плехановым.

Стремлением понять этого необыкновенного человека пронизан весь его очерк Леонида Добронравова «Плеханов», начиная с первых строки до последней: «В первый раз я увидел его на Финляндском вокзале, ночью, когда он вышел из вагона, возвратясь на родину после заграничного изгнания. При звуках «Марсельезы», которую играл военный оркестр, громких криках «ура» - он стоял с букетом красных цветов, преподнесенных ему, глядя куда-то поверх голов окружающей его толпы. Мне показалось, что смотрит он в свое прошлое, отделенного от этого дня сорока годами. Он

5.Ижболдина, И. Бессарабский мечтатель Леон Донич-Добронравов: между стеной и бездной/ И.Ижболдина//Русин, 2008, №1-2. – с.112-116.

был растроган. Его сухое, сдержанное лицо светилось каким- особенным сиянием. Движения его были легки, повороты головы энергичны и молоды. В нем не было ничего русского. Он похож был на иностранца, точнее, на европейца, приехавшего в Россию».

Внимание автора к внешнему облику знаменитого соотечественника вполне объяснимо. Оно проявлялось и в последующих встречах с ним, причем не только в ходе совместной работы, но и в домашних условиях. Но вначале о редакционной работе: «Первые дни и первые недели его пребывания на родине проходили в приемах депутаций, министров и частных лиц, приходивших приветствовать его, Приехавшего «через смерть». Затем он переехал на дачу в Царское Село, почувствовав недомогание от столичной суеты и петербургского климата. Но живя в Царском, он руководил газетой «Единство», будучи главным ее редактором. Каждый день, обсудив содержание нового номера, мы, члены редакции, отправляли в Царское к Плеханову секретаря редакции или кого-нибудь изнаших товарищей, кто вызывался съездить к нему с материалами для номера. И каждый день Плеханов аккуратно присылал свою очередную статью. Он очень сожалел о том, что нездоровье мешает ему жить в Петербурге (писатель, очевидно, сознательно, по какой-то ему известной причине, здесь и далее называет Петроград по старинке Петербургом, - В.Ч.), и что он вынужден редактировать газету, не выезжая из Царского Села».

И все же иногда редактору это удавалось: «Однажды в конце мая (1917 года. – В.Ч.), придя в редакцию на заседание, я услыхал о приезде Георгия Валентиновича. Заседание уже началось. За столом, посредине, сидел Плеханов, сложив на лист лежавшей пред ним бумаги сухие свои руки. Я сел рядом, на свободный стул. Разговор шел о покупке в Америке типографских машин для газеты». В ходе всего заседания Добронравов не спускал глаз со своего редактора, следил за манерой его поведения, вслушивался в его немногословную речь: «Плеханов внимательно слушал выступающих, наклонив голову с гладко зачесанными волосами, с четким породистым профилем. Густые черные брови его, нависавшие над глазами, придавали его лицу немного суровый оттенок. На лбу выступали надбровные бугры – шишки мыслителя. Он спросил, как скоро могут быть доставлены машины. Голос его был ясный, звучный, - голос оратора, с твердыми, четкими интонациями. Одет он был с изысканной простотой, во всем его облике сквозила породистость. Сам он говорил о машинах со спокойствием человека, вынужденного говорить о мало для него интересных предметах, но о которых говорить необходимо. Когда кто-то из сидевших перебил его, то он замолчал и, не глядя в ту сторону, откуда раздался голос, отчетливо сказал; «Виноват, я еще не кончил». Сказав то, что он хотел сказать, он стал чертить карандашом по бумаге. При одном из нажимов карандаш сломался. Плеханов неторопливо достал из кармана серый замшевый чехольчик, вынул из него ножик, очинил карандаш и, вытерев нож, спрятал его в карман. Чувствовалось, что такая аккуратность европейца вошла у него в привычку».

Когда вопрос о типографских машинах был завершен, Плеханов повернулся к Добронравову, поприветствовал его, после чего предложил ему подумать о статье, посвященной развитию провинциальной прессы. На что писатель деликатно ответил редактору, что в данный момент он занят написанием статьи о речи Достоевского на пушкинском празднике. И в ответ услышал следующее: «Не советую вам заниматься сейчас Достоевским. На нас надвигается контрреволюция. Давайте освещать ее причины. Это имеет широкий общественный резонанс. Подумайте о статье в этом ключе. Мне хотелось бы, чтобы вы ее написали. А о Достоевском поговорим. Приезжайте в Царское». Предложение приехать на дачу к Плеханову ранее поступало Добронравову и от жены редактора Розалии Марковны, выполнявшей обязанности его личного секретаря, однако боясь стеснить чету Плехановых, он тогда не решился на эту поездку. Но после второго приглашения съездить в Царское ему следовало обязательно. .В один из воскресных летних дней Добронравов побывал у Плеханова, который. как оказалось, весь свой досуг посвящал большому исследованию о театре. Состоялся большой заинтересованный разговор о тенденциях в развитии западноевропейского и русского театра, о Качалове, Шаляпине и других актерах. Потом заговорили о путях развития русской литературы и о литературе вообще. Уже прощаясь. Плеханов спросил у гостя: «А как статья о контрреволюции? Пишется?». И услышав в ответ, что «не пишется, так как времени нет», мягко заметил: «Надо писать, тем более, что сейчас время для беллетристики неподходящее, а вот статьи непременно должно писать. И хотя вы не считаете себя политиком, однако ваша статья об упразднении Государственной думы получилась и в нескольких изданиях ее даже цитировали. Я сле-

дил. Итак, статья о контрреволюции – за вами».

В последующем общение Добронравова с Плехановым еще более углубилось, что и позволило автору очерка перейти от чисто внешнего восприятия последнего к осмыслению его роли в общественной жизни России. Он, в частности, отмечал: «С каждым днем все более выяснялось, что Плеханов в революционной России «пришелся не ко двору». Каждый день его бывшие ученики резво гарцевали на страницах газет, обзывая своего учителя разными нехорошими словами. Приехавший на родину с жаждой работы, Плеханов обречен был на бездействие. Его государственный ум, зорко провидевший и точно определявший следствие всех событий, происходивших в те дни, не понадобился ни Временному Правительству, ни Совету. Против Плеханова тесно соединилось «сплоченное большинство», и это понятно: критика его была разрушительна и едка. И он очутился в одиночестве. Ему приписывали слова, каких он не произносил, мысли – никогда не бывшие его мыслями. Впрочем, это было не ново; так с ним поступали всегда, выступал ли он, как литературный критик, в качестве ли социолога или главы политической группы. Сложная и стройная его теория экономического материализма превращалась при содействии опытных в этом деле лиц в служение капиталу. Призывавший к совместной работе с буржуазией для отпора внешнему врагу и для созидания новой России, Плеханов бал объявлен продавшимся «капиталистам и помещикам».

Не стану перечислять всех нелепостей, какие распространялись о нем, затемняя в сознании широких масс его истинный облик. Заключенный своей болезнью в Царском, он не мог принимать непосредственного участия в политической борьбе; он ограничивался лишь писанием передовых статей в газету «Единство», вскрывая много несуразных противоречий в тогдашней политической жизни и освещая последствия событий даже тем, кто творил эти события, не понимая их значения и смысла. Мне случалось видеть в редакции «Единства» разных лиц, различного положения, возраста, происхождения. Они приходили поговорить с Плехановым, от него услышать ответы на те проклятые вопросы общественной жизни, какие выдвигала действительность. Запомнился мне пожилой полковник, его красное лицо, растерянная речь: «Как же так? Мне завтра надо ехать на фронт. А мне надо поговорить с Плехановым». И хотя ему, да и другим посетителям редакции, говорили, что Георгий Валентинович болен, живет в Царском. а здесь никого не принимает, он с особым ударением произносил «надо». Бывали в редакции и очень подозрительные лица. Они справлялись, ежедневно ли бывает здесь Плеханов, в котором часу приезжает, когда уезжает. Они не высказывали желания видеть его, собирая лишь сведения для кого-то нужные. Плеханов бывал в редакции, но на короткое время и очень редко».

Еще во время своего первого визита к Плеханову в Царское Село, Добронравов обратил внимание на то, что у «парадной двери его дачи, на стене, висела карта театра военных действий. Линия нашего фронта обозначена была черным шнурком, прикрепленным к карте булавками». Последнее подтверждало его огромный интерес к событиям на передовой. Плеханов с большим воодушевление воспринял и наступление новой российской армии 18 июня 1917года на Юго-Западном фронте: «В тот день, когда мы получили известие об этом событии, Плеханов приехал в редакцию. Он словно посвежел, окреп, помолодел. Он взволнованно говорил о необходимости устраивать митинги, разъяснять смысл наступления, поддерживать общий подъем, укреплять надежду на возрождение и воскресение России. И уже несколько часов спустя, он выступал на митинге у Казанского собора (исходя из подписи под фотографией участников этого мероприятия с Плехановым в центре следует, что оно происходило у Мариинского дворца. В.Ч.): «Если я спрошу вас, какой сегодня день, вы ответите, что сегодня понедельник. Но это неправда. Сегодня воскресенье, потому что сегодня воскресла Россия!». Он говорил об этом, стоя среди знамен, плакатов и флагов, говорил о любимой России, говорил, как любящий ее сын и как гражданин. Этот день был для всех нас днем надежд, днем прорыва. Все следующие дни мы жили в ожидании воистину чуда – воскресения России. Читали телеграммы только из Ставки, говорили только о военных действиях, следили по карте за продвижением наших войск. Но постепенно, с каждым днем стали раздаваться иные голоса, и как-то незаметно подошло второе июля - начало июльского восстания».

События начала июля 1917 года, последовавшие за досадным поражением на фронте и уходом из власти министров –кадетов, нарушили равновесие между Временным правительством и Петросоветом. Начавшиеся в столице демонстрации рабочих и солдат под лозунгами большевиков об отставке Временного правительства и о передаче власти Советам вызвали отпор правых сил, который привел к кровопро-

литию, Исследователи и по сей день расходятся в оценке июльских событий и той роли, которую сыграли в них противоборствующие силы. А вот как отнесся ко всему этому Г.В.Плеханов через восприятия автора очерка о нем: «Вечером 5-го июля в редакцию приехал Плеханов. Началось заседание. Очевидцы кровавых столкновений рассказывали о том, что они видели на улицах, сообщали о настроении масс. Все, кроме Плеханова,были взволнованы. Он слушал наклонив голову, слушал спокойно, со спокойствием человека, знающего наперед все, что ему расскажут. Когда все высказались, начал говорить он.

Он говорил, что бывают минуты, когда трудно сохранять спокойствие, но что спокойствие необходимо; оно проясняет наши мысли и предохраняет нас от ошибок. Один ложный шаг часто губит с трудом добытые плоды многолетних завоеваний. Как бы не сложились в будущем обстоятельства – наша позиция остается неизменной: полное объединение всех сил страны вокруг одной цели – спасения отечества и сохранения свободы, которой угрожает смертельная опасность от всевозможных политических авантюр. Никогда не надо идти вперед, не закрепив завоеванных позиций. Пусть нас упрекают, что мы идем медленно, но мы идем верно. Это – единственный путь, по которому мы придем туда, куда надо. В те минуты, когда Плеханов говорил это, речь его показалась мне сухой, отвлеченной. И только спустя много дней выяснилось все ее значение, весь ее смысл, продиктованный долгим опытом и наблюдением, дающим мудрость. «Не надо увлекаться, - сказал мне Плеханов, когда мы разговорились во время перерыва, - будьте осторожны с внезапными революциями. Чтобы не говорили, наша революция - революция буржуазная. Мы находимся на той стадии общественного развития, когда без помощи буржуазии свобода обречена на гибель. Некоторые же склонны думать иначе и думают, что социальное переустройство совершится так легко и просто, как у Гоголя – помните? – вареники сами прыгали сначала в сметану, а потом в рот Пацюка».

Размышляя о последних годах жизни своего героя, Добронравов сделал следующее заключение: «Мне кажется, что за время пребывания Плеханова в России, у него было два, только два приятных дня. Первый – когда ступил он на родную землю. И второй – когда состоялась по его инициативе в Петрограде, а потом в Царском Селе конференция группы «Единство». На конференцию съехались представители провинциальных плехановских ячеек, чтобы увидеть и услышать своего учителя и руководителя. Говорилось на ней о войне, новом правительстве и о текущем моменте. Плеханов захватил своим выступлением всех участников конференции. Голос его по-прежнему был звучен, ровен и тверд. Он говорил о тактике политической борьбы, приводил примеры из западной жизни, блеснул двумя-тремя тонкими остротами, был внутренне воодушевлен. Я не видел перед этим его недели две, и перемена в его лице меня поразила. Глаза ввалились, на висках темнели впадины, нос заострился, а над втянутыми щеками выступили скулы. Болезнь и тревоги делали свое дело. Да, это был старик, одинокий боец, умеющий однако показать свое фехтовальное искусство. Тем не менее был воодушевлен тем вниманием, которое отражалось на лицах его учеников, а слова его накалялись внутренним огнем. Такого Плеханова я видел последний раз».

Октябрьскую революцию Г.В.Плеханов не принял, и об этом было хорошо известно большевикам, уже давно внесших его имя в число своих недругов. Вот что пишет об этом времени Добронравов: «Наступили октябрьские дни. Плеханов был опасно болен. Но в болезни, но в жару не забывал он ни на минуту, что его могут арестовать, и все ночи проводил готовый к внезапному обыску и аресту». Последнего не случилось, но 31 октября (13 ноября) 1917 года в ходе обысков, связанных с поисками оружия во всех «буржуазных» домах Царского Села, был произведен обыск и в доме Плеханова. Не исключено, что именно с результатами его было связано закрытие плехановской газеты «Единство» и переименование ее в «Наше единство». 5 января 1918 года состоялось открытие Учредительного собрания, закончившееся расстрелом большевиками массовой демонстрацией в ее поддержку, а через несколько дней прошли похороны жертв расправы новой власти над своим народом. Плеханов откликнулся на нее своей последней статьей, опубликованной в газете «Наше единство» 11 января 1917 года.

Далее автор очерк отмечает: «Плеханова обыскивали несколько раз, несмотря на то, что обыскивавшим говорили об его тяжелой болезни, обыскивали грубо, бесцельно. Зачем? Почему? Кому это было нужно? Здоровье его ухудшалось с каждым днем. Его перевели в Петербург, в больницу. Он угасал медленно, незаметно, забытый даже теми, кто при имени Плеханова делал глубокомысленное лицо: «На него

наша надежда!». Но чем ближе подходил он к гробу, тем величавее становился его образ в глазах людей, ушедших с путей, начертанных его вещей рукою. Его умирание с твердым и ясным сознанием долга напоминало мне гибель капитана, тонущего во время катастрофы на своем корабле, не желая покинуть его. В нем было что-то напоминавшее мучеников, погибающим за веру, считая ее правой и святой. Его религией было счастье пролетариата, которому он отдал всю свою жизнь, Всю силу, пафос, ум, энергию, всего себя. Быть может, живя на чужбине, вдали от волнений и непонимания, он жил бы еще многие годы, ибо в нем жила сила всепобеждающего духа. Но он не выдержал при вести о свободе и приехал «через смерть», чтобы найти смерть на родной земле, где должна была начаться для него новая жизнь. Приехав в Россию, он очутился в положении того человека, который, придя на бал танцевать, встретил там одних безногих и хромых. Плеханов своею судьбой подтвердил правило, ставшее, к сожалению, законом о пророке, не имеющим славы в своем отечестве».

Завершает свой очерк Леонид Добронравов в некотором роде провидчески, весьма удачно сопоставив размышления о смысле человеческой жизни двух великих русских людей той эпохи – Г.В.Плеханова и А.М.Горького: «Несколько лет назад Плеханов писал: «Страшнее гибели может быть одно: неудача того дела, которому отдался всем своим сердцем и всем своим помышлением. И даже неполная неудача, а хотя бы простое сознание того, что торжество дела, казавшееся близким, уходит в неопределенное будущее. При известном настроении подобное сознание несомненно страшнее смерти, так как оно способно внести отчаяние даже и в очень сильную душу. Вот почему участники освободительного движения пролетариата не должны обольщать себя слишком розовыми; они должны избегать излишнего оптимизма». Цитируя глубокого мыслителя, автор отмечает следующее: «Эти слова и эти мысли могут осветить нам то душевное состояние, какое пережил Плеханов. Он испытал нечто более страшное, чем гибель; но у него это страшное предшествовало гибели. Ему было суждено до дна испить чашу горя. Только после его смерти люди вдруг вспомнили, что есть, вернее, был Плеханов, и что он был их учителем. И те, кто травил его при жизни, к нему мертвому понесли свое сочувствие и свою запоздалую любовь. Наше это, русское? Или же общечеловеческое? Не знаю. Одно знаю, что нехорошее». И далее: «Горький вложил в уста одного из своих героев: «Всех мы убиваем! Которых пулями, которых словами; всех мы убиваем делами нашими. Гоним людей со свету в землю и не видим этого и не чувствуем, а вот когда бросим человека смерти, тогда и поймем нашу вину перед ним. Станет жалко умершего, стыдно перед ним и страшно в душе, ведь и нас также гонят, и мы в могилу приготовлены!..».

Последние же строчки очерка Добронравова больше походят на слова из некролога, тем более, что в его заключительной части редакция поместила фотографию покойного Плеханова в гробу, обрамленному многочисленных венками, но и они несомненно важны для осмысления величины потери, постигшей тогда Россию: «Умер Плеханов – и потянулись депутации, понесли вереницы венков, ораторы стали произносить пламенные речи, как бы желая посмертным почетом загладить свое прежнее равнодушие. Трудно предсказывать будущее, но быть может смерть Плеханова напомнит людям его заветы, быть может через его могилу враждующие протянут друг другу руки и соединят их в братском пожатии» [6]. Обращение к содержанию иллюстрированного массового журнала «Нива» следует признать вполне оправданным при необходимости всестороннего анализа различных аспектов истории России конца XIX- начала XX веков, включая и биографии ее выдающихся деятелей, к числу которых следует отнести и последние годы в жизни и творческой деятельности Г.В.Плеханова.

ЛИТЕРАТУРА:

- Урилов,И.Х. Меньшевики в Советской России. К истории изучения/И.Х.Урилов// Вопросы истории, 2009, №8.
- Платонов,О.А. Покушение на русское царство/О.А.Платонов. – М.: Алгоритм, 2004.
- Орлов,В.С., Тютюкин,С.В. Г.В.Плеханов современная Россия/В.С.Орлов, С.В.Тютюкин//Отечественная история, 2006, №6.

6.Добронравов,Л.М. Плеханов. Очерк/Л.М.Добронравов//Нива, 1918, №29 от 20 июля. – с.457-461.

- Нива, 1917, №15 от 15 апреля.
- Ижболдина, И. Бессарабский мечтатель Леон Донич-Добронравов: между стеной и бездной/И.Ижболдина//Русин, 2008, №1-2.
- Добронравов,Л.М. Плеханов. Очерк/Л.М.Добронравов//Нива, 1918, №29 от 20 июля.

REFERENCES:

- Urilov,I.KH. Men'sheviki v Sovetskoy Rossii. K istorii izucheniya/I.KH.Urilov//Voprosy istorii, 2009, №8.
- Platonov,O.A. Pokusheniye na russkoye tsarstvo/O.A.Platonov. – M.: Algoritm, 2004.
- Orlov,V.S., Tyutyukin,S.V. G.V.Plekhanov sovremennaya Rossiya/V.S.Orlov, S.V.Tyutyukin//Otechestvennaya istoriya, 2006, №6.
- Niva, 1917, №15 ot 15 aprelya.
- Izhboldina, I. Bessarabskiy mechtatel' Leon Donich-Dobronravov: mezhdu stenoy i bezdnoy/I.Izhboldina//Rusin, 2008, №1-2.
- Dobronravov,L.M. Plekhanov. Ocherk/L.M.Dobronravov//Niva, 1918, №29 ot 20 iyulya.

ПО СЛЕДАМ ГРУШЕВСКОЙ ТИПОГРАФИИ И КОРОЛЕВСКОГО ЕВАНГЕЛИЯ

FOLLOWING THE FOOTSTEPS OF THE GRUSHEVSKY PRINTING HOUSE AND THE ROYAL GOSPEL

УДК
UDC – 929

Разгулов Валерий Михайлович, краевед, историк-архивист, исследователь наследия Ф. Ф. Аристова, учредитель и редактор "Карпатской панорамы". Украина. Мукачев.

Valery Razgulov, historian, archivist, researcher of the heritage of F. F. Aristov, founder and editor of the "Carpathian Panorama". Ukraine. Mukachev.

РЕЗЮМЕ. В статье приводятся факты доказывающие реальное существования типографии Грушевского монастыря, который был центров православия и культурной жизни карпатских русин. Делается предположение о работе в Грушевской типографии известного книгопечатника Фиоля.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Грушевский монастырь, Карпатская Русь, книгопечатник Фиоль, православие.

ABSTRACT. The artic e cites facts proving the real existence of the printin house of the Grushevsky Monastery, which was the center of Orthodoxy and the cultural life of the Carpathian Rusyns. The assumption s made about the work in the Grushevsky printing h use of the famous book printer Fiol.
KEY WORDS. Grushevsky Monastery, Carpathian Rus, book printer Fiol, Orthodoxy.

Для историков, изучающих прошлое Закарпатья (Прдкарпатской Руси), одним из наиболее интересных является вопрос - существования здесь на рубеже XV – XVI веков типографии, печатавшей славянские книги. Некоторые исследователи, склоняются в пользу гипотезы, что первым закарпатским печатником мог быть известный краковский типограф и издатель Фиоль (Фиголь), уроженец немецкой провинции Франконии. Его судьба после вынужденного отъезда из Кракова еще не выяснена полностью. Известно, однако, что в Венгрии он поселился на землях с коренным русинским населением. Справедливо было бы предположить, что книгопечатник и тут продолжал свое дело. Во всяком случае, существуют косвенные указания на то, что в Закарпатье Фиоль прибыл с солидным багажом, основой которого могло составлять типографическое оборудование. Как раз в то время, когда в Кракове происходили инквизиционный процесс и расправа, учиненная над Фиолем, в Прикарпатском крае православие занимало главенствующее положение. Это видно хотя бы из того, что мукачевские римо-католики должны были платить десятину в пользу православного монастыря и епископской кафедры в Мукачеве. Об этом свидетельствует грамота Иоанна Корвина, датированная 1491 годом.

В XV ст. Мукачево и Грушево являлись важными центрами православия. Большое значение имел грушевский экзархат, выделенный еще в 1391 году из галицкой митрополии. В Грушевском монастыре монахи занимались перепиской книг. Эти списки были известны во Львове, Киеве, Дебрецене и в Москве. Не исключено, что и переписчик «Закарпатского евангелия», датированного 1401 годом (он сам называет себя «Грамматик многогрешный из Налабского града Станислав»), был послушником грушевского монастыря. Эта книга – Королевское Евангелие, переписанная 616 лет тому назад русином Станиславом Громатиком в Королевском замке Нялоб на исторических землях Карпатской Руси, представляет для нас уникальные данные о языке, богослужении народа по другую сторону Карпат. Драгоценное сокровище русинского народа хранится в Закарпатском краеведческом музее в Ужгороде. Этот фолиант открыт в досоветское время, 20 июня 1945 года, властями независимого государства – Закарпатской Украины – Подкарпатской Руси. В связи с этим возникает ряд вопросов: прежде всего о личности переписчика Королевского Евангелия таинственном Станиславе Грамматике. Кто он? Что могут дать анализы текста? О чем говорит язык текста? Существуют ли подобные тексты или надписи в других местах?

Первооткрыватель «Королевского Евангелия» при составлении каталога библиотеки Мукачевского монастыря в 1951 году – ранее неописанных книг, известный исследователь, ученый, духовник монастыря архимандрит Василий Пронин, исходя из записей в конце книги, считал, что переписчиком мог быть русин или знающий «закарпатский язык» из-под Кракова. В свою очередь, украинские исследователи, не имея на то никаких данных, интуитивно «подозревают», что «писчиком» был только украинец. Аргумент, «имя Станислав», а также сокращенная форма от него «Станко» распространена в Прикарпатском крае в качестве фамилии, которая прослеживается и в средние века. А тут по их версии украинских историков жили русины-украицы. В тоже время, есть все основания считать, что переписчиком Няговского (Королевского) Евангелия мог быть и серб, профессиональный монастырский переписчик середины XIV и начала X V веков, монах, как официально называли монахов-переписчиков и иконописцев, «грамматик» Станислав из Штипа (сегодня Македония). Все что известно о грамматике Станиславе из Штипа говорит о том, что именно он может быть идентифицирован как переписчик знаменитых «лесновских рукописей» из Лесновского монастыря близ города Кратова (сегодняшняя Македония). Одна из рукописей датирована 1330 г., вторая – 1342 г.

Если принять за факт, что Няговское (Русинское Королевское) Евангелие было переписано в 1401 году, то можно со всей уверенности утверждать, что переписчиком в замке Нялаб в Королево (в те времена имело название Киральхаза – королевский дом) был серб (македонец, русин) Станислав грамматик из города Штипа. К слову, эту версию подтверждает и тот факт, что в македонском селении Горен Козяк, в церкви святого Георгия, на обнаруженной там настенной надписи, текст содержит ясные славяно-русинские слова в правильном склонении, где среди писчиков этой надписи упоминаются три лица с титулами «грамматик»: Нестор, Станислав и Войхна, два священника Михаил и Ванько, и имя некого Братана. Приведенный анализ подтверждает датирование надписи в период с середины XIII века до начала XIV –го, а еще, дату надписи в церкви св. Георгия подтверждает анализ графита. Помимо этого идентификация исторической личности деспота Торника (государь, один из титулов в Византийской империи), которая упоминается в надписи, позволяет установить ее примерную дату нанесения. Русинами Закарпатья, которые издревле в богослужениях используют материнский церковнославянский язык, текст «граффити» прочитывают без проблем: « Я поп Иванько из Шипа, я Станислав Грамматик из Шипа, я Братан из Македонии… я грамматик Войхна из т(е)тева… да Михаила попа писарь… я грамматик Нестор написали слова в день деспота Торника…». Отметим, что Королевское Евангелие написано на 176 листах и украшено миниатюрами, заставками и инициалами. В этом фолианте помещены Евангелия от Матфея, Марка, Луки, Иоанна. Факсимильное издание Королевского Евангелия 1401 года, было издано в прошлом году, тиражом 100 экземпляров. Этому важному культурному событию предшествовала огромная, кропотливая робота, так как пришлось собирать некоторые страницы по кусочкам, воспроизводили тексты.

Упадок славянских традиций, рост мадьярского влияния начались в годы насильственного насаждения унии. Габсбурги старались оторвать население Закарпатья от Востока и Руси, а православие ими называлось «московской верой». Положить ему конец должна была уния, введенная в 1649 году. Грушевский монастырь стойко противостоял ее принятию и за свое сопротивление был предан сожжению. Не удивительно, что, прибыв в Закарпатский край, Фиоль, вероятнее всего, направился именно в Грушево. Известно, что здешний монастырь обладал библиотекой, по числу книг превосходившей библиотечные собрания монастыря в Мукачеве. Библиотека мукачевской обители была хорошо изучена и описана, в том числе и известным русским ученым-славяноведом Алексеем Петровым (1859-1932). Изучая материалы, относящиеся к книгопечатнику Фиолю, учитывая существовавшие в то время отношения и обстановку, вполне возможно прийти к выводу, что бежавший от преследования краковской инквизиции Фиоль, покинув Польшу, продолжал свое книгопечатное дело в Грушеве.

Грушевская ставропигия, дарованная константинопольским патриархом Антонием IV в 1391 году, подобно Львовской, находилась в оживленных контактах со многими славянскими землями. В Грушеве несомненно знали о существовании во Львове типографии московского печатника Ивана Федорова, который успешно работал в Московии на протяжении 1553-1563 годах, в доме священника Сильвестра. Его печатные книги, в том числе и «Апостол», пользовались огромным спросом. Но есть и другое мнение, к которому прислушаются и цитируют отдельные украинские иссле-

дователи, «ссылаясь» на редкое издание Михаила Щелкунова «Искусство книгопечатания в его историческом развитии». Москва, 1923 г. Этот ученик Покровской школы в необоснованно и с предвзятостью утверждал: «Когда Гутенбург успел пройти свой жизненный путь, и в Европе множились типографии, Россия не многим отличалась по своему быту от современных эскимосов или алеутов, сидя длинными зимами в своих темных берлогах. Суровый климат и отсутствие общения с культурными народами сделали свое дело. И право же, немного у нас оснований для гордости, не по их вине – нашими предками, если они имели членораздельную речь, в которой бранные и грубые слова занимали видное место, да успели освоить пьянство и всякие пороки, да били своих жен и детей… И в этот феодальный лес не западал и не мог запасть ни один луч истины, поскольку представители культуры оказался малограматный в массе священник, перевирающий даже то немногое, что было необходимо в служении его Богу. При этих условиях у Московии никакой потребности в печатании книг: их некому было читать». Эта обширная цитата приводится, чтобы показать, как весьма сомнительный историк Михаил Ильич Щелкунов (1884-1938), - востребован теперь отдельными историками на Украине. Справедливости ради, следует отметить, что Щелкунов создатель уникального Музея Книги при Государственной Румянцевской библиотеке.

Надо полагать, что и в Грушеве ставропигиальное братство старалось создать свою собственную типографию. Приезд немца Фиоля в Грушево был очень кстати, и братству нельзя было не использовать его. Возникает вопрос: почему не сохранилось книг грушевской печати? Чем объяснить, что до наших дней не найти ни один экземпляр из числа книг, изданных Фиолем в Грушеве? Вопрос этот может оказаться менее сложным, чем представляется на первый взгляд. Точно так же, как не найдено до сих пор изданий грушевской типографии, не найдено ни одного издания львовской типографии Дропана, существование которой подтверждено документальными данными. Приводя аналогичные примеры, можно было бы указать, что до наших дней не дошел ни один экземпляр из числа первых изданий Костера, не сохранились многие издания Гутенбурга. Сравнительно недавно, в историческом измерении, обнаружен единственный экземпляр напечатанной Иваном (Иоанном) Федоровым в Остроге «Азбуки». Так что отсутствие экземпляров книг – это еще не доказательство того, что в Грушеве типографии не существовала. Однако отметим, что в огромной библиографии про типографию в Грушевском монастыре значится и опус Александра Ороса, автора книги «Грушевський монастир і початки кирилличного слов'янського книгодрукування» - Ужгород. 2001 г. Закарпатский историк Александр Ворошилов считает это издание больше похожее на «антинаучный детектив». И с эти трудно не согласится.

Исследователям этой темы, лучше обратить внимание на то обстоятельство, что среди книг Фиоля, сохранившихся до наших дней, только отдельные экземпляры обладают выходными данными. Книга того же названия, напечатанная в Грушеве тем же шрифтом, что и аналогичная книга, изданная в Кракове, может ошибочно по сегодняшний день считаться «краковской». И у автора есть все основания считать, что могут иметься различия, и существенные. Русинский подвижник, игумен Мукачевского Свято-Николаевского монастыря Анатолий Кралицкий (1835-1894) в свое время сигнализировал, что в отдельных экземплярах книг Фиоля попадаются разночтения. За этими разночтениями (переносы, иные буквы, иная, выражаясь современным языком, - верстка) может по существу скрываться разгадка существования грушевской типографии Фиоля. Подобно тому, как в Кракове книги, напечатанные Фиолем, сжигали на кострах, так и в Прикарпатском крае униатские и римо-католические монахи и духовенство, захватив имущество православных монастырей и церквей, систематически уничтожали «схизматические» книги. Среди так называемых «анонимных» первопечатных произведений имеется также несколько книг, напоминающих своим шрифтом издания Фиоля. Может быть, именно среди них надлежит искать продукцию грушевской типографии?

Еще русинский подвижник, Евмений Сабов (1959-1934) указывал, и не без оснований, что книги, изданные в грушевской типографии, частично могли погибнуть во время пожара тамошнего монастыря. Тогда же сгорело и книгохранилище грушевской ставропигии. (Е. Сабов «Христоматія церковно-славянских и угрорусских литературных памятников». Унгвар. 1893 г.). В 1865 году, в «Сборнике галицко-русской матицы» сообщалось, что Фиоль, покинув Польшу, поселился в грушевском монастыре, где и продолжал издавать книги. Этой же версии придерживался и Евгений Перфецкий (1888-1947), который исследовал историю типографий и старопечатных книг в Подкарпатской Руси. (Е. Перфецкий «Печатная церковно-славянская книга Угорской

Руси в XVII –XVIII в.в.». Петроград, 1917 г.). Карпаторусский исследователь Юрий Качий (1925-1990) считал, что, возможно, в Грушеве Фиоль перепечатал из краковских изданий и «Триодь цветную». К счастью, предположительно, это издание дошло до наших дней, и ждет своего исследователя. Не исключено, что оно было напечатано в Грушеве… Среди противников версии, что в грушевском монастыре - не существовала типография, стоит выделить профессора Е. Л. Немировского, автора фундаментального труда «Начало славянского книгопечатания».

ЛИТЕРАТУРА:

- Валерий Разгулов: Страницы прошлого «По следам Грушевской типографии», «Карпатська панорама», 26 січня 2014 року;
- Валерий Разгулов: Страницы прошлого «Переписчик Королевского Евангелия» - Станислав Грамматик был русином», «Карпатська панорама», 3липня 2014 року;
- Олександ Орос : «Грушівський монастир і початки кирилличного слов*янського книгодрукування», Ужгород. 2001 р.»;
- Олександр Ворошилов: «Монополія на істину… Або детективні пошуки українського першодрукаря на Закарпатті», «Старий Замок», 17 січня 2002 р.;
- Василь Пагиря: «Безпідставні звинувачення», «Старий Замок», 24 січня 2002 року;
- Василий Пронин (архимандрит): «Закарпатское Евангелие 1401 года», «Православная мысль», Прага. 1952 г. № 2;
- В. Л. Микитась: «Давні рукописи і стародруки бібліотеки Ужгородського університету», Опис і каталог. Ужгород. 1961 р.;
- В. Л. Микитась: «Давні книги Закарпатського державного краєзнавчого музею», Опис і каталог. Львів. 1964 р.;
- Е. Е. Голубинский: «К вопросу о начале книгопечатания в Москве», Москва. 1985 г.;
- Е. Л. Немировский: «Возникновения книгопечатания в Москве», Москва, 1964;
- Евмений Сабов «Христоматія церковно-славенских и угрорусских литературных памятников», Унгвар. 1893;
- Евгений Перфецкий: «Печатная церковно-славянская книга Угорской Руси в XVII-XVIII вв.», Петроград. 1917 г.

REFERENCES:

- Valeriy Razgulov: Stranitsy proshlogo «Po sledam Grushevskoy tipog afii» «Karpats'ka panorama», 26 síchnya 2014 roku;
- Valeriy Razgulov: Stranitsy proshlogo «Perepischik Korolevskogo Yevangeliya» - Stanislav Grammatik byl rusinom», «Karpats'ka panorama», 3lipnya 2014 roku;
- Oleksand Oros : «Grushívs'kiy monastir í pochatki kirillichnogo slov*yans'kogo knigodrukuvannya», Uzhgorod. 2001 r.»;
- Oleksandr Voroshilov: «Monopolíya na ístin … Abo detek vní poshuki ukraĭns'kogo pershodrukarya na Zakarpattí», « ariy Zamok», 17 síchnya 2002 r.;
- Vasil' Pagirya: «Bezpídstavní zvinuvachennya», «Stariy Zamok», 24 síchnya 2002 roku;
Vasiliy Pronin (arkhimandrit): «Zakarpatskoye Yevangeliye 1401 goda», «Pravoslavnaya mysl'», Praga. 1952 g. № 2;
- V. L. Mikitas': «Davní rukopisi í starodruki bíblíoteki Uzhgorods'kogo unívesitetu», Opis í katalog. Uzhgorod. 1961 r.;
- V. L. Mikitas': «Davní knigi Zakarpats'kogo derzhavnogo kraêznavchogo muzeyu», Opis í katalog. L'vív. 1964 r.
- Ye. Ye. Golubinskiy: «K voprosu o nachale knigopechataniya v Moskve», Moskva. 1985 g.;
- Ye. L. Nemirovskiy: «Vozniknoveniya knigopechataniya v Moskve», Moskva, 1964;
Yevmeniy Sabov «Khristomatí a tserkovno-slavenskikh i ugrorusskikh literaturnykh pamyatnikov», Ungvar. 1893
- Yevgeniy Perfetskiy: «Pechatnaya tserkovno-slavyanskaya kniga Ugorskoy Rusi v KHVÍÍ-KHVÍÍÍ vv.», Petrograd. 1917 g.

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В БССР И ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ. 1921-1939 ГГ. (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)*

RELIGIOUS SITUATION IN THE BSSR AND WESTERN BELORUS. 1921-1939 (COMPARATIVE ANALYSIS)**

УДК
UDC – 172.3

Лев Евстафьевич Криштапович, доктор философских наук, профессор Белорусского государственного университета культуры и искусств
PROF., PH.D. Lev Krishtapovich, Belarusian State University Of Culture And Fine Arts

РЕЗЮМЕ. В статье дается сравнительный анализ положения Православной Церкви в БССР и Западной Белоруссии в 1919-1939 гг. Выявлена сущность попыток белорусизации Православной Церкви в БССР и политики Польской церкви по отторжению собственности Православной Церкви в Западной Белоруссии.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Белорусизация, автокефалия, Православная Церковь, Польская церковь.

ABSTRACT . A comparati e analysis of the position of the Orthodox Church in the BSSR and Western Belorussiya in 1919-1939 is given. The essence of a empts of the belarusizatio of the Orthodox Church in the BSSR and the policy of the revendication f the Polish Church towards the Orthodox Church in Western Belorussiya is revealed.
KEY WORDS. Belarusization, au ocephalization, rthodox Church, Polish Church, revendication

1. Попытки белорусизации православной церкви в БССР

Политика белорусизации. В результате Октябрьской революции 1917 г. возникла реальная возможность национального возрождения белорусского народа. Характер и сущность национальной политики в послереволюционной Белоруссии во многом предопределялись значительными переменами, происходившими по стране в целом в этой сфере общественных отношений. 2-я сессия ЦИК БССР 15.7.1924 приняла постановление «О практических мерах по проведению национальной политики», положившее начало крупномасштабной белорусизации как официальной государственной политике. Её активными проводниками были председатель ЦИК БССР А.Г.Червяков, председатели СНК Я.А.Адамович и Н.М.Голодед, руководитель Института белорусской культуры В.М.Игнатовский. Вокруг них группировались представители национальной интеллигенции. Белорусизация представляла собой всестороннюю деятельность партийных, государственных и общественных организаций по национально-государственному и национально-культурному возрождению белорусского народа. В 1920-е гг. в партийных документах, постановлениях государственных органов, выступлениях известных политических деятелей, учёных, деятелей образования, культуры звучала мысль о том, что белорусизация является самой значительной частью национальной политики КП(б)Б и её предназначение – государственное, экономическое и культурное возрождение страны. В документах, определявших пути и методы осуществления белорусизации, акцент делался на необходимости ответственного отношения к национальной интеллигенции, которая играет большую роль в национально-культурном строительстве, и исключительной важности овладения белорусским языком всей партией. Политика была направлена на проведение в жизнь идеи выдвижения и всё большего втягивания в руководящую работу в экономике и культуре работников местных национальностей (белорусов, русских, поляков,

* Текст доклада на научно-практической конференции, «Церковь и славянские идентичности: проблемы формирования и развития» https://zapadrus.su/partnery/ceas/ceas-2012/1746-nauchnaya-konferentsiya-tserkov-i-slavyanskie-identichnosti.html
** The text of the report at the scientific and practical conference "Church and slavic identities" https://zapadrus.su/partnery/ceas/ceas-2012/1746-nauchnaya-konferentsiya-tserkov-i-slavyanskie-identichnosti.html

евреев) при условии выдвижения белорусских работников в первую очередь.

Но в процессе развития белорусизацию оседлали антисоветские, антирусские, пропольские деятели, которые под видом национального возрождения Белоруссии, разрыва с царским прошлым и социалистического строительства начали пропагандировать откровенную русофобию.

Белорусизация в антисоветском, антироссийском, пропольско-шляхетском варианте стала представлять собой политику и идеологию русофобии, направленную на фальсификацию белорусской истории, отрыв ее от общерусской истории, на цивилизационное противопоставление братских народов – белорусов и русских и под прикрытием вывески о так называемом возрождении Белоруссии попытку осуществить замену белорусской ментальности антирусским сознанием в интересах польско-шляхетского экспансионизма.

Как это ни парадоксально, но начало такой белорусизации положило постановление Президиума ЦИК БССР от 11 июля 1923 года об амнистии противников Советской власти в связи с третьей годовщиной освобождения Белоруссии от польских интервентов. Именно с этого времени все наиболее видные противники Советской власти, которые являлись наиболее рьяными белорусизаторами, были амнистированы и начали играть главную скрипку в национально-культурной политике БССР в 1920-е годы.

В феврале 1922 года произошло торжественное открытие Института белорусской культуры (Инбелкульт) как комплексного, многоотраслевого научно-исследовательского учреждения в республике, будущей Академии наук БССР. Первым председателем президиума Инбелкульта был назначен белорусизатор С.М.Некрашевич. Этот тот самый С.М.Некрашевич, активный организатор борьбы с Советской властью, оказался главным руководителем всей науки в БССР.

Действительным членом Инбелкульта стал также амнистированный Язэп (Иосиф Юрьевич) Лесик, который был одним из руководителей Рады Белорусской Народной Республики (БНР), составлял и подписывал благодарственную телеграмму германскому кайзеру, а потом стал подчинять Белоруссию панской Польше[1]. И этот лидер антисоветского движения на территории Белоруссии стал главным светочем в области белорусского языкознания в БССР.

Действительным членом Инбелкульта был сподвижник Я.Лесика И.И.Красковский, сторонник подчинения Белоруссии Юзефу Пилсудскому. В эту когорту белорусизаторов входил антисоветчик И.Ф.Сушинский, а также бывший подполковник царской армии, находившийся на службе у «правительства» БНР, Е.К.Успенский. Главным географом в Инбелкульте стал член первого «правительства» БНР А.А.Смолич. В действительные члены Инбелкульта попали два последних премьера «правительства» БНР В.Ю.Ластовский и А.И. Цвикевич, которые активно боролись против Советского государства не только в годы Гражданской войны, но и после ее окончания, находясь в эмиграции.

Направлял и расставлял кадры белорусизаторов в белорусской культуре и науке В.М. Игнатовский – народный комиссар просвещения БССР, член ЦК КПБ и в то же время сам активный белорусизатор.

Поверхностно мыслящие исследователи аргументируют так: раз при Советской власти началась белорусизация, следовательно, виновата Советская власть. Это ошибочное заключение. Советская власть ставила задачу национально-культурного развития белорусского народа. Это была исторически справедливая задача. Ведь все белорусские этнографы в дореволюционный период (Евдоким Романов, Александр Сержпутовский, Николай Янчук, Иван Еремич, Адам Богданович, Николай Никифоровский) криком кричат о забитости, о темноте, о культурной неразвитости белорусского крестьянина и рабочего. Вырвать белоруса из неграмотности, приобщить его к образованию и культуре – вот чем занималась Советская власть при белорусизации. В то же время надо понимать, что белорусизация в 1920-е годы в ее антирусском варианте явилась следствием доверительного отношения Советской власти к интеллигенции, которая занималась культурной работой в республике. Среди этой интеллигенции была значительная антирусская и антисоветская часть (Ластовский, Смолич, Лесик, Цвикевич, Успенский, Некрашевич), которая поняла культурную работу как возможность разрушить общекультурное и государственное единство белорусов и

1.Залесский, А.И., Кобринец, П.Н. О национальных отношениях в Советской Белоруссии. Исторические очерки / А.И. Залесский, П.Н. Кобринец. – Гродно, 1992.с. 75

русских. Другими словами, такая белорусизация внедрялась не Советской властью как таковой, а группой антисоветски и антирусски настроенных интеллигентов, которые, злоупотребляя доверием Советской власти, всячески пробирались в органы управления культурой и наукой в Белоруссии.

Характеризуя всю эту белорусизаторскую публику, польский историк Леон Василевский в 1925 году в книге на польском языке «Литва и Белоруссия» писал: «На поле белорусской культуры работают деятели, по существу не имеющие ничего общего с официальным коммунизмом – социалисты-революционеры, сторонники «правительства Ластовского», прежней Верховной Рады и т.д. Овладевают они Институтом белорусской культуры и почти всем издательским делом на белорусском языке». Далее польский историк говорит о том, что эти «белорусизаторы» для маскировки вынуждены приспосабливаться «к официальной линии советской политики»[2].

Так называемые белорусизаторы любят проливать лицемерные слезы о гонениях Советской власти на церковь в БССР. Но проблема здесь не так однозначна, как это трактуется в квазиисторических исследованиях белорусизаторов. Дело в том, что в 1920-е годы, когда в БССР была развернута массовая белорусизация, в общественное мнение широко внедрялась антирусская идея отделения православной церкви от Московского Патриархата, превращение ее в автокефальную, то есть независимую от Русской православной церкви. Эта затея преследовала цель – противопоставить белорусов русским и ориентировать БССР на некий «самостоятельный» путь развития, независимый от Советской России и СССР, а на самом деле на превращение БССР в восточные кресы Польши.

Главным инициатором и руководителем этой антисоветской и антирусской кампании был Язэп Лесик, который еще в 1920 году требовал от православных священников стать на защиту Белоруссии от Советской власти и Русской православной церкви. Включились в эту кампанию и создатели «волото-кривской теории происхождения белорусов». Один из ее наиболее активных деятелей отправил в Каунас к В.Ю.Ластовскому статью, в которой доказывал необходимость автокефалии православной церкви в БССР, подчеркивая, что «первое и самое доступное понятие национального единства, после национального языка, достигается при помощи религии» [3].

Бурную активность автокефалисты развернули в 1922 году под руководством епископа Минского Мелхиседека (Паевского). Этот рвущийся к высокой карьере пастырь самочинно вместе со своими приспешниками решил создать самостоятельную Белорусскую православную митрополию. Об этом событии было торжественно объявлено в Минском кафедральном соборе 23 июля 1922 года. Мелхиседек стал митрополитом. Тут же самозваный митрополит посвятил в сан епископов трех священников. Акт учреждения самостоятельной Белорусской православной митрополии церковные белорусизаторы рассматривали как оформление автокефалии.

Разумеется, подобное белорусизаторство в православной церкви не могло не угрожать национальной безопасности БССР. За сопротивление мероприятиям государственной власти Мелхиседек был отстранен от занимаемой должности. Но через некоторое время автокефалистов-белорусизаторов возглавил Бобруйский епископ Филарет (Раменский). Под его руководством в 1927 году в Минске состоялся церковный съезд, на котором был утвержден и вскоре опубликован устав «Белорусской автокефальной православной церкви»[4]. Однако эта «автокефалия» не была признана не только Русской православной церковью, но и православными церквами других стран. Подобные действия белорусизаторов-автокефалистов означали не только самоуправство, но также предательство национальных интересов Белоруссии и церковное насилие над православными верующими, поскольку автокефальность православной церкви объективно вела к межрелигиозному и межнациональному конфликту в БССР в интересах римско-католического костела и Польши. Вот и выходит, что Советская власть, не допустив автокефализации православной церкви, не только сохранила религиозный и национальный мир, но и укрепила положение самой православной церкви в БССР.

2.Василевский, Леон. Литва и Белоруссия / Леон Василевский. – Варшава, 1925.с.217

3.Залесский, А.И., Кобринец, П.Н. О национальных отношениях в Советской Белоруссии. Исторические очерки / А.И. Залесский, П.Н. Кобринец. – Гродно, 1992. с. 113

4.Касяк, І. З гісторыі праваслаўнай царквы беларускага народу / І. Касяк. – Нью-Йорк, 1956.с. 39-42

2. Насилие польских оккупантов над православной церковью в Западной Белоруссии

Террор, развязанный польскими оккупантами в Западной Белоруссии, был направлен также и против православия как религиозной формы общерусской ментальности белорусского народа. Главную роль в борьбе против православия играл римско-католический костел, преследовавший целью реализацию своей давнишней иезуитской политики – не просто полонизацию, а денационализацию белорусов, то есть ликвидацию белорусов как этноса. Фактически это была политика религиозного этноцида белорусского народа.

Осуществлялась эта политика религиозного этноцида белорусского народа через так называемую ревиндикацию православных святынь в Западной Белоруссии. Ревиндикация, проводившаяся в Западной Белоруссии и в самой Польше в отношении православной церкви, носила материальный и духовно-религиозный характер. В материальном плане ревиндикация сводилась к захвату и передаче имущества (храмов, церковных построек и земли) православной церкви и православных общин в собственность римско-католической церкви или местных польских оккупационных администраций. В результате этой ревиндикации из 1 119 православных храмов только до 1924 года у православной церкви было отобрано более 500 храмов. Отобранные церкви либо перестраивались по римско-католическому образцу, либо разбирались на строительные материалы. При активном использовании насильственных методов в Западной Белоруссии и Западной Украине к 1925 г. около 320 православных храмов перешло римско-католической церкви, к середине 1929 г. – более 1300.

В духовно-религиозном плане насилие над православными святынями и верой белорусов сводилось к замене церковно-славянского и русского языков в православном богослужении и метрических книгах православных парафий исключительно польским языком.

В 1929 году римско-католический епископат потребовал ревиндикации, то есть возвращения католической церкви почти 700 православных храмов, приходских строений, церковных земель. Фактически речь шла о ликвидации православной церкви в Западной Белоруссии и Западной Украине. Это напоминало самую отвратительную иезуитскую политику римской курии и польских магнатов против православия в Речи Посполитой в XVI-XVII веках. В Рождественском послании 1929 года митрополит Дионисий писал: «Нашу Святую Православную Церковь в Польше посетил Господь в истекшем году бедствием, равным избиению Вифлеемских младенцев, ибо клир Римский хочет отнять у нас половину святых храмов наших и тем лишить более 2 миллионов верующих младенцев наших духовного окормления и церковной жизни». Перед лицом грозящей опасности все православное население Польши объединилось и сумело сохранить хоть часть своих святынь.

Однако польские оккупанты не прекращали своих попыток ликвидации православной церкви в Западной Белоруссии. Для этого они придумали опять-таки чисто иезуитскую акцию, а именно создать в Польше автокефальную православную церковь. В 1925 году православная церковь в Польше получила статус автокефальной. Это было своеобразное издание церковной унии 1596 года применительно к новым историческим и геополитическим условиям. Но и эта иезуитская акция, направленная, как признавались польские оккупанты, «против сепаратистских тенденций, имеющих место среди белорусов и русских, и даже украинцев»[5] не могла быть принята православным населением, поскольку подобная автокефальная православная церковь ставила своей задачей денационализацию белорусского народа.

ЛИТЕРАТУРА

- Залесский, А.И., Кобринец, П.Н. О национальных отношениях в Советской Белоруссии. Исторические очерки / А.И. Залесский, П.Н. Кобринец. – Гродно, 1992.
- Василевский, Леон. Литва и Белоруссия / Леон Василевский. – Варшава, 1925.
- Этнография на службе у классового врага. – Л., 1932.
- Касяк, І. З гісторыі праваслаўнай царквы беларускага народу / І. Касяк. – Нью-

5.Польша-Беларусь (1921-1953). Сборник документов и материалов. – Минск, 2012.с. 150

Йорк, 1956.

- Польша-Беларусь (1921-1953). Сборник документов и материалов. – Минск, 2012.

REFERENCES

- Zalesskiy, A.I., Kobrinets, P.N. O natsional'nykh otnosheniyakh v Sovetskoy Belorussii. Istoricheskie ocherki / A.I. Zalesskiy, P.N. Kobrinets. – Grodno, 1992.
- Vasilevskiy, Leon. Litva i Belorussiya / Leon Vasilevskiy. – Varshava, 1925.
- Etnografi a na sluzhbe u klassovogo vraga. – L., 1932.
- Kasjak, I. Z gistoryi pravaslawnaj carkvy belaruskaga narodu / I. Kasjak. – N"ju-Jork, 1956.
- Pol'sha-Belarus' (1921-1953). Sbornik dokumentov i materialov. – Minsk, 2012

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН И СОВРЕМЕННАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ БЕЛАРУСИ.

SERGEY ESENIN AND THE MODERN POETIC TRADITION OF BELARUS

УДК 821.161.3.09 - 1
UDC + 821.161.1.09(092)

Воробьева Людмила Анатольевна. Ведущий специалист отдела лингвистической обработки документов научной библиотеки им. Я. Коласа НАН Беларуси. Литературный критик. Член Союза писателей Беларуси

Ludmila Vorobjova. Leading specialist, Department of document linguistic pr cessing at the scientifi library (named after Jakub Ko as) of the Na onal Academy of Science of the Republic of Belarus. Literary critic. he member of «Belarussian Poets Union.

РЕЗЮМЕ. В статье рассматривается органическая связь между русской и белорусской литературой как ветвей одного древа на примере влияния Сергея Есенина на традиции современной белорусской литературы. Представлен анализ творчества ведущих белорусских поэтов.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Сергей Есенин, русская литература, белорусская литература, поэзия , литературная критика.

ABSTRACT. The article deals with the organic connection between Russian and Belarusian literature as a branch of one tree by the example of Sergei Yesenin's influence on the traditions o modern Belarusian literature. The analysis of creativ ty of the leading Belarusian poets is presented.
KEY WORDS. Sergei Yesenin, Russian literature, Belarusian literature, poetry, literary criticism

Русская поэзия двадцатого столетия дала миру немало блистательных имён, обладателям которых была подвластна и гражданская, и лирическая, и утончённая строка «серебряного века». Среди этих имён имя Сергея Есенина по праву занимает одно из первых мест: в русской литературе ему принадлежит исключительная роль. Благодаря Божественной силе слова, имена Есенина, как и Пушкина, вошли в сокровищницу литературы, став воистину звёздными. И даже всемогущее время величественно отступает перед ними, оно не может повелевать их поэзией. Уже более века не проходит, а наоборот возрастет читательский интерес к творчеству Есенина – подлинно народного певца России. В чём истоки такой непреходящей любви? Однозначного ответа нет. Тайна воздействия его стихов непостижима. Каждый находит в них что-то свое, единственное и сокровенное. Сегодня, когда важна значимость национальной культуры, нам, как никогда, необходимо искромётное есенинское слово, спасающее от губительной обедняющей новизны, порой граничащей с пустотой, надвигающейся агрессивности, разрушающей традиции общечеловеческого искусства. Как вешние воды очищают русла рек, так и души людей просветляют стихи поэта, возрождая в нас лучшее.

Несмотря на то, что на протяжении трёх десятилетий творчество Есенина было под запретом, всенародная любовь к нему неиссякаема и долговечна. Он притягивает правдой, нежнейшими чувствами к родине и природе, покоряет верой в человека, в торжество гуманизма и красоты. Проникает в сердце его поэтическое фольклорное искусство, утоляющее лирической народной песней извечную тоску русской души. Но поэзия Есенина стала и праздником песни, искрящейся радостью жизни. Наши современники открывают Сергея Есенина заново, соотнося с историческим опытом предыдущих поколений, с личным духовным мироощущением. И никого не оставляет равнодушным «несказанное, синее, нежное» чувство поэта к отчей земле, её бескрайним просторам. Он родился «с песнями в травном одеяле», родился там, где «струятся звёздные псалмы», полюбив «весь мир и вечность, как родительский очаг», он и пришёл в этот мир, чтобы подарить всем своё «васильковое слово», «стеля стихов злачённые рогожи».

Необычайная популярность поэзии Есенина ещё при жизни не могла не коснуться и не оказать влияние на литературу Беларуси, народа, по словам Пушкина, «издревле нам близкого и родного». Истинно народное, избяное происхождение

творчества Есенина сродни устному фольклорному искусству, характерному и для всей белорусской поэзии, наполненной первозданной красотой народной песни.

Белорусский исследователь творчества Сергея Есенина, его страстный заступник Петр Радечко, который в буквальном смысле живёт и дышит всепоглащающей любовью к поэту, лауреат международного литературного конкурса «О, Русь, взмахни крылами..», отмечает в своей книге «Есенин и Беларусь», что творчество русского чародея слова отозвалось также и в ранних стихах белорусских поэтов последующего поколения: М. Танка, П. Панченко, А. Жаврука, А. Кулешова, С. Граховского, Н. Гилевича, Р. Барадулина, Г. Буравкина, Е. Янищиц. Он подчеркивает, что Беларусь навсегда останется благодарна великому национальному поэту России.

«Всё равн«о остался я поэтом / Золотой бревёнчатой избы», – не скрывал Сергей Есенин своих крестьянских корней. Белорусская поэзия, подпитываемая деревней, во многом созвучна есенинской поэзии. Беларусь и Россия ментально схожи: две ветви когда-то единой Руси. Они самостоятельны и самобытны, но ствол и корни у них – общие. «Две сестры – Беларусь и Россия, / Две сестры по судьбе и по крови», – так о славянском единстве скажет один из самых популярных белорусских писателей Михась Поздняков. Попробуем проследить влияние есенинской поэзии на творчество современных авторов Беларуси, на их литературные традиции. Говоря о художественном мастерстве Есенина, параллельно хотелось бы рассмотреть не только темы и сюжеты поэзии Беларуси, но и понять её ментальную, духовную составляющую. Литература должна преодолевать временное ради вечного, ведь актуально только вневременное. Таким ярким примером и является поэзия Сергея Есенина. Соответствуют ли подобным высоким требованиям произведения Беларуси? Ведь традиция – это не только что-то незыблемое, не только следование классическим образцам, но и поиск соответствия дыханию нового времени, пульсу и ритму текущей жизни. Ответы на главные вопросы содержат авторские тексты, являющиеся первоосновой любого творчества. Чтобы лучше представить всю многокрасочность поэтической палитры Беларуси, выделим на ней и русскую поэзию и белорусскую, в частности, её более значительных авторов, пишущих на белорусском языке.

«Тебе, о родина, сложил я песню ту»

С первых же стихов в поэзию Сергея Есенина входят темы: родины, деревенской Руси, сельского быта, природы. «Моя лирика жива одной большой любовью – любовью к родине. Чувство родины – основное в моём творчестве», – писал поэт. Он жил этой святой любовью, когда выдыхал свои проникновенные строки: «Ой ты, Русь, моя / родина кроткая / Лишь к тебе я любовь берегу. / Весела твоя радость короткая. / С громкой песней весной на лгу». В творчестве многих авторов Беларуси органично объединились есенинские традиции.

Известный русский поэт, живущий на белорусской земле, Анатолий Аврутин тонко уловил собственную строку, от которой веет «есенинской ранью»: «Россия… Родина… Рябина… / Распятье… Реченька… Роса…», – поэт, знающий не понаслышке, как «вдали от России / непросто быть русским поэтом, / непросто Россию / вдали от России беречь…» Анатолий Аврутин, обладая глобальным историческим видением, создал целостные картины народной жизни двадцатого столетия, в душе оставаясь гражданином некогда единой и общей страны, рыцарем-защитником русского мира, который хранит славянское Отечество и в полный голос говорит об этом, обращаясь к древнему и далёкому прошлому: «И выдох мой пускай зовётся Русью, / И пусть зовётся Русью каждый взгляд… // И будем мы парить над миром тленным, / Парить в больной, раздумчивой тиши. / Совсем одни, одни во всей вселенной, / Лишь я и Русь… А больше – ни души». И разве здесь не вспомнятся навсегда вошедшие в сердце есенинские строки?!

О Русь, малиновое поле / И синь, упавшая в реку,

Люблю до радости и боли / Твою озёрную тоску.

Холодной скорби не измерить, / Ты на туманном берегу.

Но не любить тебя, не верить – / Я научиться не могу.

Анатолий Аврутин так же, как и Сергей Есенин, не повторяясь, по-своему представит классическое тютчевское изречение, когда «…снова умом ты Россию не понял, / снова лишь верить дано…»

Истинный русич, возвращающий таинственную Русь, воспевающий в стихах и прозе её туманы древности, в которых «сладко дремало время», возвращающий

«утраченной родины крик», – русский поэт, сегодня живущий в белорусской полесской деревне, – Юрий Фатнев. Стихи его настолько понятны и прозрачны, что, как и всё талантливое, не нуждаются в комментариях: «Какая земля мне досталась! / Взамен ничего не проси. / Я крикну, не веря в усталость, – / Лишь эхо пойдёт по Руси! // Я русский! Я радуюсь чуду! / Пусть ломит столетие, / Пусть. Но я никогда не забуду: / Моя родословная – Русь!... // Пусть стану песком или глиной, / Но всё же из русских небес / не вышибить клин журавлиный / Тоски, пролетающей здесь...» Вот так же столетие назад хотел запечатлеть стремительно исчезающее чудо Руси и Есенин, оставить потомкам вечную Русь, излив всю правду и душевную гармонию в стихах: «А месяц будет плыть и плыть, / Роняя вёсла по озёрам... / И Русь всё так же будет жить, / Плясать и плакать у забора», или, как в других «Голубень»: «Молочный дым качает ветром сёла, / Но ветра нет, есть только лёгкий звон. / И дремлет Русь в тоске своей весёлой, / Вцепивши руки в жёлтый крутосклон». Искренен, полон грусти о невозвратном и Юрий Фатнев: «Задождят седые дни печали. / Ох, не скоро солнца я дождусь. / И от сердца навсегда отчалит / Никому не ведомая Русь. // Промелькнёт в туманах её имя. / И напрасно брошусь я вослед. / Всё равно она невыразима, / Всё равно пути к ней больше нет». Обоих поэтов связывает настоящая песенная сила, и поёт и «трубит в рожок у Сожа / Родная Беларусь» Юрия Фатнева, «и я, став песней тоже, / то плачу, то смеюсь», – напишет он лаконично и просто.

Российский писатель и публицист Дмитрий Дарин в очерке «Есенин как зиждитель русского народа» говорит о борьбе старого и нового мира, ознаменовавшей начало двадцатого века. И мы сегодня живём на сломе двух эпох, когда, по словам Дмитрия Дарина, «любить родину можно по-разному». Кто-то несёт свой крест до конца, зная что Родина – это истина. К таким поэтам относится Анатолий Аврутин, которому суждено «Родиной измученной болеть», и лишь ему среди современников дано сказать по-есенински пронзительно, одновременно и с болью и с возвышенной печалью: «Дорога раскисла, но нужно идти до конца. / Дойти... Захлебнуться... И снова начать с середины. / Кончается осень... Кружат золотые сердца... / И лёт лебединый... Над Родиной лёт лебединый...» Дмитрий Дарин убеждён, что поэзия Сергея Есенина «утверждает национальное духовное единство». Только отсюда и рождается высокое чувство Родины, каким обладал народный поэт, написавший гражданственные строки: «Я буду воспевать / Всем существом в поэте / Шестую часть земли / С названьем кратким «Русь» и строки, проникнутые преданной любовью: «Никакая родина другая не вольёт мне в грудь мою теплынь».

Поэтесса Валентина Поликанина, в душе которой слились две родины: Россия и Беларусь, создаёт свой торжественный и светлый гимн, посвящая его земле, ставшей для неё судьбой: «Над Белой Русью белые снега – / Как белых речек медленные воды... // Молчит земля, священна и строга: / Снега – присяга в верности Отчизне. / Над Белой Русью белые снега – / Рожденье жизни, продолженье жизни». И поэт Михаил Шелехов, пишущий на двух языках, скажет похожие высокие слова, притягивающие особой образностью: «У дзень нараджэння – на Белай Русі аднаўленне / Ад першага снегу – аднекуль і я на зямлі!»

Россия изначально была сотворена как оплот земного Православия. Со сказками Пушкина мы впитывали всё святое, но и со стихами Есенина душа раскрывалась навстречу свету, замирала от радости, созерцая красоту, обожествлённую в строке поэта. Не случайно он называл себя «Божьей дудкой», поэт верил в магическую силу слова, гениально чувствуя его Дух. Мир горний и дольний – это был его путь: «Чую радуницу Божью – / Не напрасно я живу, / Поклоняюсь придорожью, / Припадаю на траву... // Льётся пламя в бездну зренья, / В сердце радость детских снов. / Я поверил от рожденья / В Богородицы покров».

К святым родникам идёт и поэт Валентина Поликанина, она достойно представляет русскую словесность Беларуси и находит свою дорогу к Храму, находит там, где «белый снег ещё белее станет / И сердце достучится до стихов. / Жировичи – как остров в океане, / Спасение от гибельных грехов». Здесь и рождаются её стихи «Жировичский монастырь», согретые «неустанной молитвой», осенённые чудом Божьей милости, дарованной людям: «Пусть веры искупительной хватает / На то, чтоб жизнь продолжилась в веках. / Как сына, Богородица Святая, / Держи наш мир увечный на руках». Сергей Есенин видел Русь белокаменной, лучезарно-золотой, сияющей блеском церковных куполов, и лишь его чистая душа могла выдыхать тихие искренние строки: «Полюбил я с тоской журавлиною / на высокой горе монастырь». Как стремительно менялась эта Русь, уже далеко не всё принимал он своим трепетным сердцем и, к счастью, не увидел самого губительного – почти полного разруше-

ния её храмов. «Истории крутые повороты… / Людей теряем. Господи, спаси! / И нет тех стариков (в косоворотках), / Рассеянных, как зёрна, по Руси…» – звучит горькое откровение Валентины Поликаниной. И в стихах «Белая церковь» она живёт надеждой и верой, ведь «чаша терпенья» не испита до дна. Но именно поэзия Сергея Есенина и стала нашим возрождением, ведь она сохранила для нас память о той первозданной Руси. А память – это наше бессмертие, дарованное Богом. Валентина Поликанина в цикле «Стихи о России», прекрасно владея классическим литературным слогом, напишет собственное сокровенное признание: «Я скучаю по России, / Белой-белой, синей-синей, / Словно храм, мне ставшей домом, / Словно небушко, бездонной; //… Той, по-радонежски торной, / По-саровски чудотворной, / Куполами позлащённой, / Покаянной и крещённой… // Мощной духом, непреклонной; / В бой со злом ведущей сердце, / Породившей страстотерпцев; / Душу ввысь привыкшей кликать – / По Святой Руси, великой».

Сергей Есенин рисует и «буйственную Русь», тема поиска правды, справедливости всегда была на Руси важнее достижения реального счастья. Такова природа русского человека. В его поэме «Пугачёв» мы видим борьбу народа за своё освобождение, когда страшен и неминуем народный гнев, а ещё страшнее народный бунт. Так, белорусский поэт Михась Башлаков, поэт, глубоко национальный по духу, в оратории «Шлях» поднимает проблемы национального возрождения народа, теряющего вековые корни, свою самобытную культуру. Мужицкой стихии Пугачёва, бьющей ключом, его разбойничьей удали Михась Башлаков противопоставляет поиск истины, сохранение родного языка предков, веру в Бога. Только тем, кто следует Истине, кто имеет в душе Веру, открываются и праведные пути: «Мой шлях – ад роднага парога… / Жыцця без шляху не было б: / Шлях пачынаецца ад Бога / І пад анёлавым крылом… Такими стихами начинается оратория «Шлях» лауреата Государственной премии Республики Беларусь, поэта Михася Башлакова. Поэты не рождаются случайно. Их выбирает время, остальное они определяют сами. Михася Башлакова отличает не только внутренняя сила, художественное своеобразие, но и то, что он в своём творчестве следует самостоятельными путями. Он не идет за толпой, зная истинную цену слову. Отсюда, видимо, проистекают его предельная искренность, правдивость и бескомпромиссность. У него всегда присутствует независимая, неподвластная чужим взглядам и убеждениям, оценка происходящего. Настоящие поэты всегда имеют национальные корни, но корни – это не только почва, взрастившая национальных творцов, – это обычаи и традиции, язык народа, полученные в наследство. И как мощь дереву придают прочные, крепкие корни, которыми живы ветви, так и человек жив только родовыми чувствами, питающими его дух, жив родным словом. Не эти ли качества и сближают его с есенинской поэзией?! Михась Башлаков произносит своё молитвенное Слово за Беларусь, неповторимую страну, благословляя нас на новые пути и свершения: “Пашлі нам, Божа, прасвятленне, / Каб мы згадалі свой пачатак / І ўсё, што мелі і што маем, / І што ў блуканнях разгубілі… // Няхай наш шлях ракой шырокай / Цячэ бясконца праз стагоддзі. / І хай над шляхам вешчым птахам / Лунае вечна наша Слова…”

“Гений – всегда народен”, – сказал в своё время Александр Блок. И народный поэт несёт огромную гражданскую ответственность перед родиной и отвечает перед своим народом. Острую душевную боль ощущал Сергей Есенин, предвидя гибель деревни, разрушение её исконного уклада, болезненную ломку всей крестьянской жизни, когда никого и ничего не щадя, ломали и веру. Неразрешимые противоречия, мучительные чувства переполняли поэта: он стоял на пороге тяжёлых жизненных и нравственных испытаний. “Я последний поэт деревни…” – прозвучат его безотрадные строки. “Поэт может писать только о том, с чем органически связан”, – считал Есенин. Тогда и выходят из под пера художника выстраданные и правдивые произведения, которые мы знаем и любим: “Я покинул родимый дом, / Голубую оставил Русь. / В три звезды березняк над прудом / Теплит матери старой грусть…” Но и “возвращение на родину” не сулит для него прежней радости, когда столько пережито потерь и разочарований: “Снова вернулся я в край родной. / Кто меня помнит? Кто позабыл? / Грустно стою я, как странник гонимый, / Старый хозяин своей избы», – честно признавался себе поэт, не скрывая горечи и затаённой боли. Пройдёт чуть более полувека и белорусский борец за правду Михась Башлаков скажет тоже свои пророческие слова, обращаясь к народу, забывающему кровные истоки: “І прыйдзеце самі / Да родных вытокаў і кінутых хат?!” Жжёт горячо правда, жжёт, будто огалённая рана. Столько извечного страдания в ней, что, увы, не по вкусу она нынче многим…

Никому не удаётся остановить время, но поэзия тем и прекрасна, что для неё нет невозможного. Попытку заглянуть в прошлое совершает поэт Юрий Фатнев, он словно возвращает нам утраченное есенинское тепло и светлый образ народного певца, извечную печаль полей, невыплаканную боль русской земли. В лирических стихах Юрия Фатнева бьётся его живое сердце, они струятся любовью к большому Поэту России: «Я застал ещё Русь. Эти нивы и хаты, / Эту майскую цветь. Эти грозы навзрыд. / В неоглядных полях перед самым закатом / Жеребёнок ещё за телегой бежит… // Но осталась в душе золотая заноза, / И щемит, и щемит она в лунную стынь. / Глянет баба, как будто меня она спросит: / «Возвратился Татьяны Есениной сын?» // Может быть, не погиб в круговерти свирепой, / Может быть, подъезжает к родному селу. / Не удержится, спрыгнет с телеги, потреплет / Собачонку, что ринется звонко к нему!..» Переживая противоречия революционного периода «умерщвления личности», так характеризовал двадцатые годы Есенин, в знаменитом «Сорокоусте» он скажет об этом поразительно точно:

Милый, милый, смешной дуралей, / Ну куда он, куда он гонится?

Неужель он не знает, что живых коней / Победила стальная конница?

Есенин гениально ощутил смену эпох, проникновенно излив душу и в хорошо известных стихах: «Край осиротелый», «Русь уходящая», «Русь бесприютная».

В начале третьего тысячелетия мы тоже переживаем что-то похожее: меняются эпохи и вместе с ними идёт переоценка ценностей, устоявшихся традиций. Наступает время нового компьютерного поколения. Утрачивается испокон веку данное Богом, заветное. Чуждый виртуальный мир не может заменить родины, земли предков. И стихи Сергея Есенина необходимы нам как воздух! Не удивляет, что «Есенин с портрета / запретные шепчет слова» поэту Анатолию Аврутину, и пишутся его неутешительные строки: «Не брести, а скакать по холмам помертвелой Отчизны…», в которых сквозным мотивом звучит тема родины, её истории, в чём-то перекликающаяся и со строками стихов поэта Николая Рубцова, последовательно придерживающегося есенинской традиции.

Любовь к родине Сергея Есенин питал с раннего детства. Он хранил в себе сердце ребёнка и замечал буквально всё, не теряя с годами ни нежности, ни доброты. «Эта улица мне знакома, / И знаком этот низенький дом. / Проводов голубая солома / Опрокинулась над окном. // Были годы тяжёлых бедствий, / Годы буйных, безумных сил. / Вспомнил я деревенское детство, / Вспомнил я деревенскую синь», – ведёт нас в детство поэт, делая это незамысловато, просто, но зато как задушевно, взволнованно. И не разгадать вовек секрета его поэзии. Очарование далёкого детства, чистую гармонию забытого счастья находим и в стихах поэта Валентины Поликаниной. В книге «Под небом нераздельным», которую можно назвать гимном детству, она открывает нам неповторимый мир, где она услышала и «узнала голос певучей Родины». Валентина Поликанина мудро соединила и «богословие небес» и богословие детства: «Ещё задолго до моих стихов / Цвела зима над бабушкиным домом, / Роняла пух с небесных потолков / И таяла, как леденец в ладони… // Мурлыкал кот, и горло драл петух, / Скрипели важно ходики по кругу. / И жил в углу иконописный дух, / А бабушка была ему подругой. // Ещё задолго до моих грехов / Была её молитва каждый вечер – / За мой покой, за столбики стихов, / За первый звук проклюнувшейся речи». Знакомая картинка детства есть и у Сергея Есенина в поэме «Мой путь», где он, будучи искусным рассказчиком, предаётся сказочным воспоминаниям детства, в чём-то напоминающим пушкинские: «…Изба крестьянская, / Хомутный запах дёгтя, / Божница старая, / Лампады кроткий свет. / Как хорошо, / Что я сберёг те / Все ощущенья детских лет. / Под окнами / Костёр метели белой. / Мне девять лет. / Лежанка, бабка, кот… / И бабка что-то / грустное / Степное пела, / Порой зевая / И крестя свой рот. / Метель ревела…» Оказаться в детстве – вот, о чём мечтает каждый. И Валентине Поликаниной это удаётся в стихах «Самодержавных яблонь ветки!», она как будто воскрешает те есенинские времена голубого и безоблачного детства: «Самодержавных яблонь ветки! / А возле дома – плуг, соха… / И я разбужена рассветом, / Горластой песней петуха… // А бабушка – как Божья свечка, / В сиянье нежности одной, / Всё разговаривает с печкой, / Как с самой близкою роднёй». «Сохранить детство – значит остаться бессмертным», – был абсолютно уверен и русский писатель Михаил Пришвин. И нам надо вернуть детство, а с ним и чудесную веру в сказку.

Мечты о счастье Есенин связывал с народной жизнью – это главный родник, питавший всё его творчество. Он ярко живописал пейзажи сельского приволья, наполняя свои стихи звуками, запахами, удивляя невиданными красками. Поэт ро-

мантически воспевал крестьянский труд и считал себя романтиком «золотой бревёнчатой избы». Есенинская изба – народный цветущий мир, изумляющий ощущением полноты жизни. «Изба простолюдина – это символ понятий и отношений к миру», – писал он в своей статье «Ключи Марии», определяя смысл народного искусства. Память о деревенском детстве, наслаждение его счастьем, когда жаль прощаться с ним, прочитывается в его выразительных стихах «В хате», насквозь пропитанных деревенским колоритом: «Пахнет рыхлыми драчёнами, / У порога в дежке квас, / Над печурками точёными / Тараканы лезут в паз. //… Мать с ухватами не сладится, / Нагибается низко, / Старый кот в махотке крадется / На парное молоко. / Квохчут куры беспокойные / Над оглоблями сохи, / На дворе обедню стройную / Запевают петухи». Где теперь те старинные деревеньки, сколько их осталось по Руси? И спустя без малого век, вполне естественно сокрушается поэтесса Валентина Поликанина: «Мы теряем корни…» Свои «дороги детства» вели в большую жизнь и поэзию писателя Юрия Фатнева, сохранившего о них образные впечатления: «Бывало, в детстве я глаза открою, / Стоит телега в дебрях темноты, / И с губ коня свисает надо мною / Сквозь сон охапка Млечного Пути…» Мелодичны, так как проистекают из традиций фольклорного жанра, стихи Михася Башлакова, детство которого тоже прошло в деревне: «Ў бярозавай бялюткай хаце / Прачнецца песня салаўя. / І будзіць, будзіць мяне маці: / “Схадзі, мой сынку, па каня…” Если Сергей Есенин по праву – чародей слова, то поэт Михась Поздняков – кудесник белорусской хаты, создающий психологические и пейзажно-бытовые зарисовки деревни, окрашенные тонкими философскими раздумьями. “Нарадзіўся я ў сонечнай хаце, / Хлебам, песняй спавітай, святой, / Абагрэтай руплівaю працай / І вялікай сям`і дабратой”. Это мир деревенского бытия, такой близкий и родной для всех белорусов, о котором они могут говорить бесконечно.

Берёзовая Русь

Неистощима в своём многообразии природа. “Неведомая сила природы озаряет душу человека”, – восторгался ею Гоголь. Пришвин в повести “Дорога к другу” называл природу “родиной всех талантов”. Поэзия Есенина – сама природа, само очаровние, таящее в себе великую исцеляющую силу. Поэт был наделён особым даром – видеть душу человека в нетленных образах природы, она в его стихах неотделима от человеских дум и настроений. “Счастлив, кто в радости убогой, / Живя без друга и врага, / Пройдёт просёлочной дорогой, / Молясь на копны и стога”, – эти слова Есенина можно смело отнести и к поэзии Беларуси. Белорус отражается в мире природы, он человек, подобный глубине леса. “Блукаю па лясах, / Радкі свае шукаю…” – приоткрывает завесу таинства творчества поэт Михась Башлаков. Не секрет, что многие художники писали лишь на природе, испытывая лишь там внутренний покой и творческое вдохновение. Сергей Есенин тоже был не исключением. Обращаясь к белорусской поэзии, мы находим кладезь произведений, посвящённых живописной неброской красоте Беларуси, сравнимой и с природой средней полосы России, которой посвящено большинство есенинских произведений. Языком природы говорят и два самых её страстных певца: Михась Башлаков и Юрий Фатнев, благодаря им мы никогда не забудем «сосновый гомон» Полесья – уникального древнего края Беларуси. Неповторима мелодия стиха Михася Башлакова: эмоциональный ритм, интонации, его поэзия – пронзительная музыка души, в которой слышатся и голоса мировой литературы. Тончайшая музыкальность его стиха такова, что не требует перевода, ведь славяне ментально понимают друг друга: “Пракрычала сойка, / Сойка пракрычала / У асеннім лесе. / Лесе нада мной. / А лісток пажоўклы, А лісток апалы / Зіхаціць на солнцы, / Свеціцца расой…” И не удивительно, что Башлакова часто называют белорусским Есениным, а его любимый поэт – Николай Рубцов. В жизни, как и в природе, всё взаимосвязано. Михась Башлаков дарит нам трепетные мелодии полесской земли: плывущие в тумане паромы, реки и озёра, хранящие память о языческих волхованьях, ведя нас по красочным песчаным дорогам Полесья, где прошло детство поэта, откуда и начинался его полёт “з бярозавай арбіты”. “Мяне маці дамоў гукала / На развілцы дарог за сялом. / І з дзяцінствам маім падрастала / Рунь бярозавая за акном”, – немало родственного у него с порой есенинского детства, ведь и русский поэт был самозабвенно влюблён в этот вечный шум берёз, взрастивших его и поивших “берёзовым молоком”. Именно природа сделала Есенина чистейшим поэтом человеческой души, ей он обязан всем своим существом: “Зори меня вешние в радугу свивали”, “Здесь по заре и звёздам / Я школу проходил”, – ещё с юных лет жизни он навечно впишет родной край в свое сердце.

Из “синего бора” пришёл и русский поэт Юрий Фатнев. Он жизнеописал своё полесское детство, отзывающееся “голосами разных времён”: “…в душе заповедной Полесья,/ Словно эхо, навек поселюсь”. Он обладает уникальной особенностью – записывает порой стихи прозой. Немало произведений в его творчестве и о природе России: Юрий Фатнев жил и работал в Брянске, в Гатчине. Поэт собирал собственную “сокровенную Россию”, собирал “Родину по строчке, как первые подснежники в букет”. Как бы не складывалась личная судьба, Россию он навсегда, как когда-то это сделал Сергей Есенин, “присоединил к своему сердцу”: “Васильки России, васильки России, / У меня вы даже имя не спросили…” Юрий Фатнев продолжает есенинское васильковое чудо, опьянённый радостью от бесконечного течения жизни природы.

Осень и зима – два времени года в природе, которые, пожалуй, больше всего отражены в творчестве русских художников. Пушкин, Есенин – самые незабываемые из них. Они обращались к этим темам на протяженнии всей жизни. Есенин, полюбив то очаровательную, то унылую осень Пушкина, то солнечно-морозную, то вьюжную, то мистически-загадочную зиму, творил и свои волшебные пейзажи, чутко и бережно передавая малейшие движения души человека и природы. И уже никогда не забудутся его зимние стихи “Пороша”, однажды услышанные в детстве и оставшиеся с нами на всю жизнь!

Еду. Тихо. Слышны звоны. / Под копытом на снегу,

Только серые вороны / Расступились на лугу.

Заколдован невидимкой, / Дремлет лес под сказкой сна,

Словно белою косынкой / Подвязалася сосна…

Есенин погружался в природу, входил в неё, как в музыку. Разная зима и у поэта Михася Башлакова. Изящная, изысканная в стихах “Первый снег” (перевод М. Шабовича). Легко и невесомо, словно первые снежинки, падают на чистый лист и его строки: “Первый снег – как музыка, как песня, / Первый снег – растает и воскреснет / Первый снег… Вокруг так бело-бело… / На душе как будто посветлело”. Здесь непроизвольно приходят и есенинские строки, ведь наша жизнь и состоит из пересечений и параллелей, которых не лишено и творчество: “Я по первому снегу бреду. / В сердце ландыши вспыхнувших сил…” Завораживает Михась Башлаков и суровой зимой, когда человек не властен над природной стихией: “Не аклікай зіму сцюдзёную – / Завеямі завее шлях / І коні снежныя, шалёныя / Пакінуць след свой у палях…” Есенин обладал феноменальной памятью и виртуозно, прочувствовав мельчайшие нюансы и оттенки смыслов, читал свои стихи. Что отличает и Башлакова от иных поэтов – умение читать собственные стихи, вкладывая в них колоссальную эмоциональную силу, и тогда поэзия действительно становится музыкой, понятной и доступной каждой душе, не требуя авторского перевода.

“Сила первого взгляда есть основная сила поэзии”, – замечал в своих очерках Михаил Пришвин. Сергей Есенин покорял накалом эмоций, экспрессией стиха и ритма, но и брал за живое спокойной интонацией, родниковой чистотой слова: шумели его “синий май”, “июнь голубой”, звенели “соловьиные рассветы”, звучала светомузыка ручьёв, искрились “серебряные росы”, а главное – было всё исключительно понятно и гармонично: в его поэзии дышали Земля и Небо. Однако не стоит забывать: оборотная сторона радости – печаль, грусть, неизъяснимая тоска. И наряду с великими художниками Есенин по-прежнему впечатляет мотивами осени, увядания природы, прощания с чем-то невозвратным: “Вот она невесёлая рябь / С журавлиной тоской сентября!..” или, как в стихах: “О край дождей и непогоды…” Подобное проникновение в мир природы было присуще лишь мастерам русской литературы. Осенние мотивы, прозрачные словно акварели, улавливающие движения человеческой души, пишет и поэт Михась Башлаков: “Лісток закружыўся, / Бярозавы /Жоўты лісток. / Ці восень прыйшла? / І лета маё / Адляцела? Ці гэта на памяць / Самотны / І светлы радок, / Што ляжа на сэрца / Збалела?..” Осенними дождями пронизаны стихи поэта, и он сам не скрывает, что осень напоминает ему русскую поэзию, и, в первую очередь, Есенина: “Зноў душу маю заасеніла, / Занавесіла шэрым дажджом. / Пачытаю Сяргея Ясеніна / Ці вазьму ў рукі Пушкіна том…”

Благодарность жизни, приятие всего, что предопределено судьбой, ибо жизнь мудрее тебя и так, видимо, надо, так продиктовано свыше, – есть и в стихах поэта Анатолия Аврутина, в которых отзываются и есенинские минорные ноты: «Прости меня, осень, / За то, что гляжу из окна / На тусклый пейзаж, / Что безрадостен, но златоносен. / За мрачные мысли, / Где радость совсем не видна, / За плач по грачам

улетевшим… / Прости меня, осень!" Россия в его стихах символизируется с "вековыми осенними плачами", с чувством щемящей тоски, когда "всё летит душа за журавлями, / В белом оперении летит…" Лирико-философским возвышенным звучанием, мелодией прощания и в то же время мелодией, вселяющей веру и надежду, пронизаны стихи Михася Позднякова: "Снова осень дышит утомлённо, / Вновь ревут студёные ветра. / Прислоню ладонь – пойдёт от клёна / Звонкий гул до самого нутра. / Постою… Перед дорогой дальней / Клён ко мне ладони прислонит. / И тревожный гул исповедальный / В путь меня опять благословит" (перевод А. Арутина). В поэзии опасно проводить прямые сравнения, но в данном случае примеры напрашиваются сами, хотя удивительные стихи Сергея Есенина "Не жалею, не зову, не плачу…", в которых божественно соединяются и философия природы и философия бытия, были написаны им в сложный жизненный период, в предчувствии близкой смерти, но поэт всё равно благодарен судьбе, и подводя итог прожитому, он не завершает жизнь, а наперекор всему верит в её бесконечное продолжение:

> Я теперь скупее стал в желаньях, / Жизнь моя, иль ты приснилась мне? Словно я весенней гулкой ранью / Проскакал на розовом коне. Все мы, все мы в этом мире тленны, / Тихо льется с кленов листьев медь... Будь же ты вовек благословенно, / Что пришло процвесть и умереть.

Поэзия Есенина восхищала и, вне сомнения, будет восхищать своей ярчайшей образностью, красотой художественного слова. Поэт искал и находил образы чёткие, ясные, ёмкие и органичные. Верховенство образа в поэзии прославляло течение имажинистов, к которому относился и Есенин. "У собратьев моих нет чувства родины…" – писал Есенин, что, собственно, и стало причиной его разрыва с имажинизмом. "Рвётся образ с языка", переполненный непривычными сравнениями: "Славь, мой стих, кто ревёт и бесится, / Кто хоронит тоску в плече, / Лошадиную морду месяца / Схватить за узду лучей" (начало поэмы "Пантократор"), – где он передаёт революционный размах октября. Но впоследствии Есенин уходит в своих стихах от перенасыщения образами, он пишет по-пушкински просто и гениально.

Если зримо вообразить существующие литературные образы, то Пушкин для нас – это осень и снег, Тютчев – праздник первой грозы, а Есенин – снежные берёзы. И у Есенина везде главенствует душа, она есть в его осени и зиме, она в каждой травинке, берёзовом и кленовом листочке, она трепетно бьётся и в его берёзах, олицетворяющих Русь. Ещё до встречи с имажинистами в 1914 году он написал и опубликовал в детском журнале "Мирок", на первый взгляд, безыскусное стихотворение "Белая берёза", ставшее, как известно, хрестоматийным: "Белая берёза / Под моим окном / Принакрылась снегом, / Точно серебром…" Берёза – символ вечного детства, первое очарование поэзией. Всё первичное и ново, как в настоящей поэзии, за что и снискал Есенин любовь от благодарных потомков. Берёза – ключевой образ в его стихах, меняющийся в зависимости от настроений, но всегда отличающийся особенной прелестью, образ, воплощающий Россию, её возрождение. Есенин отождествлял растения с людьми, в нём словно был запрятан талант, идущий из глубины языческой Руси. Иносказательно, ощущая в себе языческие корни, представляет свою родословную и поэт Михаил Шелехов: "Я – з ажынавай вёскі, / журавінавай казкі, / Сакавітай бярозкі / І сунічнае ласкі. / Ці лясун я, ці крышку / Быў на ягадным балі? / Галубіную кніжку / Мне русалкі чыталі". Реалистичен и притягателен своей земной красотой образ берёзы в стихах Юрия Фатнева: "А берёза ливни грозовые / Позабыла, вся ушла в покой. / Словно тело грешное впервые, / Тает сладко под моей рукой". Кстати, и Есенин уподобляет берёзу нежной девушке. Этот образ в его творчестве многолик, соединяя в себе и Родину, и юную девушку, и мать, выходящую на дорогу встречать сына, когда печальный шелест берёз отзывается такой же печалью в её сердце. Серебристым эхом есенинских мелодий звучат стихи Анатолия Аврутина, голос его будто врывается в тишину природы, он становится всё громче, до боли пронзая душу, поднимая её к земному и Вечному: "Голубые глаза воды / Отражают бездонье дня / И безбрежность неправоты, / Что обрушилась на меня… // Прокричу, что не стоишь ты, / Чтоб мутнели от чёрных слёз / Голубые глаза воды, / Золотая печаль берёз…" Крик души и в то же время светлая боль, великодушие к миру – всё это возвышает поэта над бренной жизнью и над судьбой. Золотая печаль берёз – непреходящий лейтмотив и русской и белорусской поэзии, льющейся единой славянской песней.

Дмитрий Дарин в публицистическом очерке "Сергей Есенин в современных поэтах", говоря о творчестве известного русского поэта, обращает внимание на то,

что в современной литературе “один из самых “избитых” путей – подражание Есенину”, когда так заманчива, в особенности для начинающих молодых поэтов, “степень соблазна внешним образом”. Сколько поэтов пытались повторить творчество Есенина, желая овладеть его невероятной образностью! Но, увы, многие поняли тщетность напрасных усилий – лучше Есенина не написать. Некоторые, оставив подобные попытки, занялись серьёзной литературой деятельностью. Пётр Иванович Радечко, к примеру, создал целую Есениану, посвятив исследованиям жизни и творчества знаменитого поэта всю жизнь. Именно он в своей интереснейшей литературоведческой книге “Реабилитированный Есенин” возвращает потомкам поэта его честное имя и чистую, искреннюю душу, восстанавливает репутацию народного любимца, смывая ложь и наветы всевозможных “борзописцев” с регалиями, которых сегодня развелось немало, в частности, открывает глаза на откровенное враньё Анатолия Мариенгофа, бывшего другом Сергея Есенина, и его пресловутый, так называемый, “Роман без вранья”. Впрочем, это уже иной разговор, читайте такие книги, как у Петра Радечко, в них есть и правда о поэте, и любовь к великому русскому слову.

Однако, продолжим начатую тему образности в поэзии Есенина, достаточно многоцветную , но по-прежнему сохраняющую свое самобытное значение в современном творчестве. Поэзия нивелируется из-за обилия и увлечения внешним образом, авторы теряют индивидуальность, о чём и предостерегает поэтов русский писатель Дмитрий Дарин. Сергей Есенин был непревзойдённым лириком, не только чудно владеющим словом, но умеющим заставить видеть то, что он рисует, убедить в точности и достоверности создаваемого рисунка, ведь для художника важна каждая деталь, а остальное он безжалостно отсекает, как скульптор, добивающийся совершенства в своём творении. Есенин, к тому же, был наделён прозорливой интуицией. И музыка, и скульптура , и живопись, и поэзия – одно великое Искусство, проникающее друг в друга, существующее по принципу “сообщающихся сосудов”. Но всё соединяется в Слове. Оно – начало всех начал. Так, поэту Михаилу Шелехову удалось избежать столь заманчивого внешнего соблазна. Его образы не только оригинальны, но и внутренне глубоки, не однозначны. Оказывается и об осени, скоротечной, но любимой поре многих поэтов, можно сказать не повторяясь: “Ветер подарил окну серёжки – / Два кленовых огненных листа. / И окошко хлопает в ладошки. / И бубнит, святая простота…” Казалось бы, ничего особенного, но свежо и по-есенински светло. “Хлёсткий ветер в равнинную синь / Катит яблоки с тощих осин”, – а это уже Есенин, чтобы острее сопоставить степень мастерства владения образом и убедиться в очередной раз – нет ничего лишнего, отвлекающего от восприятия общей поэтической картины.

Жизненное и творческое кредо Михаил Шелехов выразил в энергетически мощном произведении-исповеди «Ножевая музыка». Судьба художника здесь предстаёт как постижение и продолжение судьбы страны, родной земли: «Будто шилом меня ткнули в сердце – хватаюсь за музыку. / Нету воздуха тут или мне отказали в любви? / Это русская жизнь? Или – лезвие нежное узкое…» Перед нами – целая панорама Жизни, поражающая художественной точностью образов, живой и яркой метафорой, самобытным интуитивным восприятием. Достичь совершенства слова, мысли, чувства – удел избранных. Даже гениальные поэты грешили проходящей строкой. «Ножевая музыка» насыщена плотностью чувственной мысли, значимостью не только каждой строки, но и каждого слова. Она звучит многовариантно, собственно, многовариантность и есть одно из отличительных качеств поэзии Михаила Шелехова: «Умолкает во мне водяное, небесное зарево. / И уходит душа по болотам, полям и лесам. / Погулял я по свету – ночное и пьяное дерево, / И вернулся к своим одиноким забытым корням», – тут, безусловно, отыщется и есенинская языческая удаль. Вчитываясь в его стихи, понимаешь, сколько они таят скрытых смысловых подтекстов. Но так ли необходимо находить однозначные решения? Жизнь, любовь, смерть… Лишь Бог управляет судьбой человека. Что ценно в вечно меняющемся мире? Сколько заключено в человеке трагизма, длящегося бесконечно, когда сама мечта о счастье иллюзорна. «Пусть умер я, но я ещё ползу, / Себя по клочьям на пути теряя», – напишет поэт в других стихах. Он пытается уйти от общепринятых правил и норм, разорвать крепкую цепь повседневности, услышать «эту тихую музыку» своей души и души мироздания: «Я не знаю, откуда взялась эта тихая музыка? / Как берёзы набухнут – и сахаром треснет кора, / Затмевает глаза и трепещет опасная, узкая / Ножевая полоска – и гаснут в крови вечера». Прослеживается сочетание различных жанров и стилей, напоминающих быль, русскую сказку, когда «от пришельцев с не-

бес или белых грибов под рябиною / Засветилась земля, зашумела широкая Русь? / От пиратского дыма над трубкой вишнёвой старинною / Занялась наша слава и эта лазурная грусть?» «Ножевая музыка» – одно произведение длиною в жизнь, путь от рождения до смерти, а может один прожитый день или миг, ставший Вечностью. Михаил Шелехов не только великолепно и метафорично владеет словом, в котором улавливается и есенинская манера, но и кистью чувственного живописца. Его полотно пишется не краской, а будто кровью. Аналогии ведут и к произведению Сергея Есенина, его «Исповеди хулигана», созданной им во время увлечения имажинизмом: «Сие есть самая великая исповедь, / Которой исповедуется хулиган», – так смело, бросая вызов обществу, позиционирует себя поэт. Он бьёт наотмашь доселе невиданной метафорой, изображая какую-то иную, нереальную действительность: «Я нарочно иду нечёсаным, / С головой, как керосиновая лампа на плечах. / Ваших душ безлиственную осень / Мне нравится в потёмках освещать…» Но он не был бы Есениным, если бы сквозь противоречия жизни не прорывалась его сердечность, правдивость. Несмотря на некую искусственность образов, «Исповедь хулигана» – это всё-таки живой монолог страстной и мятущейся души: «Я люблю родину, / Я очень люблю родину! / Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь. / Приятны мне свиней испачканные морды / И в тишине ночной звенящий голос жаб. / Я нежно болен воспоминаньем детства, / Апрельских вечеров мне снится хмарь и сырь…» В современной интерпретации заветного есенинского слова Михаил Шелехов пишет стихи «Заповедный лес», насыщая их сочными образами. Как поэт славянских культурных традиций, он, прежде всего, видит себя преданным Служителем русского Слова, без которого нет судьбы страны, а значит, и нет судьбы творца, его художественного мастерства: «Гуляка здесь, я не прохожий там, / лесной хозяин, брат и подмастерье, / Где перепёлка плачет по зыбям / И бродит смех есенинского зверя».

Гимном есенинской поэзии, который вплетается в строки его стихов «О, если б прорасти глазами, / Как эти листья в глубину», звучат и стихи Юрия Фатнева «Архаика», образно проникая в саму суть вещей, убеждая в который раз, что наряду с поэтическими эпитетами и сравнениями в настоящей поэзии ещё пульсирует мысль, чувство и правильно найденная интонация. «Как я люблю всё то, что зримо, живо: / Материальность, плоть существ земных, / И корни из сыпучего обрыва, / Прядь водорослей высохших на них… // Из листьев будут проясняться морды. / Припудренные розовой пыльцой. / Пастух всё так же будет беззаботно / Кнут волочить, возлёгший на плечо. // Я не люблю сиюминутной нови. / Действительность, медлительней живи! / Дай разглядеть тебя, но не в обнове, / А в прежней нескончаемой любви», – именно такую любовь во всём находил Есенин, щедро отдавая её людям.

Есенинское поэтическое пространство наполнено большим количеством всевозможных образов. Неизменный символический элемент его поэзии – птицы, ведь они всегда участвуют в сотворении мира. У Сергея Есенина во многих стихах с ними связано Небесное, Божественное: «О, Русь, взмахни крылами», – вечный образ Родины как символ её свободы. У поэта Михаила Шелехова тоже что-то по-своему очень близкое: «ангел родины – птицы» и «ангел родины – звери». У Анатолия Аврутина птицы, как и образ родины, сквозной, парящий во всём его поэтическом пространстве. Но в отличие от есенинских птиц в этом полифоническом многоголосье у него встречаются хищные, мрачные: «шальная птица», «подбитая птица», «чёрный ворон» (У Есенина он есть только в поэме «Пугачёв»), «говорливая птаха», «гортанная птица», мистические: «странная птица», «неузнанная птица». Надо признать, что Есенин имел качество характера, которое может быть присуще только людям большой доброты, он безумно любил «всякое зверьё» и, будучи человеком открытым, не скрывал этого. Вот, что говорил Максим Горький о том, когда он слушал есенинские стихи «Песнь о собаке»: «После этих стихов невольно подумалось, что Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для любви ко всему живому в мире и милосердия…» Напомним начало этой пронзительной песни: «Утром в ржаном закутке, / Где златятся рогожи в ряд, / Семерых ощенила сука, / Рыжих семерых щенят». Сила его неземной поэзии в правдивости и в гоголевской «дивной драгоценной россыпи языка». Гоголь был любимым писателем поэта. Живую боль испытываешь, и читая завершающие строки песни, ты будто получаешь восхитительный удар в самое сердце: «И глухо, как от подачки, / Когда бросят ей камень в смех, / Покатились глаза собачьи / Золотыми звёздами в снег». Есенин умел сострадать и уважать мир «братьев меньших». «Ищу Родину», – говорил он, проявляя великое милосердие ко всему живому.

Неизгладимое впечатление производит драматическая история, рассказанная

Анатолием Аврутиным, – «Щенят собрал хозяин неторопко / И так же неторопко утопил…» Далее идёт речь о страшной трагедии, случившейся с его героем в годы войны. Общего, на первый взгляд, с есенинским сюжетом нет, но у Анатолия Аврутина такое же сильное начало произведения и такое же сжигающее непереносимой болью завершение, перекликающиеся с «Песнью о собаке». «И не было ни голоса, ни знака… / Съедала плесень тёмные венцы. / Да у крыльца побитая собака, / Скуля, несла тяжёлые сосцы», – беспредельна жестокость, но если мы люди, то должны проявлять милосердие. Иначе не будет нам обещанного свыше прощения. Андрей Белый отмечал необычайную доброту Сергея Есенина. И мера человечности в искусстве – тепло, добро. Есенин не зря так любил собак, ведь у них человеческое чувство одиночества, особенная любовь к человеку и жажда близости: «Для зверей приятель я хороший, / Каждый стих мой душу зверя лечит», – находим подтверждение в его стихах. Поэт, обладая талантом образности, мог писать и натуралистично, как в стихах «Лисица», но при этом всё равно сострадая, испытывая жалость: «На раздробленной ноге приковыляла, / У норы свернулася в кольцо. / Тонкой прошвой кровь отмежевала / На снегу дремучее лицо».

Одно из лучших произведений поэта Михася Позднякова – «Волчица». Он покоряет своей всепроникающей человечностью, о которой писал ещё Михаил Булгаков, имея ввиду «самую глубокую концентрацию человеческого в человеке». И Михась Поздняков, проникновенно чувствуя природу, принимает её совершенный мир, мучительно переживая, когда нарушается его гармония, когда он не в силах сохранить живое: «Её случайно обложили / Собаки вынюхали путь, / Когда измученная в мыле, / Она пыталась прошмыгнуть… // Лишь, кровью лежбище пометив, / В грядущий обращалась прах… / И мёртвый крик: «Ох, дети, дети!..» / Стыл в стекленеющих зрачках» (перевод А. Аврутина).

Есенинская образная манера, изумляющая живописной выразительностью, особым видением неповторимости этого мира, прослеживается и во многих стихах Юрия Фатнева, влюблённого в каждое создание природы и напоминающего нам о том, что всё сотворил Бог. Иначе, как объяснить, такие стихи, как «Жеребёнок», только тем, что любой дар от Бога. «Встал на ноги, не стоявший сроду, / Колют травы нежную губу. / Звёздочка скатилась с небосвода / И осталась у него на лбу». И ещё его «Кукушка», в которых сразу отмечаешь редкие и удачные сравнения: «Шаркает ветра рубанок, / Сыплется цвет, словно стружки. / Плачет в саду спозаранок / Голос печальной кукушки».

«Любить лишь можно только раз»

Всё начинается с любви. И творчество невозможно без любви. Поэзия высшим своим достижением обязана любви. Тайну творчества тоже надо искать в любви. Своеобразный гимн любви стихи Михаила Шелехова «Страна убитых детей» – простая повесть для тех, «кто без памяти жил, кто на свете любил», кто «заказывал смерти вино». Страна Михаила Шелехова – страна «убитой» и не рождённой вновь любви, но в ней влюблённые не умирают, а уходят «в недоступную высь», «где живут как весна / Русый мальчик и леди Дункан». Не трудно догадаться, о ком говорит автор, но как это делает тонко, ни малейшим намёком не усомнившись в истинных чувствах поэта. Интерес к любовной лирике Есенина не просто популярен, в ней заключена невероятная художественная сила, побуждающая творить, созидать. Поэт обожествлял женщину, её красота была для него так же совершенна, как и сама природа: «Не бродить, не мять в кустах багряных / Лебеды и не искать следа. / Со снопом волос твоих овсяных / Отоснилась ты мне навсегда…»

Поэзия и любовь возникли как чудо, необъяснимое ничем. Когда приходит любовь, рождаются и стихи. Так случилось и с Анатолием Аврутиным: его первые стихи были о любви. На протяжении полувека создаёт он цикл лирических стихов о любви, объединённых большим немеркнущим чувством – возвышенным и трепетным отношением к женщине. В строках поэта каждая женщина узнаёт себя, находит частичку собственной души. Поэт по-есенински сожалеет об уходящей любви, такой же скоротечной, как и сама жизнь: «Тленом станут и эти смешливые губы. / И медовая млечность мерцающих плеч… // Всё уйдёт, как вечернее солнце над клёном, / Как сосулька на позднем изломе зимы, / Как сиянье на божьем челе просветлённом, / Что четыре столетья тревожит умы…» Есенин окрашивал любовные чувства разнообразными оттенками душевных переживаний, когда за внешней лёгкостью строки далеко не всем удавалось разглядеть и постичь глубину его стихов. «Какая ночь! Я не могу… /

Не спится мне. Такая лунность! / Ещё как будто берегу / В душе утраченную юность… // Любить лишь можно только раз. / Вот оттого ты мне чужая, / Что липы тщетно манят нас, / В сугробы ноги погружая», – любовь остаётся вечной загадкой и у Есенина, и он совсем не так прост, как привыкли порой о нём думать. Через десятилетия после этих есенинских строк напишет свои стихи и Анатолий Аврутин, напишет о той единственной любви, что, наверное, к каждому приходит в юности, и воспоминания о которой мы храним всю жизнь: « Всё судьба?.. Судьбе не прекословь, / Даже если вновь любовью пьян ты… / На земле всего одна любовь, / Остальное – просто варианты».

Есенин в своём творчестве впитал пушкинский опыт. Пушкин был его любимым поэтом. Пушкинские «маленькие поэмы» отзываются в его стихах: «Возвращение на родину», «Мой путь», в его талантливых письмах-посвящениях. Одно из самых известных – «Письмо к женщине», оно адресовано бывшей жене Зинаиде Райх и написано в последние годы жизни поэта, наиболее сложные для него. «Не знали вы, / Что я в сплошном дыму, / В разворочённом бурей быте / С того и мучаюсь, что не пойму – / Куда несёт нас рок событий», – и это обстоятельство объясняет многое в чувствах и поступках поэта. Душа его надломлена, он нуждается уже не столько в любви, сколько в человеческом участии, сердечном понимании. Отдохновением и спасением от житейских невзгод стали для поэта вспыхнувшие сильные чувства к Августе Миклашевской, замечательной актрисе и красивейшей женщине, которой он посвятил свой цикл «Любовь хулигана»: «Заметался пожар голубой, / Позабылись родимые дали. / В первый раз я запел про любовь, / В первый раз отрекаюсь скандалить… // Ты такая ж простая, как все, / Как сто тысяч других в России. / Знаешь ты одинокий рассвет, / Знаешь холод осени синий».

Преклоняется перед женщиной и поэт Анатолий Аврутин, посвящая ей немало произведений в новом сборнике «Просветление». Ради любимой его лирический герой готов пожертвовать всем: «Только б тонко касаться руки / И волос твоих цветом в осень». Поэт возвеличивает женщину и в то же время принимает её земной и обычной, при этом не умаляя извечной женской сути: «И объяснить не можешь ты сама, / Всегда всесильна и всегда бесправна, / О чём в Путивле плачет Ярославна / И плачем сводит воинов с ума… // О, эта скорбь очей, где умер страх, / Что не солгут, что любят – ненавидя. / Я вот такие некогда увидел, / Шепнул: «Тону…» И утонул в очах…» – в чём-то повторяется и будет повторяться ещё не раз есенинская история, правда, уже в ином воспроизведении, в другой жизни и с другими персонажами. Не в этом ли кроется гениальность Шекспира, Пушкина, Есенина – личное сделать всеобщим, безграничным? Воистину они оставили потомкам неисчерпаемость творческих тем. Вершиной любовной лирики Есенина стали его персидские мотивы: «Я в твоих глазах увидел море, / Полыхающее голубым огнём», – в этих чарующих строках поэта словно полыхает целый мир любви, никем до конца неизведанный. Таинственной красотой и лиризмом наполнены и произведения Анатолия Аврутина, они возрождают прекрасное, когда ты будто всплываешь, начинаешь дышать, как в его стихах: «Купалась женщина в реке. / Звезда груди её касалась, / Смывались горечь и усталость, / Луна скользила по щеке. / Купалась женщина в реке…»

Белорусский писатель Максим Танк называл поэму Сергея Есенина «Анна Снегина» самой «светлой лирической поэмой» двадцатого века. Её можно назвать лироэпической, так как она отразила и жизнь, и время, и любовь: «Когда-то у той вон калитки / Мне было шестнадцать лет, / И девушка в белой накидке / Сказала мне ласково: «Нет!» / Далёкие, милые были. / Тот образ во мне не угас… / Мы все в эти годы любили, / Но мало любили нас… // Привет тебе, жизни денница! / Встаю, одеваюсь, иду. / Дымком отдаёт росяница / На яблонях белых в саду. / Я думаю: / Как прекрасна / Земля / И на ней человек…» Постижение себя, своей любви, неотделимой от судьбы родной земли, важно и для поэта Анатолия Аврутина. Сменяются эпохи, но остаются прежними главные человеческие ценности: «Мне запомнился этот домик, где / В ночь дышала сквозная мгла, / Где тропинкой лунною по воде / Наша девственность пролегла… // Пусть звенит звезда. Прорезая тьму, / Пусть фонтаном войдёт в песок. / Я слезой умоюсь и вдруг пойму / То, что долго понять не мог», – лирически напряжена его строка, словно тревожный пульсирующий нерв.

В любви заложено стремление к бессмертию, лишь ей дано оставаться в вечности. Одно из лучших произведений Анатолия Аврутина, захватывающее надзвёздной симфонией мироздания, в котором сливаются и есенинский лиризм и необыкновенная красота слова, – стихи: «Завершив конечный путь земной, / тихо растворившись в мирозданье, / Мы, родная, встретимся с тобой / По другую стону дыханья. // И услы-

шим снова голоса / Тех людей, что мы недолюбили. / Вновь гвозика вспыхнет в волосах / Под свеченье яблоневой пыли…» Но любовь – это и нежность, душевное тепло, терпение и жалость и только потом – радость и счастье. Писать о самом себе – занятие отнюдь не из приятных. «Мужеством лирической исповеди» считал белорусский писатель Нил Гилевич знаменитое есенинское «Письмо к матери», покоряющее своей нездешней добротой, нежной любовью к самому родному человеку. В его стихах эту любовь не измерить, она струится из чистой души поэта. И каким клеветникам верить, что он был всего лишь «горький пропойца», которому всё безразлично?! Ответы нужно искать в текстах поэта, и они доказывают обратное и убеждают в его трогательной искренности:

Ты жива ещё, моя старушка? / Жив и я. Привет тебе, привет!

Пусть струится над твоей избушкой / Тот вечерний несказанный свет…

Я по-прежнему такой же нежный / И мечтаю только лишь о том,

Чтоб скорее от тоски мятежной / Воротиться в низенький наш дом…

Обращается к матери и поэт Анатолий Аврутин, надеясь найти спасение от тревог мира, от одиночества, от холодного безразличия, поглощающего надежды и мечты. В трепетной любви к матери он словно ищет давно утраченное и родное, но нельзя остановить время, ведь перед временем, как перед Богом, все равны. И всё же он пытается совершить невозможное: «Вдоль белой гривы красного коня / Летят-мелькают вздыбленные пашни. / Мне почему-то, мама, очень страшно. / Утешь меня и приголубь меня… // И лёгкой сбруей бешено звеня, / Вцепившись в холку, истово, упрямо / Я всё скачу, но падаю с коня».

«Я сердцем никогда не лгу»

Эпоха конца девятнадцатого начала двадцатого века была переходной. И поэзия Есенина впитала её проблемы и конфликты. Он предчувствовал и, как все талантливые художники, предвосхищал грядущие события. Поэт никогда не бывает полностью свободен в своей поэзии. «Его держит жизнь, он не свободен и в жизни – его держит поэзия», – размышлял о творчестве Пришвин. Недаром Есенин писал в стихах «Хулиган»: «Ах, увял головы моей куст, / Засосал меня песенный плен. / Осуждён я на каторге чувств / Вертеть жернова поэм». Перестроечное время пережили и мы, оно для многих осталось переломным. Судьба любого поэта изначально не бывает простой. Анатолий Аврутин скажет предельно точно: «Одна поэту русскому дорога – / Чуток сверкнуть / И рано отгореть». Он исторически анализирует русскую ситуацию, когда судьба настоящего поэта заканчивалась трагически, Есенин тоже не был исключением. У фатального «русского предела», за которым была лишь «бездна», стояли многие поэты: «Казнён Рылеев… Лермонтов убит… / Но злата строк и кровь не осквернила. / Державный Блок… Поэт, а не пиит… / Есенинская солнечная сила». В других стихах «Как призрачно всё!.. Как мгновенно...» продолжает тему об этой «конечной цене», назначенной Отчизной своим поэтам и не прощающим им гениальной строки: «Есенинской ранью повеять / Должно из туманной дали, / Чтоб после с петлёю на шее / тебя в «Англетере» нашли». И поэт Юрий Фатнев в стихах «Худая трава» справедливо, чётко и однозначно замечает: «Трава худая – Гумилёв, Есенин и Васильев… / Так кто ж останется тебе, в конце концов, Россиия?»

В стихах «Русская ось» поэт Михаил Шелехов классически, можно сказать, с актёрским талантом перевоплощения и вхождения в образ, описывает трагический финал судьбы известного поэта, равного Пушкину: «Вкруг памятника Пушкину / Уже который век / Вращается верхушками / наш русский человек. // Вращается история / И пишет кренделя / Ногами беспризорная / И буйная земля. // Гремя хмельными кружками, / С плясуньей мировой / Объехал вокруг Пушкина / Есенин молодой. // А вскоре гроб болезного / В последний путь земли / Вокруг перста Небесного / Прощаясь, обнесли».

Видимо, в предчувствии чего-то неминуемого и была создана поэма «Чёрный человек» – самая трагическая вещь Есенина, в которой показана вся бездна космического одиночества поэта. Ибо, по словам Иннокентия Анненского: «Мир, освещаемый правдивым и тонким самоанализом поэта, не может не быть страшен…» Так, в поэме «Гуляй-поле» Есенин писал: «Хлестнула дерзко за предел / Нас отравившая свобода». Наступил чёрный век и трагедия «черного человека», порождения этого страшного века, была неизбежна. И Есенин уже не только крестьянский поэт, его «взмахнувшая крылами» Русь должна преобразиться, его волнуют общечеловеческие темы. Но судьба его была предрешена, сказывались: неустроенность, душевный

и жизненный разлад, что он и выразил в поэме «Чёрный человек». «Друг мой, друг мой, / Я очень и очень болен. / Сам не знаю, откуда взялась эта боль. / То ли ветер свистит / Над пустым и безлюдным полем, / То ль, как рощу в сентябрь, / Осыпает мозги алкоголь», – начало поэмы, не предвещающее ничего светлого. И «где-то плачет / Ночная зловещая птица», – здесь образ птицы, совсем нехарактерный для есенинской поэзии. «Чёрный человек» – чёрная тень, преследующая поэта. Словно отвечая литературоведческим канонам, точно скажет на белорусском языке Валентина Поликанина: “У жыцці кожнага сапраўднага паэта / Заўсёды ёсць / Або Чорная рэчка, / Або чорны чалавек…”

В поэме соединились и пушкинская «тень кумиров на душе», его маленькие трагедии, и мистические голоса «серебряного века», пророческий голос Блока, которого Есенин боготворил. Сны, зеркало, тайное искусство раздвоения или иллюзия, ставшая реальностью: «…Месяц умер, / Синеет в окошко рассвет. / Ах ты, ночь! / Что ты, ночь, наковеркала? / Я в цилиндре стою. / Никого со мной нет. / Я один… / И разбитое зеркало…» Следует утончённой, изысканной строке «серебряного века» и поэт Анатолий Аврутин, по-прежнему отдавая предпочтение из всех русских поэтов – Блоку. Отсюда и отголоски есенинской поэмы, которые можно найти в его некоторых стихах, отзывающихся «чёрной музыкой Блока». Он неслучайно напишет строки: «О нет, они во мне навек: / Печорин… «Лунная соната»… / «Онегин»… «Чёрный человек»… / И Брамса гулкое стаккато». А вот появляется и образ, так напоминающий этого неизменного «чёрного человека»: «Откуда этот гул возник, / сменив живое слово, / И что за мрачный человек бредёт сквозь этот гул?.. // Он загляделся в чёрный пруд, / как в зеркало кривое…», или вдруг возникнет тень, также неотступно следующая за поэтом: «Оступившись на собственной тени / Тихо вскрикну. И вновь оступлюсь…»

И всё-таки поэзия – некая тайна, непостижимая, как и природа гения, ведь он живёт из тайны, из глубины. Есенин навсегда останется самым таинственным и притягательным поэтом Руси. Поэзия возвращает нам утраченное: «Всё познать, ничего не взять / Пришёл в этот мир поэт», – говорил Сергей Есенин. Преображение мира – духовная миссия поэта и каждого живущего. Дарованиям Есенина были присущи надмирные свойства: благость добра озаряла его родники поэзии, бьющие тоже из глубин русской земли. В нём словно уживались две личности: ранимая ребёнка и удалая личность хулигана: «Дар поэта – ласкать и карябать, / Роковая на нём печать. / Розу белую с чёрной жабой / Я хотел на земле повенчать». И разрывается на части «сумасшедшее сердце поэта». Есенин умел просто сказать о сложном: «Короткие слова всегда лучше многосложных», – замечал поэт. Он чувствовал саму плоть слова, подчиняя его себе и заставляя звучать на все лады.

Наряду с другими, сказать правдиво, просто и лаконично, зная цену истинному слову, могут и поэты Беларуси, которым не чужды традиции Пушкина, Есенина, Рубцова. Они перекликаются друг с другом, вторя заветным есенинским истинам. “Не знаю я, адкуль прыйшло, / Не заю я нічога… / Паэзія – не рамясло… / Паэзія – ад Бога…” – эмоционально, импульсивно и энергетически сильно выскажется поэт Михась Башлаков. Вдумчиво и мудро понимает стихи поэтесса Валентина Поликанина: “В них боль; душа, почти нагая…” По-есенински искренне, с невыразимой печалью напишет своё лирическое посвящение поэзии Юрий Фатнев: “До свиданья, Поэзия! / Не оглянусь я. / Не вернёт к тебе вновь / Ни успех и ни грусть. / И последние строки, / Как дикие гуси, / Улетают – / Откуда уже не вернусь…” Предельно ясно и кратко определит суть творчества Анатолий Аврутин: “Есть Слово… И всё остальное – неправда…”

“Эту жизнь за всё благодарю…”

Есенину было дано зажечь волшебную искру поэтического слова, неперестающую гореть и в третьем тысячелетии. “Я чувстую себя просветлённым, не надо мне этой глупой шумливой славы”, – писал он. Поэта волновало постижение жизни, поик недоступной истины. Вопреки кровавому веку, к котором он ощущал смертельную усталость, Есенин творил так же вдохновенно, как Пушкин, сохраняя “нежность грустную русской души”, “всё, как есть, без конца принимая”. Разве это не настоящее мужество любви к Родине? Целый бездонный мир человеческой души отражён в его печально-торжественных стихах: воспоминания о былом, сожаления о прожитом, благословенная милость Небес, невыразимая грусть и светлая радость жить на этой земле:

Мы теперь уходим понемногу / В ту страну, где тишь и благодать.

Может быть, и скоро мне в дорогу / Бренные пожитки собирать.

Милые берёзовые чащи! / Ты, земля! И вы, равнин пески!

Перед этим сонмом уходящих / Я не в силах скрыть моей тоски.

……

Много дум я в тишине продумал, / Много песен про себя сложил,

И на этой на земле угрюмой / Счастлив тем, что я дышал и жил…

Поиск гармонии в себе и в мире, постижение высших идеалов, проникновение в сакральные тайны бытия – основные ведущие мотивы, которые слышны и в поэзии Беларуси. “Это счастье почувствовать жизнь…” – напишет поэт Юрий Фатнев. Такое непременное счастье должна нести и поэзия, в есенинских стихах оно разлито повсюду. Проникновенный белорусский лирик Микола Шабович в одном из своих произведений, предаваясь раздумьям о прошлом, мудро принимает философию главных истин, зная, что до последнего вздоха он будет благодарен родной земле: “Росистой ранью, мрачным днём иль в звёздный вечер / Вдруг душу обожжёт огнём: ты здесь не вечен! / Года летят, и в этом суть, здесь нет секрета – / Однажды кончится твой путь на свете этом… // Когда уйду я навсегда в мир запредельный, / Возьму с собой свои года и крест нательный. / Оставлю вам, мои сыны, вспорхнув упруго, / Любовь, глоточек тищины, звезду над лугом…” Взяв эпиграфом к своим стихам есенинскую строку: “Не жалею, не зову, не плачу”, – поэт Анатолий Аврутин даёт собственное толкование смыслов: “И плачу, и жалею, и зову, / Хоть вышел срок и некого дозваться…”, – всё же надеясь на торжество правды и добра.

Есенин замечал: “В этом мире я только прохожий”, – не предъявляя к жизни претензий, а веруя лишь в неизбывный свет своей поэзии, которой было суждено не раствориться во времени, а стать Вечностью. И бессмертие определяют только стихи. “Гений – богач странный, перед которым ничто весь мир и все сокровища”, – писал Гоголь. И Есенин ушёл богатым, оставив воистину бесценные сокровища: берёзовые рощи, звенящие соловьиные рассветы, снежные серебристые зимы, голубые небеса, оставив нам всю Россиию, её Высоту и Величие, несравнимые в мире ни с чем.

Творчество Есенина неисчерпаемо, многогранно его влияние на литературу Беларуси. Чтобы понять, что происходит сегодня в мире поэзии, необходимо помнить и о преемственности поколений в истории поэтического искусства. Преемственность предполагает непрерывное развитие и взаимопроникновение культур, благодаря ей сберегаются наше прошлое, наша родовая пам'ять, без чего нет настоящего и будущего. Литература подобна огромному океану, и новое поколение творцов можно сравнить с набегающей волной. Молодые авторы талантливо дополняют поэтическую картину Беларуси, придавая ей художественную целостность и завершённость. Они в очередной раз доказывают, что классическая строгость и верность традициям никогда не мешает самовыражению. И настоящая литература – всегда нова и неожиданна. Так, поэт Елена Крикливец следует манере письма, присущей женской лирике “серебряного века”. Отточенная строка, превосходная русская речь, когда “мягко падают слова, / как листья с Дерева Познанья…» Мелодии неувядающей природы, интонации всего мира и человеческой души объединяются в её стихах, влекущих зримыми образами, метафоричной насыщенностью: “Качнулось солнце за окном / тяжелым яблоком на ветке». И это уже голос, набирающий творческую силу, который входит в душу, а душа у неё во всём: «Умывая природу / до первого снега, / осень тратила воду, / закончить спеша. / И последние силы / собрав для побега, / под спасительный ливень / рванулась душа. / Ей хотелось, наверно, / стать лучше и чище, / и отмыться от скверны, / и вновь полететь… / Чтоб хоть искра надежды – / на всем пепелище, / чтобы золото реже / менялось на медь». Золото лирики – богатство поэзии, без чего нет красоты и её высочайшей вершины. Традиции не уходят, а значит, память жива, живо есенинское нежное слово – слово любви. И вновь открытие и тайна, когда «хочется морозной чистоты, / и белизны нетронутой, хрустящей, / и мыслей, что понятны и просты, / и чувства, что зовется настоящим…» Видимо, для таких чувств и дана поэзия, ради этого и творит поэт, не выбирая лёгких путей, что, собственно, и делает Елена: «Судьба моя всегда меня простит / и не накажет / горьким сожаленьем, / что выбирала трудные пути / на грани между болью и взросленьем».

Свой путь и своя индивидуальность и у поэта Анны Мартынчик, Несмотря на молодость, она также уже обрела зрелый, серьёзный поэтический голос. Интересны её опыты возрождения литературного эпистолярного жанра, забытого в нынешнем

веке, своего рода исповедальной традиции, популярной в литературе двадцатого столетия. Исключая совпадения и повторения, послушаем, какой неспешный, размеренный слог, какая благородная строка у Анны, похожие на академический стиль (и это у молодого поэта!), – стихи «К вам…»: «Милый друг…как идёт ваша жизнь? Что Вас гложет? Что тешит? / Расстояние в тысячу миль не даёт мне понять… / Наша славная юность слезой ностальгии глаз режет… / Я пишу вам в надежде Ваш разум собою занять». Её поэзия проникнута традиционным христианским смыслом, у автора присутствует собственная трактовка библейских истин, основательная и всеобъемлющая. И мы узнаём правдивую и подлинную историю наших душ, которая не о достижениях и победах, а о грехах, падениях и пороках. Закономерно, что Анна Мартынчик является победителем международного конкурса имени Сергея Есенина «О, Русь, взмахни крылами» (2015 год, в номинации «Дебют»). Когда читаешь её стихи «А Русь во цвету...Здесь по-прежнему славно живётся!..», исполненные чувства сопричастности Родине, понимаешь, что Русь, а вместе с ней и русская поэзия никогда не уйдёт в небытие, не канет в Лету:

Мы живы! Ещё ароматны сосновые смолы!
Балуем дыханием ширь христианской души!
Мы верим! В углах наших хат оберегом - иконы,
И полнятся хаты сакральностью райской тиши...

По вольным широтам петляют игривые тропки-
Сплетения линий судьбы на ладони Руси...
По-прежнему крепим над дверью "на счастье" подковки,
По-прежнему крестимся...с шепотом: "иже еси..."

Блестит молоко из кувшина беленою бязью,
Цветет "пятилистно" сирень и дурманит полынь...
Земля, поглощая дожди,"благолепится" грязью,-
Из этой материи хочется вылепить жизнь!

И Анна не просто её лепит, а силой своей неизбывной веры изменяет окружающий мир, ведь об этом и мечтал Есенин, именно такой он хотел видеть Русь, такой она и предстаёт в её стихах: «В истоках – деревня, где высился дуб-истукан, / И Божие слово, что истине всякой – утроба. / Я помню: парным молоком наполнялся стакан, / И мало-помалу белели гранёные рёбра…» «Таинством сущего» создаётся мир и создаётся поэзия Анны, весомо и выверено каждое её слово, которое служит «не букве, а духу», взывая к покаянию и милосердию. Знаково само появление поэтов столь глубокого философского уровня.

В одной статье невозможно всесторонне осветить данную тему, мы лишь коснулись её некоторых моментов. Литературное пространство для дальнейшего исследования наследия выдающегося русского поэта безгранично. Есенинская поэтика нашла достойное отражение в современных произведениях лучших авторов Беларуси: общее восприятие судьбы русского поэта, его художественного мира не могло не сказаться на их стихах, не придать им определённой значимости и красоты в стилевом и жанровом отношении. Безусловно, должны появиться публикации, выявляющие новые тенденции и литературно-художественные направления этой темы.

“В России Есенина не просто любят, им дышат”, – убеждён писатель Дмитрий Дарин. Поэзией Есенина дышат и в Беларуси. В своих прощальных строках: “Предназначенное расставанье / Обещает встречу впереди”, – Сергей Есенин не обрывает тонкие нити, связующие его с земным миром, наперекор судьбе он находит в себе силы и сохраняет надежду. Верит в бесконечность жизни и поэт Юрий Фатнев, ведь каждый художник творит для вечности, его стихи звучат пронзительной мелодией, звучат продолжением заветного есенинского слова:

Пускай стрела останется в колчане,
Бессмертно бьются на Земле сердца.
Пусть длится с жизнью вечное прощанье –
И не наступит никогда конца.

ЛИТЕРАТУРА:

- Есенин, С. А. Стихотворения / С. А. Есенин. – Москва: Эксмо, 2014.
- Радечко, П. И. Реабилитированный Есенин / П. И. Радечко. – Минск: Четыре четверти, 2011.
- Радечко, П. И. Есенин и белорусская поэзия / П. И. Радечко. – Гомель: Пегас
- Аврутин, А. Ю. Просветление: книга поэзии / А. Ю. Аврутин. – Минск: Народная асвета, 2016. – 462 с.
- Аврутин, А. Ю. И свеча… И музыка… И взгляд… / А. Ю. Аврутин. – Минск, 2008.
- Башлакоў, М. З. Далеч вячэрняя: вершы, паэмы, араторыя / М. З. Башлакоў. – Мінск: Народная асвета, 2017. – 517 с.
- Башлакоў, М. З. Лілея на цёмнай вадзе: паэма / М. З. Башлакоў. – Мінск: Маст. літ., 1994.
- Башлакоў, М. З. Віно адзінокіх: лірыка / М. З. Башлакоў. – Мінск: Літ. і Маст., 2011.
- Крикливец, Е. В. На грани света: стихи / Е. В. Крикливец. – Минск: И. П. Логвинов, 2008.
- Мартынчик, А. С. «пред…чувствие» / А. С. Мартынчик. – Минск, 2015.
- Пазнякоў, М. П. Усміхаюцца зоры над хатаю: выбр. Творы / М. П. Пазнякоў. – Мінск: Бел. Дом друку, 2011.
- Пазнякоў, М. П. Святое правіла: вершы / М. П. Пазнякоў. – Мінск: Маст. літ., 2008
- Поликанина, В. П. Под небом нераздельным: поэзия, проза / В. П. Поликанина. – Минск: Маст. літ., 2016.
- Поликанина, В. П. За плотью слов: книга поэзии / В. П. Поликанина. – Минск: Четыре четверти, 2008.
- Фатнев, Ю. С. Седые небеса: книга поэзии / Ю. С. Фатнев. – Минск: Звязда, 2016
- Фатнев, Ю. С. Русская печаль: стихи и поэмы / Ю. С. Фатнев. – Гомель: «Полеспечать», 2002.
- Шабовіч, М. В. Падары мне сваю адзіноту: Вершы / М. В. Шабовіч. – Мінск: Маст. літ., 2002.
- Шабовіч, М. В. Яшчэ пакуль не лістапад…: Інтымная лірыка / М. В. Шабовіч. – Мінск: “Тэмікс”, 1996.
- Шэлехаў, М. М. Сын яблыні: вершы / М. М. Шэлехаў. – Мінск: Маст. літ., 1990.

REFERENCES:

- Yesenin, S. A. Stikhot oreniya / S. A. Yesenin. – Moskva: Eksmo, 2014.
- Radechko, P. I. Reabiliti ovannyy Yesenin / P. I. Radechko. – Minsk: Chetyre chetverti, 2011.
- Radechko, P. I. Yesenin i belorusskaya poeziya / P. I. Radechko. – Gomel': Pegas
- Avrutin, A. YU. Prosvetleniye: kniga poezii / A. YU. Avrutin. – Minsk: Narodnaya asveta, 2016. – 462 s.
- Avrutin, A. YU. I svecha… I muzyka… I vzglyad… / A. YU. Avrutin. – Minsk, 2008.
- Bashlakoŭ, M. Z. Dalech vyachernyaya: vershy, paemy, aratoryya / M. Z. Bashlakoŭ. – Mínsk: Narodnaya asveta, 2017. – 517 s.
- Bashlakoŭ, M. Z. Líleya na tsomnay vadze: paema / M. Z. Bashlakoŭ. – Mínsk: Mast. lít., 1994.
- Bashlakoŭ, M. Z. Víno adzínokíkh: líryka / M. Z. Bashlakoŭ. – Mínsk: Lít. í Mast., 2011.
- Kriklivets, Ye. V. Na grani sveta: stikhi / Ye. V. Kriklivets. – Minsk: I. P. Logvinov, 2008.
- Martynchik, A. S. «pred…chuvstviye» / A. S. Martynchik. – Minsk, 2015.
- Paznyakoŭ, M. P. Usmíkhayutstsa zory nad khatayu: vybr. Tvory / M. P. Paznyakoŭ. – Mínsk: Bel. Dom druku, 2011.
- Paznyakoŭ, M. P. Svyatoye pravíla: vershy / M. P. Paznyakoŭ. – Mínsk: Mast. lít., 2008
- Polikanina, V. P. Pod nebom nerazdel'nym: poeziya, proza / V. P. Polikanina. – Minsk: Mast. lít., 2016.

- Polikanina, V. P. Za plot'yu slov: kniga poezii / V. P. Polikanina. – Minsk: Chetyre chetverti 2008.
- Fatnev, YU. S. Sedyye nebesa: kniga poezii / YU. S. Fatnev. – Minsk: Zvyazda, 2016
- Fatnev, YU. S. Russkaya pechal': stikhi i poemy / YU. S. Fatnev. – Gomel': «Polespechat'», 2002.
- Shabovích, M. V. Padary mne svayu adzínotu: Vershy / M. V. Shabovích. – Mínsk: Mast. lít., 2002.
- Shabovích, M. V. Yashche pakul' ne lístapad…: Íntymnaya líryka / M. V. Shabovích. – Mínsk: “Temíks”, 1996.
- Shelekhaŭ, M. M. Syn yablyní: vershy / M. M. Shelekhaŭ. – Mínsk: Mast. lít., 1990.

Журнал «Аспект» - международное электронное периодическое издание, предназначенное для публикации произведений в области социальных и гуманитарных наук.

Журнал издается совместно :

- «Центар академске речи» (Београд-Шабац, Сѐбија) www.carsa.rs
- Сетевой научно-просветительский проект "Западная Русь" (Минск) http:// apadrus.su

Доступ к изданию: Сайт журнала — http:/ aspects.su/

Периодичность выпуска: ежеквартально (четыре номера в год).

Журнал зарегистрирован **Национальным ISSN центром Сербии**

при Национальной библиотеке Сербии в Белграде:

Аспект (Online)

ISSN **2560-3752** (Online)

Адрес редакции:

Војводе Мишича 1/5,

15000 Шабац, Сѐбија

aspect.journal@gmail.com

Главные редакторы:

- Зоран Милошевић, доктор социальных наук, директор «Центар академске речи» (Београд-Шабац, Сѐбија);
- Игорь Федорович Зеленковский, член Союза писателей России, руководитель научно-просветительского проекта «Западная Русь» .

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА СРБИЈЕ
Национални ISSN центар Србије
Београд, Скерлићева 1, тел./факс 011-244-7362

Београд **14.03.2017.**

Поштовани,

Обавештавамо Вас да по стандардима ISSN-а исти наслов серијске публикације на различитом медију, мора да има различит ISSN за сваки медиј (Online, CD-ROM, итд). Самим тим и Ваша публикација_**Аспект (Online)**__

Добила је свој ISSN **2560-3752** . Додељени ISSN треба да буде постављен на насловни екран online публикације на следећи начин:

ISSN **2560-3752** (Online)

Као и код штампане верзије наслова Ваше публикације и ISSN за online верзију је важећи све док се не промени наслов публикације. Ако намеравате да промените наслов молимо Вас да нас информишете (заједно са одговарајућим фотокопијама или можда са новом URL адресом), тако да можемо да одлучимо да ли је нови ISSN потребан, или не.

Остале промене као што су место издања, издавач, периодичност, URL adresa, итд. не мењају ISSN, али је пожељно да нам их јавите да бисмо могли да ажурирамо библиографске податке у нашој бази.
За све додатне информације можете да се јавите на телефон 011-244-7362 или e-mail slobodanka.komnenic@ nb.rs.

ISSN INTERNATIONAL STANDARD SERIAL NUMBER

С поштовањем
Национални ISSN центар Србије
Слободанка Комненић

Редакционный совет:

- Александр Викторович Гегальчий, публицист, попечитель Международного фонда «Русская премия»(Прага)
- Александр Дмириевич Гронский, кандидат исторических наук (Минск)
- Александр Александрович Киселев, кандидат исторических наук (Минск)
- Анатолий Юрьевич Аврутин, поэт, член Союза писателей России и Беларуси (Минск)
- Валентина Анатольевна Теплова, кандидат исторических наук (Минск)
- Всеволод Владимирович Шимов, кандидат политических наук (Минск)
- Кирилл Владимирович Шевченко, доктор исторических наук (Минск)
- Юрий Глебович Аверьянов, историк, публицист (Москва)

Правила представления авторами рукописей:

1. Рукописи публикаций в журнале «Аспект» (далее – Журнал) представляются авторами по электронной почте с помощью встроенной формы по адресу aspect.journal@gmail.com

2. Рукопись предоставляется в редакцию на русском, сербском, английском языках в формате doc или r . Параметры оформления: размер листа А4, ориентация страницы – книжная, сноски — концевые автоматические, список литературы в конце с дополнительной транслитерацией. Обязательно указание УДК статьи. Название статьи на языке автора, русском и английском, ключевые слова на языке автора, русском и английском, аннотация на языке автора, русском и английском. Также к статье в отдельном файле подается фотография автора, информация об авторе на языке автора, русском и английском,

инициалы, фамилия, на языке автора, русском и английском.

Иллюстрации пронумерованы и соответствуют отдельно приложенному списку иллюстраций, указанных в тексте.

3. Материалы, поступающие в редакцию, проходят научную экспертизу. Рецензии автору не высылаются. Редакция вправе отказать в опубликовании статьи без объяснения причин. Плата за публикацию не взимается. Гонорары авторам не выплачиваются. Мнения, выраженные в статьях, отражают личные взгляды авторов и не обязательно совпадают с точкой зрения редакции журнала.

4. В случае принятия решения о публикации материала в Журнале редакция сообщает об этом автору (авторам) по электронной почте. Затем им высылается файл с текстом, прошедший редактуру. В случае согласия на публикацию материала в Журнале в таком виде, автор (авторы) пересылают в редакцию скан текста со своей подписью. По опубликовании статьи автор получает уведомление об этом и актуальную ссылку.

Правила пользования журналом

Полное или частичное воспроизведение публикаций в любой форме возможно только с официального разрешения редакции и с обязательным указанием источника (при размещении в сети Интернет активная и индексируемая ссылка обязательна).

ASPECT - Humanities and Social science magazine.

It published four issues a year.

Magazine website: http:/ aspects.su/

Аспект (Online)

ISSN **2560-3752** (Online)

Published jointly by:

- "Center for Academic word" (Belgrade-Sabac, Serbia) www.carsa.rs
- Scientific d educati nal project "Western Russia" (Minsk) http:// apadrus.su

Editor in Chief:

- Zoran Milosevic Doctor of Social Sciences, Director "Center for Academic word"(Belgrade)
- Igor F. Zelenkovsky, member of the Union of Writers of Russia, head of the project "Western Russia"

Editorial address:

Војводе Мишича 1/5,

15000 Шабац, Србија

aspect.journal@gmail.com

Editorial Council:

- Alexander Gegalchy, publicist, Trustee of the International Fu d "Russian Award" (Prague)
- Alexander Dmirievich Gronskii, Candidate Historical Sciences (Minsk)
- Alexander Kiselev, Candidate Historical Sciences (Minsk)
- Anatoli Yurevich Avrutin, oet, member of the Union of Writers of Russia and Belarus (Minsk)
- Valentin A. The heat, Candidate of Historical Sciences (Minsk)
- Vsevolod Shimov Candidate Politi al Science (Minsk)
- Kirill Shevchenko, Doctor of Historical Sciences (Minsk)
- Glebovich Yury Averyanov, historian, publicist(Moscow)

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА СРБИЈЕ
Национални ISSN центар Србије
Београд, Скерлићева 1, тел./факс 011-244-7362

Београд **14.03.2017.**

Поштовани,

Обавештавамо Вас да по стандардима ISSN-а исти наслов серијске публикације на различитом медију, мора да има различит ISSN за сваки медиј (Online, CD-ROM, итд). Самим тим и Ваша публикација_**Аспект (Online)**__

Добила је свој ISSN **2560-3752** . Додељени ISSN треба да буде постављен на насловни екран online публикације на следећи начин:

ISSN **2560-3752** (Online)

Као и код штампане верзије наслова Ваше публикације и ISSN за online верзију је важећи све док се не промени наслов публикације. Ако намеравате да промените наслов молимо Вас да нас информишете (заједно са одговарајућим фотокопијама или можда са новом URL адресом), тако да можемо да одлучимо да ли је нови ISSN потребан, или не.

Остале промене као што су место издања, издавач, периодичност, URL adresa, итд. не мењају ISSN, али је пожељно да нам их јавите да бисмо могли да ажурирамо библиографске податке у нашој бази.
За све додатне информације можете да се јавите на телефон 011-244-7362 или e-mail slobodanka.komnenic@ nb.rs.

INTERNATIONAL STANDARD SERIAL NUMBER

С поштовањем
Национални ISSN центар Србије
Слободанка Комненић